

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное учреждение
«Хабаровский организационно-
методический центр
Дальневосточного отделения
Российской академии наук»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 1 (21) / 2017

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Воронов Борис Александрович
сопредседатель
(Хабаровский организационно-методический центр ДВО РАН)

Минакир Павел Александрович
сопредседатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович
сопредседатель
(Правительство Хабаровского края, министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич
(Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Ленинградский областной институт развития образования, г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора

Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готного Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Актуальная проблема. Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Рубан Николай Иванович
Крюков Иван Владимирович
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА
Выпускающий редактор **О. Н. Волкотрубова**
Вёрстка **А. П. Врублевский**
Корректор **С. А. Андык**
Перевод на англ. яз. **О. И. Калабина**

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-66926 от 25.08.2016 г.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.fessl.ru/KNDV/

Адрес редакции:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20
E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

► К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯКОВА ДЬЯЧЕНКО
**Дальневосточные вёрсты первооткрывателя
Хабаровска..... 4**
Филонов Александр Михайлович

► К 55-ЛЕТИЮ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н. Д. НАВОЛОЧКИНА
**Портрет библиотеки в историческом
интерьере города 13**
Ракова Ольга Алексеевна

► К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИКТОРА ЕРАЩЕНКО
**«Я научил вас искусству откровенной
беседы...» 24**
Гребенюкова Наталья Петровна

**Гражданские мотивы в поэзии Виктора
Еращенко 27**
Рубан Наталия Алексеевна

► ТОЧКА ЗРЕНИЯ
**Культурные черты постиндустриальной
эпохи 31**
Флиер Андрей Яковлевич

**АТР и формирование Большой Евразии:
российско-китайское измерение 37**
Лю Синтао (刘兴涛)

► СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Еда меняет город 46
Иванова Алина Павловна

► ИСТОРИОПИСАНИЕ
**Пётр Евстафьев, вдохновенный художник
и педагог 59**
Никитина Нина Фёдоровна

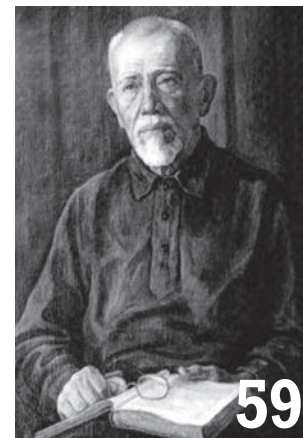
Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина является творческо-экспериментальной лабораторией, где разрабатываются инновационные формы и методы работы с детской аудиторией.

Картонный кофейный стаканчик сегодня служит таким же обязательным атрибутом наших студентов и молодых коллег, как смартфон, перейдя из утилитарного знака «еды-на-бегу» в маркер «нового горожанина» — мобильного, образованного и вестернизированного.

В истории Благовещенска есть имена людей, над памятью которых время не властно. С конца 1920-го по 1958 год здесь жил и работал талантливый педагог и замечательный художник Пётр Евстафьев, один из основателей художественно-промышленного училища. И именно в этом городе ему было суждено оставить глубокий след в дальневосточной культурной жизни.

► ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

Музыка как космическое явление 70
Никитин Алексей Алексеевич

История создания гербов Хабаровского края и города Хабаровска 77
Логинов Сергей Николаевич

Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему) 82
Бабуров Владимир Филиппович

Дальний Восток в судьбе Петра Проскурина 91
Кирпиченко Татьяна Васильевна

Бумажная книга — примета будущего 96
Волкотрубова Ольга Николаевна

► НАСЛЕДИЕ
Московские родники гражданской лирики дальневосточного военкора Сергея Феоктистова 101
Феоктистова Светлана Сергеевна

► КАФЕДРА
Работа над авторским словом на занятиях сценической речи в системе подготовки актёра и режиссёра 115
Москвитина Наталья Владимировна

В 1958 году в газете «Тихоокеанская звезда» были опубликованы рассказы П. Проскурина «Залом» и «Таёжная песня». Следом и журнал «Дальний Восток» напечатал рассказы, в которых отражались новые жизненные впечатления от встреч с интересными людьми и от Камчатки с её удивительной природой. А затем в этом же журнале появился и роман молодого писателя «Корни обнажаются в бурю» о жизни камчатских лесорубов.

В литературном наследии военного журналиста Сергея Феоктистова можно и нужно отследить и изучить все поэтические жанры и формы в разных объёмах и в разные периоды войны. Боевые стихи поэта-политрука выделялись особым дальневосточным кодом, в котором патриотизм, как «готовность голову за Родину сложить», был насыщен оптимизмом и романтизмом, верой в Победу...

► НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Тема изгнания в творчестве поэтов-эмигрантов первой волны (1920-е годы) .. 119
Лагунова Алина Владимировна,
Якимова Светлана Ивановна

Революция 1917 года глазами писателя и журналиста Всеволода Иванова 124
Мун Екатерина Владимировна,
Якимова Светлана Ивановна

► АРТЕФАКТ

Фотодокументы по этнографии Сибири и Дальнего Востока России в фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки 128
Струк Кристина Андреевна

► БИБЛИОГРАФИЯ

Дальний Восток как литературный герой 140
Давыдова Екатерина Сергеевна

Книжный мир на краю России 146
Наумова Раиса Вячеславовна

Информация для авторов 155

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ВЁРСТЫ ПЕРВОСТРОИТЕЛЯ ХАБАРОВСКА

В статье представлен исторический экскурс, связанный с освоением дальневосточных рубежей России в 1850-х – 1860-х годах. События тех лет неразрывно переплетены с именем Якова Васильевича Дьяченко, командира 13-го Сибирского линейного батальона, высадившегося в устье Уссури в 1858 году после подписания Айгунского договора. Именно здесь, благодаря усилиям смелого капитана, появилась Хабаровка, выросшая в наши дни в столицу Дальневосточного федерального округа. Автор, опираясь на исторические документы, пытается восстановить деятельность Дьяченко, назначенного начальником Новгородского поста, в 1860-е годы.

Ключевые слова: Яков Дьяченко, Новгородский пост, Хабаровка, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков, Н. Наволочкин, Южно-Уссурийский край, Посьет, П. В. Казакевич, «манзовская война».

Keywords: Yakov Dyachenko, The Novgorod post, Khabarovka, N. N. Murav'ev-Amursky, M. S. Korsakov, N. Navolochkin, South Ussuri region, Posiet, P. V. Kazakevich, "the manzov war".

Хрестоматийный образ Якова Васильевича Дьяченко, первостроителя Хабаровска, известен нам по роману дальневосточного писателя Николая Наволочкина «Амурские вёрсты». Но в ней капитан Дьяченко предстаёт лишь командиром батальона, тогда как закончил он военную службу полковником — начальником Новгородского поста в Южном Приморье, выполняя одновременно и другие очень ответственные и специфические обязанности. Об этом периоде его деятельности написано мало, хотя отдельные сведения разбросаны по нескольким трудам. В преддверии 160-летия Хабаровска представляется необходимым собрать их вместе и восполнить исторический пробел.

В последние годы появились новые публикации по истории Хабаровска и о его первостроителе. Среди них научно-популярное издание «Три ипостаси Якова Дьяченко» (автор — А. М. Филонов). Главный герой книги Яков Васильевич Дьяченко — офицер русской армии, первостроитель военного поста Хабаровка, страж границы, военный дипломат. После созидательной деятельности здесь, на посту, он командовал казачьим пешим батальоном в станице Казакевичевой, а после его служба проходила в Новгородском посту (Южное Приморье). Там в сложной военно-политической обстановке второй половины 60-х годов XIX века он одновременно выполнял обязанности начальника полевой команды, гражданского чиновника и пограничного комиссара на территории Суйфунского округа, включающего ныне город Владивосток и несколько сельских районов. Я. В. Дьяченко по обширности и содержанию решаемых задач был, несомненно, деятелем дальневосточного масштаба.

Капитан Дьяченко и его подчинённые — среди первых русских людей, утверждавших в середине XIX века суверенитет России в этом далёком краю. На их долю выпали неимоверные трудности освоения дальневосточной окраины. Практически параллельно осуществлялось несколько форм заселения — военная, казачья, крестьянская. С 1855 года на левом берегу Амура появляются военные посты и казачьи станицы, сначала на Нижнем Амуре, позже — на Верхнем и Среднем Амуре, по Уссури и далее, ставшие основой «Амурской линии» [территория, предназначенная для заселения казаками]. Строится всё это солдатами, они же прокладывают дороги, готовят места для поселений крестьян-переселенцев, несут охранную службу, часто не будучи достаточно обеспеченными самым необходимым — продовольствием и одеждой. Это о линейцах Уссурийского края было написано: «...словом, всюду на всех должностях и при всех занятиях стоит солдат, составляющий в здешнем крае охрану его, основу... и рабочую силу» [14, с. 2].

Яков Дьяченко, как и многие русские офицеры середины

XIX века, вёл кочевническую жизнь, но его строительная деятельность создавала поселения — стационарную среду обитания, военные посты, которые на далёкой окраине становились очагами цивилизации. Созданный линейцами на русско-китайской границе комплекс сооружений, обеспечивающих охрану, сдерживал мощное давление Цинской империи.

Трудно сказать, знали ли в то время русские офицеры и первые предприниматели призыв Р. Кипплинга «Несите бремя белых, что бремя королей», но безусловно одно: не только гражданский или военный долг руководил ими, но и чувство патриотизма.

У самых истоков города Хабаровска стоял сподвижник Н. Н. Муравьёва-Амурского — святитель Иннокентий (Вениаминов). По его благословению 28 июня 1858 года место под строительство Хабаровки и её первого храма освятил священник из Благовещенска Александр Сизой. В приход его походной Николаевской церкви тогда входила и Хабаровка.

«...По велению и благословению архиепископа Камчатского Иннокентия, я был послан с походной Николаевской церковью из Усть-Зейского поста... до местечка, рекомого ныне Хабаровкой, — рассказывал Сизой. — Остановились недалеко от утеса на берегу. В это время прибыл сюда на своем катере и генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев, который, не медля, приказал расчистить небольшую площадку на среднем из холмов, на которых впоследствии расположилась Хабаровка. На этой площадке и совершено было благодарственное молебствие Господу Богу Троидиному и освящено место для поселения. Исправив все требы в батальоне, я вернулся... в Зейский пост» [2, с. 209].

С 1858-го по 1865 год Я. Дьяченко проходил службу на хабаровском направлении, где складывающаяся обстановка потребовала от него проявления разносторонних качеств. Успешная деятельность командира батальона на Амуре была замечена Н. Н. Муравьёвым-Амурским, после чего последовали новые обязанности. С установлением госграницы возникла настоятельная необходимость в организации управления процессом заселения территории. 6 октября 1858 года генерал-губернатор поручил ему «главное заведование вновь поселившимися Уссурийского батальона Амурского Казачьего войска и заведование туземцами, живущими до Горина вниз по р. Амуру» [13, с. 54]. Все поселенцы по левому берегу Амура и проживающие здесь местные жители были в его ведении. Дело в том, что численность туземцев возросла: на русскую сторону Амура потянулись нанайцы, проживавшие ранее по реке Сунгари и пострадавшие от притеснения маньчжур. Поскольку переселение стало массовым, то маньчжурские власти установили военные посты

по реке Сунгари для задержания нанайцев, но некоторая часть из них прорвалась в русские пределы.

Вскоре сфера деятельности Я. В. Дьяченко опять расширилась. 18 сентября 1859 года он получил от генерал-губернатора новое поручение: «заведовать устройством вновь вольно переселившихся из внутренних губерний России казенных крестьян...» [13, с. 55–56], что и исполнял в течение года до прибытия назначенного исправника, то есть до 18 сентября 1860-го. Перед этим за отличия по службе Яков Дьяченко был произведён в майоры. Очевидно, в этой связи в октябре 1859 года он передал свои полномочия по управлению Хабаровкой полицейскому исправнику, а дела военные — начальнику поставой команды.

* * *

Майор Дьяченко внёс весомый вклад в организацию охраны и защиты госграницы на участке от станицы Казакевичевой до реки Тумень-Ула.

28 мая 1858 года в маньчжурском городке Айгунь (на правом берегу Амура, в 35 км ниже Благовещенска) был подписан договор о границе. В результате доказательных выводов Амурской экспедиции под руководством Г. И. Невельского и дипломатического искусства Н. Н. Муравьёва цинская сторона согласилась на пересмотр несправедливого для России Нерчинского договора 1689 года. По Айгунскому договору левый берег Амура признавался российским до самого его устья, а правый — маньчжурским до устья реки Усури. Статьёй 1 договора определялось, что «от реки Усури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем пользовании Дайцинского и Российского государств» [10, с. 80], то есть земли Уссурийского края, находящиеся южнее Амура к востоку от реки Усури до Японского моря, считались в общем владении России и Китая впредь до окончательного определения по этим местам границ между двумя империями.

Следует, однако, иметь в виду, что де-юре такое положение продолжалось менее двух с половиной лет. Но де-факто территория Приморья и юга Хабаровского края никогда не находилась в совместном владении, и тем более под совместным управлением российских и маньчжурских властей. Как свидетельствуют исторические источники, до заключения Айгунского договора Приморье (Южно-Уссурийский край) маньчжурам, и тем более китайцам, никогда не принадлежало. Этот край, будучи населённым местными племенами, оставался свободным от какого-либо правительственного влияния.

Айгунский договор не решил всех пограничных вопросов. Но, опираясь на него, а также на подписанный в июне

1858 года Тяньцзиньский договор о взаимоотношениях двух империй, Россия продолжила дипломатические переговоры. Наконец в ноябре 1860 года был заключён Пекинский дополнительный договор, по которому государственная граница между Российской и Цинской империями на её восточном участке получила современное начертание. Весной 1861 года в Уссурийском крае началась демаркация границы, которой в ранге первого комиссара Российского государства руководил П. В. Казакевич, первый военный губернатор Приморской области (с центром в Николаевске-на-Амуре). От устья реки Усури до реки Тумень-Ула было установлено всего восемь пограничных столбов, причём один — с литерой «Е» — возле места впадения реки Усури в реку Амур, то есть возле устья Усури, на твёрдом маньчжурском берегу, напротив казацкой станицы Казакевичевой.

В установке этого пограничного столба принимал участие Я. В. Дьяченко, тогда уже подполковник, что было закономерно в силу его старшинства в этом районе. Звание подполковника ему было присвоено 22 мая 1861 года. О его участии в этом значимом событии говорит и современный китайский историк Ли Юаньту [11, 12]. Этим погранстолбом определялось местонахождение устья реки Усури, как оно понималось при подписании Пекинского договора, то есть места соединения Усури с протокой Казакевичева (Амурской), которая является правым (южным) рукавом Амура. Погранстолб «Е» установлен в полном соответствии с разменной картой 1861 года, приложенной к Пекинскому договору. Об этом была сделана соответствующая запись в «Описании государственной границы между империями Российской и Дайцинской от реки Усури до моря».

Яков Васильевич Дьяченко командовал 13-м Сибирским линейным батальоном до 1863 года. После строительства Хабаровки и нескольких десятков селений батальон был переведён в пост Камень-Рыболов на озере Ханка, а его командир получил новое назначение. Он принял Уссурийский пеший казачий батальон, штаб которого находился в станице Казакевичевой. Около двух лет Яков Дьяченко непосредственно отвечал не только за охрану границы по Усури, но и продолжал её обустройство. Для несения пограничной службы и поддержания сухопутной связи с южными районами Приморья в середине 1863 года он получает 100 лошадей.

Не менее важной задачей было утверждение суверенитета России. Отношения на границе осложнялись попытками китайских пограничных властей самостоятельно наказывать преступников, а также осуществлять судебно-полицейские функции в отношении подданных своей империи на российской территории. «В этой связи в 1863 году русский чиновник в сопровождении вооружённого отряда отобрал

у китайского цзолина (чиновника) в районе Хабаровки двух китайских преступников» [14, с. 4].

* * *

При изучении новых документов о службе Я. В. Дьяченко на хабаровском направлении видно, что продовольственная проблема стала важным сдерживающим фактором в ходе освоения Приамурья и Приморья. Порождалась она не только затянувшейся сложной адаптацией казаков к непривычным земледельческим условиям и природным катаклизмам, но также и плохой организацией доставки продовольствия из Забайкалья и морем.

Обнаруженные в последнее время в архивах документы позволяют уточнить отдельные события в Приамурье, участником которых был Я. В. Дьяченко. Ранее они излагались фрагментарно. На первый взгляд в этих документах можно увидеть только локальную проблему, но фактически это лишь часть большой региональной проблемы создания нового земледельческого района. Они показывают, что обеспечение войск и населения хлебом было одной из приоритетных задач для командования всех степеней. Яков Дьяченко, возглавляя Уссурийский пеший казачий батальон, практически познал все трудности начального этапа организации службы и земледелия в приграничном районе.

Обеспечение войск на реке Уссури хлебом тоже было нелёгкой заботой для военного командования. Здесь также пытались возродить земледелие. Вот пример из 1863 года. Военный губернатор Амурской области, на которого было возложено обеспечение казаков Уссурийского пешего казачьего батальона семенами, обеспокоен неисправностью речного причала в станице Казакевичевой. Ему доложили, что это не позволит своевременно организовать разгрузку баржи с семенами. Есаулу Стенбоку было указано на это ещё в феврале, но он не принял мер по ремонту причала к началу навигации. В этой связи он обращает внимание своего коллеги — военного губернатора Приморской области, на то, чтобы новый командир батальона подполковник Дьяченко озаботился организацией ремонта причала и доставки семян из Хабаровки в станицу Казакевичеву.

Очевидно, что срыва в обеспечении семенами этого батальона не произошло, но случилась другая беда. В августе на реке Уссури ливневые дожди подсекли злаки и огородные овощи, а последовавшее наводнение окончательно погубило урожай. Командир батальона вынужден был просить помощи у контр-адмирала П. В. Казакевича и делить доставленное продовольствие. Впереди был тяжёлый год до нового урожая.

Представляет интерес и второй документ по этой же теме. Периодические неурожайи вносили существенные

коррективы в темпы заселения и освоения новых земель в Приамурье и Приморье. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков в ноябре 1863 года даёт указание военному губернатору Приморской области об организации обеспечения хлебом войск в заливе Посъета. Там планировалось дислоцировать один линейный батальон и горный дивизион артиллерии. Напомним читателю, что вблизи залива Посъета строевого леса не было. Проще и дешевле было заготовить срубы в лесном районе Татарского пролива и перевезти их судами на новое место. В этой связи М. С. Корсаков предписывает срубить в Императорской Гавани для переноса в залив Посъета хлебный магазин на 30 тысяч пудов хлеба и одну-две казармы, вместимостью каждой на одну роту.

Кроме того, перед подполковником Дьяченко ставится задача постройки в станице Буссе на реке Уссури хлебного магазина (склада) на 30 тысяч пудов. Эти запасы хлеба могли бы покрывать потребности войск и населения в особых случаях (война, перебои с подвозом и др.).

Эти, на первый взгляд не очень существенные, документы убедительно раскрывают всю остроту проблемы обеспечения продовольствием первых поселенцев Приамурья и Приморья. Новые документы обогащают информационную основу о первоначальном периоде освоения нашего края.

В целом же деятельность Якова Васильевича Дьяченко на хабаровском направлении оценивается положительно. За непродолжительное время он получил два воинских звания, причём оба за отличия по службе, приобрёл богатый и разносторонний опыт освоения далёкой окраины. Майору Дьяченко приходилось даже строить канонерки в Хабаровске. Вскоре это будет востребовано.

* * *

Во время пребывания в станице Казакевичевой новый генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков «присмотрел» Я. В. Дьяченко для должности начальника Новгородской постовой команды в гавань Посъета, которая в то время была ключевой. Нам не дано узнать реакцию подполковника Я. В. Дьяченко на новое назначение. Но он должен был согласиться на перемещение по службе и в связи с тяжёлым происшествием во вверенном ему казачьем батальоне. Его подчинённые, из числа «порочных нижних чинов», совершили убийства представителей сопредельного государства и аборигенов, грозившие обострением обстановки.

Ещё в 1858 году было издано положение о зачислении в казаки «порочных нижних чинов», нередко называемых «сынками». В 1857–1862 годах на Амур было переселено 14 тысяч душ казаков и 2,5 тысячи штрафных солдат из быв-

шего Отдельного корпуса внутренней стражи, высланных из европейской части России и зачисленных в амурские казаки.

Штрафники не только сами ничего не делали, но и другим мешали. Кроме воровства, у них не было другого ремесла. От маньчжуров доставали они водку всячески: то воровали, то выменивали на выданные им правительством инструменты. Около двух лет положено было выдавать им хлеб на пищу и семена, но они были уверены, что эта выдача будет постоянной.

Естественно, что эти «сынки» были и в составе подразделений, которыми командовал Дьяченко. Группа таких «сынков» ниже Хабаровки зарезала четырёх или более маньчжуров и гольдов (нанайцы), в числе которых был один нойон (штаб-офицер). Во время пребывания здесь М. С. Корсакова к нему пришли нойоны в огромном количестве. Они заявили, что смотрят на этот случай как на какое-то начало резни, которую русские будто бы хотят начать. Требовали голову Дьяченко, то есть нойона, равного по чину убитому. Насилу убедили их, что этого нельзя делать по русским законам.

* * *

18 февраля 1866 года Яков Дьяченко стал начальником Новгородского поста, история которого началась 26 апреля 1860 года. Тогда с транспорта «Японец» в залив Посыета высадились 26 матросов и подняли русский военно-морской флаг. А 3 июля здесь уже была рота солдат, которая создала пост в гавани Новгородской. Он имеет интересную историю.

Этот замечательный залив был открыт 9 мая 1854 года экипажем паровой шхуны «Восток». Её командир В. А. Римский-Корсаков внушил вице-адмиралу Е. В. Путятину мысль, что надо срочно заняться изучением береговой черты Приморья от реки Туманган, которая издавна считалась северной границей Кореи. Напомним: эскадра Путятинна была направлена на Дальний Восток в сентябре 1852 года в связи с усилением активности англичан, американцев и французов на Тихом океане. Русское правительство понимало всю степень угрозы иностранцев для незащищённых территорий Приамурья, Приморья и Сахалина. Это подтвердила вскоре начавшаяся Крымская война.

О значении Приморья для будущего России писал известный путешественник и учёный М. И. Венюков: «На обширном пространстве России, вдали от мировых путей, нет другой местности, которая может иметь столь великую историческую будущность, как восточная её окраина, от устья Амура до устья Тумень-Улы. Здесь русская земля владеет той открытой дверью в океан, которой не досталось ей в Европе. Здесь лишь могут возникнуть порты для беспрепятственной морской торговли с Америкой, Зондскими

островами и Индией, этими надолго неистощимыми источниками богатств для целого света. Одним словом, какой бы участок русских государственных рубежей в Азии или даже в Европе мы не взяли, будь то берега Финского залива или Черного моря, Закавказья или бассейна Сыра [Сырдарьи], ни один из них не представляет столь разнообразных и, большей частью, благоприятных условий для широкого политического влияния и блистательной экономической будущности, как край Приморский, и ни в одной части нашего обширного Отечества территориальные потери не были бы так печальны, как здесь. Для прояснения, что стоит лишь представить, что Англия имеет на острове Аскольд новый Гонконг или Китай владеет заливом Посыет» [13, с. 124–125].

Несомненно, что Муравьёв-Амурский также понимал значение этого района для России. Пост в течение нескольких лет носил два названия: Посыет и Новгородский. Более пяти лет он соперничал с Владивостоком и Ольгой за право строительства главного тихоокеанского порта России. Однако в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века на первое место выдвинулся Владивосток, а Посыет превратился в рядовой посёлок. Пост находится в 22-х верстах от корейской и 23-х верстах от китайской границ. Ранее в удобных бухточках залива зимовало до 1 000 лодок китайцев, промышлявших добычей морской капусты. Расположенный в ключевой точке Южно-Уссурийского края, пост Новгородский оказался в эпицентре важных и сложных событий. Подполковнику Дьяченко одновременно пришлось выполнять обязанности и воинского начальника, и пограничного комиссара, и начальника гражданской администрации поста. Этому потребовала сложившаяся в районе обстановка.

С января 1864 года началось переселение корейцев на постоянное жительство в Приморье. Первая группа (65 чел.) обосновалась на реке Тизинхэ недалеко от Новгородского поста. Корейцам, перешедшим на русскую территорию, администрацией Приморской области была оказана определённая материальная помощь, а также обеспечена защита от посягательств корейских и китайских властей на юрисдикцию над ними.

Вместе с тем корейские власти усилили охрану границы с Россией, последовали репрессии по отношению к пойманым беглецам, что значительно осложнило обстановку в приграничных районах, но не остановило поток переселенцев. Экономические трудности на родине для них были невыносимыми, в России же у корейцев появился шанс жить лучше. В Приморье они долгое время имели земельные и налоговые льготы, получали первоначальную помощь продовольствием, семенами и даже деньгами до первого урожая, так как приходили полуодетые и лишённые всех средств.

До 1884 года цивилизованное решение проблемы корейской иммиграции осложнялось отсутствием каких-либо дипломатических отношений между Россией и Кореей. Соответственно не было ещё и пограничных комиссаров. А переход крестьянских семей из Кореи в Южно-Уссурийский край продолжался, и интенсивность потока нарастала. Вот в такой непростой обстановке подполковник Дьяченко возглавил Новгородский пост. В депеше от 5 января 1867 года на имя начальника сухопутных сил Приморской области он выразил тревогу и озабоченность — до какой степени позволять иммиграцию из Кореи: «Это обстоятельство требует многостороннего обсуждения. Прошу справиться и доложить — разрешено ли Генерал-Губернатором переселение корейцев» [13, с. 153].

Святитель Иннокентий (Вениаминов) также принял участие в закреплении корейцев в Южном Приморье. По его настоянию в Посъете в 1867 году была открыта часовня и самостоятельный приход. Тогда же он совершил четвёртое путешествие по Уссуре, 16 июня отправившись на буксире парохода вверх по реке. В станице Буссе один из чиновников Приморской области показал святителю перепись корейцев, знакомство с которыми было одной из главных целей его путешествия. Из станицы Буссе архиепископ отправил телеграмму в Посъет с вопросом «о новых наших соотечественниках» из Кореи. Через несколько дней он получил ответную телеграмму от командира Новгородского поста подполковника Я. В. Дьяченко: «Корейцев переселилось 220 семей... Главное население в 20-ти верстах от Новгородского. Взгляд Корейского правительства на это переселение неприязненный. Поэтому и по другим политическим видам дальнейшее переселение приостановлено. Судя по заявлениям корейцев, большинство желает обратиться в христианство. Полагаю, необходим особый миссионер. Подполковник Дьяченко» [2, с. 298–299].

Русские власти время от времени старались сдерживать переселение подданных корейского государства на юг Приморья, но это не всегда удавалось. Если зимой 1868/1869 года в Посъетский участок сразу перешло 900 человек, то следующей зимой — уже 6,5 тысячи. Это было вызвано неурожаем и стихийным бедствием в северных районах Корейского полуострова летом и осенью 1869 года. Наплыв иммигрантов стал проблемой для всего Приморья. По предписанию военного губернатора Приморской области И. В. Фуругельма Дьяченко, тогда уже полковник, отправился в Кёнхын для переговоров с корейскими властями и потребовал, чтобы они приняли самые энергичные меры к прекращению переселения, а в случае возвращения беженцев не наказывали их. Корейские власти уверяли в желании прекратить переселение, но вслед за этим прислали

грамоту, в которой обвинили русские власти в том, что они увлекают корейцев, давая им пищу и одежду.

В декабре 1869 года И. В. Фуругельм сам прибыл в Новгородский пост и принял меры к тому, чтобы склонить корейские власти разрешить вернуться беглецам в Корею на прежние места жительства, не наказывая их. Контр-адмирал Фуругельм вновь отправил в Кёнхын недавно назначенного пограничного комиссара князя Трубецкого с начальником Новгородского поста и переводчиком. Несмотря на то, что корейские власти дали определённые письменные гарантии не наказывать возвращающихся, беженцы решительно отказались вернуться домой.

Российские власти, не готовые изначально к такому массовому переходу границы корейцами, вынуждены были принимать экстраординарные меры к их обустройству. По указанию военного губернатора полковник Дьяченко отправил 600 корейцев морем во Владивосток, 70 человек, имевших скот, — в с. Никольское. Оставшиеся поселились в с. Тизинхэ. Нуждающимся было отпущено четыре тысячи пудов ржи и две тысячи пудов муки. Для найма корейцев на работу по строительству новой дороги в Южно-Уссурийском крае полковнику Дьяченко было выделено 2,3 тысячи рублей. По его заявке на питание корейских рабочих была выделена 1 000 пудов ржи. Кроме того, корейцы были приняты на временную работу в бухту Посъета (разгрузка угля) и для выполнения строительных работ в урочище Новокиевском.

* * *

Развитие Приморской области настоятельно потребовало создания гражданских органов власти. «10 января 1867 года начало функционировать Приморское областное правление, а уже 6 июня был образован Суйфунский [Новгородский. — Ред.] округ¹, в который вошла вся южная часть области со всеми окрестностями залива Петра Великого². Руководство округом было возложено на начальника Новгородского поста, которому было также подчинено всё местное гражданское население [включая «переселенных

1 «Генерал-губернатор М. С. Корсаков поручил Фуругельму образовать Суйфунский округ своим отношением от 13 августа 1866 г. за № 390. Однако Приморский губернатор [Фуругельм] и начальник штаба Приморских войск полковник М. П. Тихменев слушались Главного начальника края и учредили Новгородский округ с семью участками, в том числе Суйфунским... Корсаков... будучи в Камне-Рыболове в июне 1868 г. в своем отношении за № 178 потребовал от губернатора неукоснительного выполнения своего августовского распоряжения» [9, с. 270]. — Ред.

2 Новгородский округ в военно-административном отношении делился на семь участков: Новгородский, Суйфунский, Владивостокский, Сучанский, Верхнеуссурийский, Лефу, Ханкайский (см. Лысунец В. А., Фокин А. М. Дальневосточные вёрсты капитана Дьяченко. В фактах, событиях и документах. — Хабаровск: МАУ «Хабаровские вести», 2014. — С. 128). — Ред.

корейцев и русских»], он же наделялся правами земского исправника. Несколько позднее другой офицер, рангом пониже, был назначен заведующим корейцами» [9, с. 97–98]. В архивах сохранились билеты, выдаваемые Новгородским постовым управлением корейским крестьянам внутри Южно-Уссурийского края для поселения на новом месте [9, с. 98].

В этот сложный период большое внимание уделялось охране российских дальневосточных рубежей. Личный состав Новгородской постовой команды нес службу на постах во Владивостоке, в бухте Находка, заливе Стрелок, урочище Вяземском и станице Верхне-Бельцовой.

Примечательной особенностью обстановки является учреждение в корейских сёлах по просьбе их жителей военных постов, в каждом из которых находилось по несколько русских солдат под началом унтер-офицера. Первый такой пост был образован ещё в 1864 году в с. Тизинхэ. Вплоть до 1884 года известно о выставлении около 10 таких постов в корейских сёлах погранзоны.

В это время многие военные посты в отдалённых приграничных районах фактически выполняли функции пограничных постов, осуществляя наблюдение за линией границы. Это подтверждает описание Посъетского района: «Только когда мы приблизились верст на двадцать пять – тридцать к корейско-китайской границе, нам начали изредка встречаться по пути русские лица. Это были солдаты, отбывающие нелегкую службу в пограничных постах и урочищах, служащих здесь почти единственными русскими поселениями, целью которых является как наблюдение за границей и охрана её, так и надзор за тем, чтобы китайцы и корейцы не переходили её бесконтрольно» [14, с. 6].

* * *

Характернейшей особенностью рассматриваемого периода является одновременность и взаимообусловленность многих событий. После заключения договоров о границе (1858-й и 1860 г.) русская администрация несколько лет практически не обращала внимания на подданных Цинской империи. Мигранты из соседней страны также не давали повода для беспокойства. Но в апреле 1868 года началась так называемая «манзовская война», в которой активное участие принимал подполковник Я. Дьяченко. А предыстория этих событий такова.

Ещё весной 1867 года команда русской шхуны обнаружила на острове Аскольд, недалеко от Владивостока, целый городок китайцев, занятых промывкой золота. Неделю военный отряд очищал остров от хунхузов. Так как первоначально прибывший русский отряд в составе 25 человек с задачей не справился, то пришлось вызывать подкрепление. Начальник Новгородского поста подполковник Дьяченко

прибыл со своей командой и быстро выдворил хунхузов с острова. Для контроля обстановки в проливе Стрелок был выставлен пост.

Но через год, 19 апреля 1868 года, на острове вновь были обнаружены хунхузы-золотоискатели, которые оказали вооружённое сопротивление, убив трёх и ранив восемь матросов и офицера. С этой стычки и началась «манзовская война», которая охватила всё Приморье. В ночь на 26 апреля хунхузы уничтожили пост в заливе Стрелок и предприняли попытку захватить Находку, но получили отпор. В первые же дни войны хунхузы сожгли деревни Шкотово и Суйфунскую (Раздольное), уничтожили Никольское (ныне г. Уссурийск). Они вплотную подошли к Владивостоку, но штурмовать не решились. Через некоторое время регулярные русские войска разгромили хунхузов, остатки которых, рассеявшись небольшими группами, ушли за границу. Практически все войска, находившиеся в Приморье, принимали участие в обороне объектов или уничтожении хунхузов. Подполковник Я. В. Дьяченко во главе отряда с двумя горными орудиями занял станицу Лоренцеву.

Это было первое вооружённое сопротивление китайских мигрантов³. Нет единого мнения о числе китайцев, участвовавших в «манзовской войне». Полагают, что в Приморье их проживало не более тысячи человек, но сообщается и о сорока тысячах восставших. Эти данные лишней раз свидетельствуют об отсутствии всякого надзора над иностранцами в крае. В заключение данного эпизода добавим, что известный русский путешественник Н. Пржевальский, находясь в это время в Приморье, также участвовал в «манзовской войне» и получил орден.

«Манзовская война» высветила всю неприглядную картину с контролем над китайским населением. В середине декабря 1868 года генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков, находившийся во время упомянутых событий в Приморской области, отмечал, что в южной её части проживает довольно значительное количество китайского населения, пользующегося богатствами края бесконтрольно и непроизводительно для России. Это население не является зависимым от русского правительства, управляется своими выборными на основе своих обычаев и всякое вмешательство русских считает посягательством на свои права.

Согласно специальному предписанию Фуругельма начальнику Новгородского поста подполковнику Дьяченко

³ В своём приказе от 30 июня 1868 г. № 15 командующий войсками Приморской области контр-адмирал И. В. Фуругельм указал, что «вооруженное восстание манз подавлено» (см. Лысунец В. А., Фокин А. М. Дальневосточные вёрсты капитана Дьяченко. В фактах, событиях и документах. — Хабаровск: МАУ «Хабаровские вести», 2014. — С. 131). — Ред.

(июль 1868 г.), была улучшена охрана участка границы от Турьего Рога до реки Тумень-Ула. Проход китайцев на территорию Уссурийского края разрешался только по трём дорогам, в том числе через Посьет. Обязательным становилось визирование в русских постах китайских национальных билетов — паспортов. Китайцы, находящиеся на момент издания распоряжения на Дальнем Востоке, должны были получить билеты в течение года.

Для оповещения китайцев об этих нововведениях Я. В. Дьяченко поручалось «войти в сношение с гиринским фудутуном» с тем, чтобы эти распоряжения «были опубликованы китайским начальством на всеобщее сведение»⁴ [13, с. 150–151].

В августе 1869 года М. С. Корсаков издал новое постановление, касающееся китайцев. Необходимой мерой признавалась перепись. Планировалось, что информацию о численности и местах проживания китайцев соберут и доставят русским властям китайские старшины, рискуя, в случае подачи ложных сведений, быть подвергнутыми штрафу. На офицеров и чиновников, заведовавших гражданским населением, возлагалась проверка этих данных.

* * *

Последний период службы Якова Васильевича Дьяченко был насыщен важными и сложными событиями, отражающими практически все особенности обстановки в районе стыка границ трёх государств. При этом Китай и Корея проводили свою внутреннюю и внешнюю политику в пограничном пространстве не без влияния западных стран, что значительно осложняло деятельность русской стороны. Служба Я. Дьяченко получила достойную оценку: 20 июля 1869 года ему было присвоено звание полковника. А 26 марта 1871-го Якова Васильевича Дьяченко не стало. Можно с большой долей вероятности предположить, что офицер был похоронен в Новгородском посту. В этой связи стоит напомнить, что и другие известные дальневосточники рано ушли в мир иной, среди них М. С. Корсаков, Н. В. Буссе, Е. И. Невельская...

Почти сто шестьдесят лет россияне стоят на страже границы в Посьете. По разным причинам тяжела здесь служба. Но военнотруженики с достоинством выполняют свой долг во имя Родины в любых условиях.

Этот экскурс предпринят для воссоздания образа полковника Якова Дьяченко — защитника Отечества, одного из тех офицеров, которые заложили и закрепили основы русской государственности на далёкой окраине России, посвятив этому свою жизнь. Скромно представлена в Хабаровске память о первостроителе. Но, с другой стороны, мы ежегодно с благодарностью вспоминаем его, отмечая очередную годовщину города — ныне столицы Дальневосточного федерального округа.

Публикации последних лет о Якове Дьяченко активизировали поисковую работу исследователей и помогают выявлять новые документы о его деятельности, что позволяет полнее познать не только его жизненный путь, но и историю Хабаровска и дальневосточных рубежей нашей страны.

Отрадно, что появляются новые научные сборники и монографии, так или иначе посвящённые тем событиям в российской истории. Так, в конце 2016 года в Дальневосточной государственной научной библиотеке состоялась презентация книги «Леса Дальнего Востока глазами первопроходцев». Это издание представляет собой сборник уникальных исторических документов по исследованию лесов Дальнего Востока в период освоения этой территории после присоединения Приамурья и Приморья к российским владениям. В него вошёл труд А. Ф. Будищева «Описание лесов южной части Приморской области» (1883 г.). Как известно, Алексей Фёдорович и его сподвижники получали большую помощь в организации своих экспедиций от офицера русской армии Я. В. Дьяченко. А Хабаровка для экспедиции стала штаб-квартирой...

⁴ Об этом предписании военный губернатор Фуругельм упоминает в своём рапорте генерал-губернатору Восточной Сибири Корсакову от 20 августа 1868 г. № 1513 (см. Лысунец В. А., Фокин А. М. Дальневосточные вёрсты капитана Дьяченко. В фактах, событиях и документах. — Хабаровск: МАУ «Хабаровские вести», 2014. — С. 134–135). — Ред.

Список использованных источников

1. Алексеев, А. И. Новое о капитане Я. В. Дьяченко / А. И. Алексеев // *Дальний Восток*. — 1972. — № 2. — С. 141–142.
2. Гладких, Т. И. Иннокентий (Вениаминов). Ученый, педагог, просветитель : док. повествование / Т. И. Гладких ; вступ. ст. А. М. Филонова. — Хабаровск : Приамур. ведомости, 2016. — 336 с. : ил.
3. Дацышен, В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX века / В. Г. Дацышен. — Кызыл : Республ. тип., 2000. — 215 с.
4. Дацышен, В. Г. Уссурийские купцы. Судьбы китайцев в революционной России / В. Г. Дацышен // *Родина*. 1995. — № 7. — С. 54–57.
5. Леса Дальнего Востока глазами первопроходцев : [сборник] / сост.: Ю. И. Манько, А. Ж. Пуреховский ; под науч. ред. Ю. И. Манько. — Санкт-Петербург : ИП Львов Дмитрий Владиславович, 2016. — 511 с.
6. Наволочкин, Н. Д. 13-й линейный батальон и его командир / Н. Д. Наволочкин // *Дальний Восток*. — 1971. — № 5. — С. 138–149.
7. Наволочкин, Н. Д. Тринадцатый линейный батальон и его командир / Н. Д. Наволочкин // *Дальневосточные путешествия и приключения*. — Хабаровск, 1979. — Вып. 9. — С. 278–306.
8. Пак, Б. Д. Корейцы в Российской империи / Б. Д. Пак. — 2-е изд., испр. — Иркутск : ИГПИ, 1994. — 236 с.
9. Петров, А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90 годы XIX в. — Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН, 2000. — 303 с.
10. Ткаченко, Б. Н. Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XX веков / Б. Н. Ткаченко. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. — 159 с.
11. Филонов, А. М. ...Демаркации не подлежат / А. М. Филонов ; Приамур. геогр. о-во. — Хабаровск : Б. и., 1999. — 75 с.
12. Филонов, А. М. Спорные острова: кость в горле отношений России и Китая / А. М. Филонов // *Хабар. экспресс*. — 1997. — 22–29 нояб. — С. 22.
13. Филонов, А. М. Три ипостаси Якова Дьяченко: Из истории освоения Приамурья и Приморья / А. М. Филонов. — Хабаровск : Приамур. ведомости, 2009.
14. Филонов, А. М. Яков Васильевич Дьяченко — первостроитель, страж границ, военный дипломат / А. М. Филонов // *Материалы городской научно-практической конференции, посвященной 190-летию одного из основателей города Хабаровска, командира 13-го Сибирского линейного батальона капитана Я. В. Дьяченко* : [сб. докл., 25 апр. 2007 г.]. — Хабаровск, 2007. — С. 2–7.
15. Чернышева, В. И. Хабаровск 1858–1983 : очерк истории / В. И. Чернышева, Г. С. Чечулина, А. С. Сутурин. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1983. — 336 с.

Материал поступил в редакцию 03.04.2017 г.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, почётный член и учёный секретарь Приамурского географического общества (г. Хабаровск), почётный гражданин г. Хабаровска.

► К 55-летию детской библиотеки им. Н. Д. Наволочкина

РАКОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА

ПОРТРЕТ БИБЛИОТЕКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ ГОРОДА

Автор предпринял попытку заглянуть в историческое прошлое Хабаровской краевой детской библиотеки имени Н. Д. Наволочкина, которое неразрывно связано с историей города, его жителей, улиц и домов.

Ключевые слова: КВЖД, Иннокентий Еремеев, улица Запарина, библиотека имени Крупской, ДВГНБ, детская библиотека им. Наволочкина, улица Ленинградская, корейская слобода, «Нахаловка», «Энергомаш», улица Карла Маркса, улица Синельникова, улица Дикопольцева, Уссурийский бульвар, Плюснинка.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Innokenty Yermeyev, Zaparina street, The Krupskaya Library, FESSL, The Navolochkin Children's library, Leningradskaya street, Korean settlement, "Nakhalovka", "Energomash", Karl Marx street, Sinelnikova street, Dikopol'tseva street, Ussuriysky Boulevard, Plyusninka (river).

Часть 1. История библиотеки и история зданий

Сегодня Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина расположена по адресу: ул. Ленинградская, дом № 25. Но так было не всегда. В разное время библиотека меняла своё местоположение. Заглянем в историю этих мест.

Улица Запарина

С 1961-го по 1988 год Хабаровская краевая детская библиотека располагалась по улице Запарина, в доме № 88. До октября 1880 года эта улица не имела наименования. Имя «Барабашевская» она получила в честь Якова Фёдоровича Барабаша — генерала-от-инфантерии.

В этом здании по ул. Запарина детская библиотека располагалась с 1961 года.

Улица Барабашевская была переименована в улицу Запарина 21 февраля 1930 года после конфликта на КВЖД.

В 1896 году между Россией и Китаем был заключён договор о строительстве КВЖД, в котором предусматривалось: по истечении 36 лет эксплуатации железной дороги китайское правительство имело право выкупа, а через 80 лет Россия обязывалась уступить дорогу безвозмездно.

Печальная судьба этой железной дороги связана с 1929 годом, когда 10 июля был совершён налёт на управление КВЖД в Харбине и по всей линии дороги. Китайская полиция и белогвардейцы громили советские торговые и культурные учреждения. А во второй половине сентября и начале октября были предприняты военные действия против советских частей, охраняющих КВЖД [24].

В конце 1929 года произошло сражение в районе Лахососу (напротив села Казакевичево), в котором погибли три командира Красной армии: Константин Запарин, Андрей Знаменщиков, Ким Ю Чен. В память о героях были переименованы улицы: Барабашевская — в улицу Запарина, улица Семёновская — в Знаменщикова, Никольская — в Ким Ю Чена.

Интересна история дома под номером 88. Выстроен он в самом начале XX века нерчинскими золотопромышленниками, купцами Бутиными, и с 1903-го по 1920 год принадлежал полковнику И. И. Еремееву.

Иннокентий Иванович владел известковым и мыловаренным заводами и был городским головой с 1906-го по 1914 год, затем его сменил Александр Васильевич Плюснин, руководивший городом вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

В годы руководства городом И. И. Еремеевым в Хабаровске появились электричество, водопровод, началось мощение улиц, открылись новые городские училища и кинотеатр «Гранд-Иллюзион», появились общественные сады, упорядочилась нумерация участков. При его содействии в городе начал издаваться журнал «Известия Хабаровской городской думы».

В ноябре 1913 года Иннокентий Иванович предложил всю набережную линию, от водонасосной станции до Муравьевского утёса, в связи со столетием со дня рождения адмирала Г. И. Невельского, назвать его именем. Что и было решено городской думой единогласно. Сегодня имя набережной восстановлено, и мы можем видеть памятную доску об этом близ речного вокзала. Умер Иннокентий Иванович Еремеев в эмиграции в 1925 году в Харбине [3].

В 1915 году дом № 88 был продан санитарному врачу Г. Я. Лохку. Затем в нём размещались лаборатория, адвокатская контора, Соцстрах, Красный Крест, а с 1937-го по 1961 год — Центральная городская библиотека имени Н. К. Крупской [2].

Центральная городская библиотека имени Н. К. Крупской

Повествуя о Хабаровской краевой детской библиотеке, необходимо рассказать об истории её предшественницы — Центральной городской библиотеке имени Н. К. Крупской, которую в 1961 году в доме № 88 по улице Запарина сменила детская библиотека.

Первые сведения о Центральной городской библиотеке, найденные автором и публикуемые впервые, датируются 1924 годом. Так, в газете «Дальневосточный путь» от 22

июля 1924 года в разделе «Хроника» указано: «Центральная библиотека переведена в нижний этаж здания Дальревкома (бывшее кафе «Чашка чая»). Библиотека пополнена книгами (бывшей Гоголевской и Пушкинской). В настоящее время идет спешная разборка книг. Для библиотеки отведено обширное светлое помещение, в котором кроме библиотеки имеется отдельное помещение для книжной базы и другое с массой света — читальня» [27].

Данные сведения позволяют предположить, что библиотека возникла в результате слияния двух ранее существовавших городских библиотек — Гоголевской и Пушкинской.

Однако имеется и другая версия образования библиотеки ещё до Октябрьской революции. Так, в отчётах библиотеки за 1951–1953 годы значится: «Городская массовая библиотека им. Крупской организована до 1917 г. Центральной городской названа в 1924 году» [23].

Осенью 1924 года библиотека переезжает в здание Дома комхоза (ныне — здание Дальневосточной государственной научной библиотеки), о чём свидетельствует объявление в газете «Дальневосточный путь» за 5 октября 1924 года: «Центральная библиотека переведена в Дом комхоза (бывшее Плюсина) угол ул. Карла Маркса и Тургеневской, где помещалось управление Уссурийской железной дороги. При библиотеке есть отдельное помещение для читальни. О дне открытия библиотеки будет объявлено в газетах» [20].

В 1924–1925 годах библиотеке присваивается имя Н. К. Крупской, чьё 55-летие отмечалось в 1924 году. Об этом свидетельствует объявление, опубликованное в газете «Тихоокеанская звезда» за 7 марта 1926 года: «Центральная библиотека имени Крупской (Тургеневская, д. комхоза) устраивает выставку по охране материнства и младенчества: осмотреть можно ежедневно с 3 до 7-ми кроме понедельника и среды» [21].

И, наконец, о последнем расположении библиотеки в 1937 году свидетельствует следующее объявление: «Библиотека имени Крупской Н. К., ул. Запарина, 78 [ныне 88] открыта с 1 февраля 1937 года. Абонемент работает с 3 до 8 часов вечера» [22].

Вся деятельность библиотеки в 1920-е годы была подчинена главной цели — коммунистическому воспитанию трудящихся [7]. В 1930–1940-е годы библиотеку отличает активная политическая культурно-массовая работа. Деятельность её коллектива проникнута духом большевистской идейности и партийности. Развёртывается пропаганда Сталинской конституции (Конституция СССР 1936 г.).

Вместе с тем перед библиотекой остро стояла проблема размещения фондов, поэтому в декабре 1941 года Хабаровский горисполком решает передать второй этаж здания, ранее занимаемый родильным домом.

Одним из новшеств 1950-х годов является предоставление читателям открытого доступа к книжным фондам библиотеки [9].

В 1959 году выходит в свет постановление ЦК КПСС от 22 сентября «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране», в котором «во избежание параллелизма в работе заводских и фабричных библиотек и в целях более рационального использования средств поручено райкомам и крайкомам партии, Центральным Комитетам компартий Союзных Республик совместно с профсоюзными и хозяйственными органами рассмотреть вопрос объединения мелких библиотек различных ведомств, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга» [16].

Постановление было продублировано приказом министра культуры СССР от 10 октября 1959 года № 593 «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела» [15].

Вслед за этими документами исполком Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся и президиум краевого совета профессиональных союзов принимает постановление от 9 марта 1961 года № 135 «Об утверждении сети библиотек всех организаций и ведомств в городах и районах края», определяющее минимальное расстояние между библиотеками в 3 километра [19]. Таким образом, городская библиотека имени Крупской, которая находилась в пределах этого расстояния от Краевой научной библиотеки, была закрыта. Библиотечный фонд был зарезервирован и передан в Краевую научную библиотеку, затем служил для комплектования городских библиотек.

Персонал библиотеки пополнил кадровый состав других библиотек города. Среди её работников известны имена библиотекарей Т. А. Матвеевой, Н. А. Колобановой, В. Жаблицкой, М. А. Кукель-Краевской (жена внука российского адмирала Г. И. Невельского), Е. Н. Богдановой, Е. Д. Басс, Е. И. Болотиной, внёсших значительный вклад в становление и развитие библиотеки имени Н. К. Крупской.

Хабаровская краевая детская библиотека

Определяющим в основании библиотеки явилось вышеупомянутое постановление Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся и президиума краевого совета профессиональных союзов от 9 марта 1961 года. Данным документом был утверждён список государственных библиотек, подлежащих открытию в 1961–1962 годах, в котором предусматривалось открытие в Центральном районе г. Хабаровска краевой детской библиотеки в 1961 году [19].

В соответствии с данным постановлением управлением культуры Хабаровского края был издан приказ от 22 мая

1961 года № 107 «О реорганизации городской библиотеки им. Крупской», которым предписывалось Хабаровскому городскому отделу культуры закрыть городскую библиотеку с 23 мая 1961 года для реорганизации её в краевую детскую библиотеку, а краевой библиотеке принять читателей библиотеки им. Крупской [11].

Вместе с тем 24 августа 1961 года принимается решение исполкома Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся № 477 «Об организации в г. Хабаровске краевой детской библиотеки», которым, в соответствии с народнохозяйственным планом и бюджетом на 1961 год, решено организовать во втором полугодии 1961 года в г. Хабаровске краевую детскую библиотеку на базе 50 тысяч экземпляров детской литературы, выделенных Хабаровской краевой и городскими библиотеками края [17].

Невыясненным остаётся вопрос: почему через три месяца после выхода постановления о реорганизации библиотеки им. Крупской в краевую детскую библиотеку принимается новое решение о создании той же краевой детской библиотеки?

19 мая 1962 года (в день рождения пионерской организации) краевая детская библиотека была открыта для посещения читателями.

Она начала работу в условиях открытого доступа на абонементы, передового для того времени метода раскрытия книжного фонда для читателей-детей, что являлось инновационным подходом в организации фонда. С 1964 года в библиотеке начал использоваться читательский формуляр, отпечатанный по специальному заказу. В этом же году стал ежеквартально выходить бюллетень «Используйте в своей работе», в котором размещалась информация об опыте детских библиотек края, давались рекомендации по работе с отдельными книгами и библиографическими пособиями, материалы для бесед о городах и сёлах Хабаровского края.

Все последующие годы коллектив учреждения прилагал большие усилия по становлению библиотеки как краевого методического центра. Особое внимание обращалось на обеспечение стопроцентного охвата школьников внеклассным чтением. С 1968 года библиотека стала базой практики для студентов Восточно-Сибирского государственного института культуры, а затем Хабаровского государственного института культуры.

1970-е годы для специалистов краевой детской библиотеки были периодом активной работы по маршрутам Всесоюзного пионерского марша «Всегда готов!», проходившего под девизом «Идём дорогой Ленина, дорогой Октября!». Маршруты представляли собой программу многообразной работы, обеспечивающей идейно-политическое, нравственное, трудовое, эстетическое и физическое воспитание детей

и подростков. В 1975 году большое внимание было уделено теме «БАМ — Всесоюзная ударная стройка». Проводились громкие чтения периодики на тему «Пионерские рельсы — БАМу», беседы о ходе строительства магистрали.

Задачи, стоявшие перед библиотекой в 1980-х годах, были определены решениями съездов КПСС, постановлениями партии и правительства. Много внимания уделялось идеологической составляющей. Библиотекой проводилась большая работа по повышению уровня библиографического и информационного обслуживания, привлечению основной массы читателей к систематическому чтению.

Тогда же детские библиотеки приступили к изучению условий для перехода на классификацию фонда по таблицам Библиотечно-библиографической классификации (ББК). Была организована работа библиотекарей в кинолекториях при кинотеатрах «Пионер» и «Дружба». Совместно с краевым комитетом по радиовещанию и телевидению проводились ежемесячные заседания радиоклуба «Книголюб».

В связи с проходившей реформой школьного образования в центре особого внимания библиотекарей в 1985 году находились дошкольники. В детских садах были организованы пункты выдачи книг, которые регулярно посещались библиотекарями с целью обмена книг и проведения бесед и громких чтений. Организовывались выставки-просмотры новинок. В библиотеках края широко велась работа по внедрению в школах уроков библиотечно-библиографической грамотности.

В 1989 году Хабаровская краевая детская библиотека переехала на улицу Ленинградскую и расположилась в доме № 25, в здании, специально построенном для библиотеки. С виду ничем непримечательный рабочий район города оказался очень интересным своей самобытной историей (см. Часть 2. История квартала № 186).

В 1990-е годы краевая детская библиотека перестаёт быть ярко выраженным идеологическим учреждением. Вместе с тем воспитание подрастающего поколения дальневосточников в духе высоких гуманистических идей оставалось главной задачей библиотечных специалистов, для осуществления которой использовалось всё разнообразие библиотечных форм и методов работы с книгой и читателями.

Краевая детская библиотека первой в крае перешла на программно-целевое планирование работы. Разработанная учреждением программа «Библиотека, книга, читатель, семья» состояла из авторских программ по приоритетным направлениям библиотечной деятельности. Здесь открылась театральная гостиная «Вдохновение», которая знакомила читателей среднего и старшего школьного возраста с творчеством поэтов.

В 1995 году приказом комитета по культуре и искусству

администрации Хабаровского края от 14 декабря 1994 года № 114 и приказом комитета по управлению государственным имуществом администрации Хабаровского края от 21 февраля 1995 года № 55 краевая детская библиотека стала называться Хабаровской краевой детской библиотекой.

Статус библиотеки как краевого методического центра обязывал коллектив вести углублённую работу с фондом. В 2000–2001 годах фонд пополнился энциклопедиями, справочниками, изданиями классической и зарубежной литературы, полученными в рамках участия в мегапроекте «Пушкинская библиотека» Института «Открытое общество».

В 2000 году проект краевой детской библиотеки «Создание Центра библиопсихологической помощи детям» участвовал в конкурсе проектов этого института. Также библиотека предприняла попытку издания информационного профессионального журнала «Вместе», который был заявлен как печатный орган Объединения детских библиотек Дальнего Востока.

В начале нового тысячелетия библиотека пережила несколько реорганизаций. Так, в 2006 году распоряжением правительства Хабаровского края от 17 марта № 42-рп Хабаровская краевая детская библиотека была реорганизована в форме присоединения к государственному учреждению культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека» [12].

Приказом министерства культуры Хабаровского края от 22 марта 2006 года № 36/01-03-04 Хабаровская краевая детская библиотека была реорганизована в Центр детского чтения Дальневосточной государственной научной библиотеки [14]. Была сохранена основная функция библиотеки как краевого методического центра для библиотек края по вопросам организации библиотечного обслуживания детей и подростков.

Библиотека вернула себе прежнее имя и юридическую самостоятельность в 2012 году в соответствии с распоряжением губернатора Хабаровского края от 3 апреля № 154-рп «О реорганизации краевого государственного бюджетного научного учреждения культуры “Дальневосточная государственная научная библиотека” в форме выделения из него краевого государственного бюджетного учреждения культуры “Хабаровская краевая детская библиотека”» [13].

В августе 2012 года Хабаровской краевой детской библиотеке было присвоено имя дальневосточного писателя Николая Дмитриевича Наволочкина.

Если на момент открытия в 1961 году в библиотеке находилось 50 тысяч экземпляров детской литературы, то в 2017-м книжный фонд составил 244 600 экземпляров документов. Сегодня библиотека обслуживает 10 500 читателей в год, в ней работают 50 человек.

55-летнюю историю краевой детской библиотеки создавали несколько поколений сотрудников, трудом которых нарабатывался авторитет и укреплялись позиции учреждения.

В разные годы директорами библиотеки были Тамара Александровна Королевич (1961–1974), которая за свой труд была награждена знаком «За отличную работу» Министерства культуры РСФСР, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»; заслуженные работники культуры Российской Федерации Наталья Николаевна Каспирович (1975–1987) и Галина Александровна Слепнева (1988–2006).

С 2006-го по 2011 год заместителем директора ДВГНБ по работе с детьми, а затем директором Центра детского чтения работала Марина Васильевна Подоба.

С 10 января 2012 года директором Центра детского чтения (а с 1 июня 2012 года Хабаровской краевой детской библиотеки) назначена кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации Ольга Алексеевна Ракова.

Более полувека назад заложили основные принципы библиотечного обслуживания детей Хабаровского края О. А. Чернышова, Е. П. Благих, С. В. Абрамович, Л. Н. Бабушкина, З. И. Кадынцева и другие.

Продолжателями этих традиций стали В. Г. Глазнева, Т. С. Соколовская, И. А. Сочелина, И. Н. Юрьева, Л. А. Гуськова, Г. В. Долинина, Н. В. Сосида, Л. Я. Мамаева, Т. А. Марченко, Е. А. Медведева, Т. Е. Адамова, Н. М. Зенкина, Т. Г. Музыка и другие.

Эстафету достойно несут высокопрофессиональные специалисты Н. Г. Ляшко, Е. Ф. Кузнецова, Г. В. Пугачёва, О. В. Анищенко, Н. Г. Колесникова, Е. Г. Ключко, И. А. Кутикова, Т. В. Толмачёва, В. В. Слободчикова и другие.

Сегодня библиотека — авторитетный краевой методический и консультативно-информационный центр по организации библиотечного обслуживания детского населения края. Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина является творческо-экспериментальной лабораторией, где разрабатываются инновационные формы и методы работы с детской аудиторией.

Часть 2. История квартала № 186

Здание Хабаровской краевой детской библиотеки имени Н. Д. Наволочкина (ул. Ленинградская, 25) расположено в границах улиц Дикопольцева, Карла Маркса, Синельникова, Уссурийского бульвара. Какова их история? Всегда ли они так назывались и каким образом появились на карте города?

Улица Ленинградская (корейская слобода)

Ранее улица Ленинградская называлась Николаевской и на карте города Хабаровска за 1924 год находилась в квартале № 186. Этот район как селитебный был спроектирован сразу же после подведения сюда ветки Уссурийской железной дороги (1896–1897) на месте корейской слободы (ранее известна как «Нахаловка»).

Ещё в конце XIX века в городской думе неоднократно поднимался вопрос о выделении китайцам и корейцам мест для постоянного компактного проживания. В связи с постановлением военного губернатора Приморской области Н. М. Чичагова от 11 августа 1899 года о выделении китайцев и корейцев в особые кварталы, одним из вариантов было устройство двух слободок для них за линией железной дороги близ вокзала на городских пастбищах.

На карте существующего и проектируемого города Хабаровска на 1901 год китайская слободка уже была нанесена, но проект так и не был осуществлён. Китайская слобода расположилась в северо-западной части города (сейчас это место именуется Казачьей горой). Корейская же слобода организовалась в конце улицы Барановской (в районе завода «Энергомаш»). На месте проектируемой корейской слободки постепенно возник рабочий посёлок, называемый в народе старой железнодорожной слободкой.

Кроме того, в Хабаровске уже существовало два организованных корейских поселения — это посёлки Сам-Ир (в районе бывшей мебельной фабрики «Заря») и Осиповка (позднее стал частью Краснофлотского района).

Все три поселения начали заселяться эмигрантами из Кореи после 1864 года. Именно тогда 13 корейских малоимущих семей, которым тяжело жилось на своей родине, тайно перебрались из ближайшей пограничной области Кореи Хам-Килона по льду Амурского залива и самовольно основали на реке Тизинхэ близ Посьета первое корейское поселение на русской территории — Розановку. Русская администрация, учитывая необычайную скромность требований корейцев к условиям жизни, трудолюбие, врождённую склонность к земледелию, охотно принимала их для освоения нового края.

В конце 1870 года после небывалого наводнения в Корею и последовавшего за ним голода жители приграничного города Кыген-Пу большими группами стали переходить на русскую сторону. У подножия горы Тигровой этими беженцами была основана деревня Савеловка.

В 1871 году правительство Кореи обратилось к русскому правительству о немедленной выдаче этих беженцев.

В ответ на это корейцы были признаны подданными Российской империи. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Синельников получил предписание из Санкт-Петербурга: «Корейских беженцев в Корею не возвращать, так как Россия не заключила с Кореей никаких договоров» [6].

В 1893 году приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской привёл постоянно проживающих переселенцев на территории вверенного ему края в русское подданство. Корейское административное управление существовало в Хабаровске до 1 февраля 1897 года при полицейском управлении [6].

Сведений об истории хабаровских корейских поселений Осиповка и Сам-Ир достаточно много. Известно, что в начале 1880-х годов в восьми верстах ниже по течению Амура от Хабаровки основывается первое корейское поселение Осиповка. В 1930 году этот населённый пункт вошёл в черту города Хабаровска.

Переселенцы в основном занимались земледелием, выращивая овощи. В первые годы советской власти в Осиповке имелось около полусотни хозяйств, из коих была организована рыболовецкая артель «Красный кореец», позднее колхоз «Кубяк». Также в склонах сопки велась разработка угля.

О «Нахаловке» остались сведения только в литературе о революционных событиях и об истории завода «Энергомаш». В дореволюционные годы в этом районе находились корейские захоронения и загородная балка, которая являлась удобным местом для проведения митингов и собраний, так как располагалась тогда на окраине города в лесу. В истории города имеются воспоминания об одном из них:

«Здесь 1 июля 1907 года по призыву Хабаровской группы РСДРП собрались рабочие завода «Арсенал», работники почты и телеграфа для того, чтобы договориться о времени и месте вооружённого восстания в г. Хабаровске. Активное участие в этом митинге приняли солдаты Хабаровского гарнизона. Но полиции с помощью провокатора удалось обнаружить место митинга, разогнать собравшихся и арестовать часть его участников» [1].

В 1907 году чиновником особых поручений А. М. Казариновым при приамурском генерал-губернаторе П. Ф. Унтербергерере была произведена перепись корейцев всей Приморской области, куда территориально входил Хабаровский край, по результатам которой была издана картограмма проживания корейского населения.

В 1911 году в Хабаровске было открыто церковно-приходское училище для корейских детей. 14 сентября 1912 года состоялось торжественное основание Корейского общества развития труда, где присутствовало более 60 человек — членов общества, принадлежащих к местной колонии ко-

рейцев, насчитывающей тогда в городе 872 человека. Председателем был избран господин Синь.

В апреле 1929 года издававшаяся с 1924 года во Владивостоке краевая корейская газета «Авангард» была переведена в Хабаровск. В 1925-м краевая детская газета «Знамя пионера» издавалась на корейском языке.

В годы сталинских репрессий (1937–1938) корейцы были выселены из Хабаровска в другие районы края и в республики Средней Азии. Немногие вернулись обратно. Кроме того, во второй половине 1930-х годов последние корейцы постепенно вытеснялись из района бывшей «Нахаловки» по причине наступления на их земельные участки строительства авторемонтного завода (ныне — «Энергомаш»).

Имеются воспоминания краеведа А. М. Жукова о том, что он ещё застал остатки корейских захоронений в районе улиц Синельникова и Шабалина. Более поздние из них были на Михайловском погосте (район современного автовокзала) и на Центральном кладбище г. Хабаровска [8].

Первые русские поселенцы начали обосновываться в этом квартале в 1910-е годы одновременно с заселением близлежащей Муравьёвской слободки, которая располагалась в границах улиц Карла Маркса, Лазо, Большая, Демьяна Бедного.

* * *

В 1861 году началось строительство телеграфной линии «Николаевск — Хабаровск». Проектировал её военный инженер Дмитрий Иванович Романов. В строительстве участвовали матросы и солдаты местных войсковых частей, а также и нанимаемые в прибрежных амурских селениях гражданские жители. Дорога, проложенная при строительстве телеграфа, стала называться Николаевским трактом, позднее в черте Хабаровска ставшим продолжением улицы Муравьёва-Амурского.

Одним из руководителей проведения здесь телеграфной линии был будущий военный губернатор Приморской области капитан Генерального штаба Иосиф Гаврилович Баранов (1835–1892). Это в его честь одна из трёх главных улиц Хабаровска в 1880 году названа Барановской (ныне — улица Ленина).

В начале 1910-х годов ряд перпендикулярных к улице Муравьёва-Амурского улиц восточной стороны города получили наименования в честь городов Восточно-Сибирского губернаторства: Иркутская (ныне — Московская), Александровская (ныне — Первомайская), Владивостокская, Николаевская (ныне — Ленинградская, переименована 26 декабря 1938 года).

Улица Карла Маркса

С северной стороны квартала № 186 проходит улица Карла Маркса, расположенная на одном из трёх холмов города.

С освоением и заселением приамурских земель в середине XIX века на Амуре создавались военные посты, строительство которых возлагалось на линейные подразделения русской армии. В мае 1858 года капитан Яков Васильевич Дьяченко с солдатами 13-го Сибирского линейного батальона отправился из Благовещенска вниз по Амуру к месту закладки военного поста Хабаровки.

Продолжительное время Хабаровка оставалась в положении заштатного поселения, застраивалась и заселялась хаотично. До 1880 года официальных названий улиц не было. К тому времени на трёх холмах по склонам селились простые жители, а на вершинах стояли дома купцов и чиновников. Согласно высочайшему повелению императора Александра II от 28 апреля 1880 года, была учреждена «должность особаго Военнаго Губернатора Приморской области и Командующаго войсками, в области расположенными, и местопребыванием ему назначить Хабаровку [тогда эту должность занимал Михаил Павлович Тихменев]... Хабаровку возвести на степень города...» [10, с. 210]. После этого улицы получили официальные наименования, а домовладения — нумерацию.

Главная улица, проходившая от Амура по Средней горе, соответствовала губернаторскому званию и была названа Муравьёва-Амурской в честь приамурского генерал-губернатора [25]. После Октябрьской революции и установления советской власти на Дальнем Востоке большинство хабаровских улиц было переименовано, и исторически сложившаяся эта центральная улица Хабаровска стала носить имя основоположника научного коммунизма Карла Маркса.

8 октября 1938 года было принято постановление «Об утверждении генеральной схемы планировки г. Хабаровска», которым предписывалось «по-большевистски развернуть борьбу за социалистическую реконструкцию и благоустройство г. Хабаровска и превратить его в образцовый культурно-политический и промышленный центр. Строительство жилых зданий производить, не допуская застройку деревянными зданиями в районах, намеченных под капитальное строительство» [18].

В первую очередь должны были застраиваться улицы Карла Маркса, Ленина и Серышева с обязательным строительством в первых этажах торговых помещений, предприятий общественного питания. Наряду со строительством новых зданий приводились в порядок и старые, они надстраивались, расширялись. Так, например, двухэтажные старые дома по

ул. Карла Маркса были надстроены третьими и четвёртыми этажами (среди них Центральный универмаг, медицинский институт). В 1930-е годы построен Дом коммуны (позднее кафе «Даурия», ныне — магазин одежды).

Большая работа по реконструкции города проходила в послевоенный период, так как во время Великой Отечественной войны никаких капитальных работ не проводилось. В 1949 году была начата реконструкция площади Свободы (ныне — площадь Ленина), где были разбиты скверы. На центральных улицах появилось асфальтобетонное покрытие, что значительно улучшило облик города.

Решением Совета народных депутатов от 28 мая 1992 года «О переименовании улицы Карла Маркса в улицу Н. Муравьёва-Амурского» улице было возвращено имя приамурского генерал-губернатора, причём переименована только часть улицы, до площади Ленина, включая исторический центр.

Улица Синельникова

Улица Синельникова обрамляет квартал № 186 с восточной стороны. Историческое имя, наиболее значимое после имени Муравьёва-Амурского, сохранилось в названии этой улицы, которая пересекает улицу Карла Маркса.

Николай Петрович Синельников родился в 1805 году. По окончании кадетского корпуса и пехотного училища служил в гренадёрских войсках, затем продолжал службу в гражданском ведомстве, занимал последовательно посты губернаторов городов Владимира, Житомира, Москвы и Воронежа, где проявил себя как неподкупный, справедливый администратор, грозный борец со взяточничеством.

В 1860–1864 годы Синельников — на посту генерал-интенданта первой русской армии, расположенной в Царстве Польском. Затем назначается главноуправляющим всеми тюрьмами России, много делая для облегчения участи заключённых, особенно интеллигентных поляков.

21 января 1871 года высочайшим указом генерал Синельников назначен генерал-губернатором Восточной Сибири и командующим войсками Восточно-Сибирского военного округа, приняв этот пост 20 марта после М. С. Корсакова в губернском городе Иркутске.

При нём ощутимо улучшился быт крестьян и открылись новые сельские школы. Немало забот проявлялось им в отношении ссыльнокаторжных, которых он первым из администраторов разрешил посылать на частные золотые прииски вольными рабочими. При нём началась борьба с непомерными поборами населения местными чиновниками.

В бытность его правления в Хабаровке, тогда ещё селении, была открыта первая школа (1873 г.). Несмотря

на уже преклонный возраст, Николай Петрович был весьма деятелен и энергичен. Каждое утро принимал посетителей, большую часть их проблем разрешал тут же. К нему народ шёл без робости. С богатыми купцами он умел так находить общий язык, что они порой сами с удовольствием жертвовали немалые деньги на общественные нужды. В 1873 году в Якутской прогимназии и в Иркутском ремесленном училище были учреждены стипендии имени губернатора Синельникова.

В 1874 году император России Александр II назначил Н. П. Синельникова сенатором для командировок по российским губерниям — проверять деятельность администраций.

В январе 1875-го в связи с семидесятилетием генерала Синельникова Высочайшим указом были учреждены стипендии его имени в Сиропитательно-ремесленной школе Иркутска и Троицкосавском детском приюте имени Синельникова и его супруги в Забайкалье (ныне — город Кяхта).

В 1892 году Н. П. Синельников скончался в г. Харькове, где проживал последние годы [4].

На плане города Хабаровска за 1901 год улица Синельникова уже значится. Она начала обустраиваться в 1910-е годы. В 1930-е здесь были возведены многоэтажные дома для рабочих авторемонтного завода имени Кагановича.

Решение о строительстве в Хабаровске этого завода с пропускной способностью 2 500 машин в год было принято в 1932 году. Уже через полтора года после его закладки на окраине города (ныне — это центр, район Городского дома культуры) из заводских ворот вышли первые отремонтированные автомобили [26].

Но накануне Великой Отечественной войны потребовалась перестройка производства на выпуск фронтовой продукции. В то время завод производил боеприпасы, ремонтировал танки. Послевоенные годы стали временем формирования основного профиля завода — энергетического машиностроения. В 1947–1952 годы был изготовлен первый промышленный электровентилятор, освоен выпуск турбонасосов нового поколения.

В 1970-е годы начался выпуск газовых турбин для магистральных газопроводов. В 2000-е освоено производство резервуарного оборудования для АЗС. На протяжении многих лет завод «Энергомаш» оставался ведущим промышленным предприятием города.

Уссурийский бульвар

По южной стороне 186-го квартала проходила улица Духовская, названная в честь приамурского генерал-губернатора Сергея Михайловича Духовского (1838–1901). Сразу

Уссурийский бульвар (река Плюснинка), конец 1950-х годов.

же после окончательного установления советской власти в Хабаровске она была переименована в улицу Станкевича. Ян Павлович Станкевич — первый комиссар телеграфа при Дальневосточном Совнарком в 1917–1918 годах. По невыясненным обстоятельствам эмигрировал в Америку. Сегодня на карте города этой улицы нет.

Уссурийский бульвар берёт начало от берега реки Амур, устья реки Плюснинки, укрытой ныне в бетонном коллекторе. Своё название бульвар получил 9 октября 1967 года.

Коренные жители этих мест гольды (нанайцы) называли протекающую здесь чистую таёжную речку Ури. Пришедшие сюда в 1858 году служивые люди батальона капитана Дьяченко именовали ее Хабаровкой, как и военный пост. С возведением селения Хабаровки в ранг города в 1880 году речка и образовавшаяся вдоль неё знаменитая купеческая улица получили название Плюснинки — строения, расположенные на правом берегу, принадлежали купцу Василию Плюснину. Три из них сохранились до наших дней — это здания речного вокзала и научных институтов эпидемиологии и горного дела.

Противоположный берег застраивал купец Евдоким Михайлов. Вся местность от левого берега Плюснинки до Барановской улицы (ныне — улица Ленина) называлась Михайловской слободой.

Одним из примечательных мест на Плюснинке была Базарная площадь. Заботами городского управления здесь ещё в 1896 году был вырыт колодец. В 1897 году на Базарной площади, в устье реки Плюснинки, построен двухэтажный каменный корпус базарных лавок. Нижний этаж отведён под торговлю, верхний — под складские помещения. Купцом Е. М. Михайловым была построена торговая (семейная)

баня в районе Артиллерийской горы (ныне — улица Ленина), между улицами Инженерной (ныне — улица Тургенева) и Лисуновской (ныне — улица Комсомольская) [28].

Улица застраивалась и благоустраивалась вплоть до Октябрьской революции. После установления советской власти купеческие дома были национализированы и переданы в ведение городских учреждений и общественных организаций. Так, в феврале 1926 года в конфискованном доме купца Михайлова на Плюснинке помещение бывшей бани и магазинов было передано местными властями городской милиции, а в июне сюда перевели и управление окружного прокурора. Поэтому 11 мая 1927 года Плюснинка была переименована в Милицейскую [5].

Начавшееся в конце 1930-х годов строительство каменных зданий потеснило весьма хаотично застроенный разномастными деревянными домами частный сектор.

Улица Дикопольцева

Улица Дикопольцева расположена с западной стороны 186-го квартала и пересекает Уссурийский бульвар в его верхней части. Улица носит имя Героя Советского Союза Евгения Дикопольцева.

Прежнее название улицы — Сапёрная. Называлась она так в связи с дислокацией в этом районе города с 1896 года сапёрного батальона. Переименована была в 1970 году.

Евгений Дикопольцев родился 28 декабря 1921 года в городе Ардатове Мордовской АССР. В 1930 году с родителями переехал на Дальний Восток в Оборский леспромхоз. Перед Великой Отечественной войной поступил в Хабаровский педагогический институт, а в 1942-м в составе группы

Улица Дикопольцева, дом 15 (Уссурийский бульвар), 1984 год.

Мост через речку Плюснинку по улице Сапёрной, 1952 год.
Фотография публикуется впервые.

комсомольцев-добровольцев отправился на фронт. К этому времени он уже овладел специальностью связиста.

Воевать ему довелось на самом горячем направлении — под Сталинградом. Его назначили командиром отделения роты связи, присвоили звание сержанта. Под Сталинградом заслужил он первую награду — медаль «За отвагу». Осенью 1943 года началось историческое сражение наших войск за Днепр. Дни и ночи не прекращались кровопролитные бои. Особенно жарко было на участке первого стрелкового батальона, где проводную связь обеспечивал Евгений Дикопольцев.

17 октября 1943 года, исправляя очередное повреждение, гвардии сержант Евгений Дикопольцев был смертельно ранен. Теряя сознание, Евгений схватил концы разорванного провода и последним усилием воли сжал их в кулаке. Героя уже не было в живых, а связь, соединённая его рукой, продолжала работать.

Улица, названная именем Евгения Александровича Дикопольцева, проходит рядом с Хабаровским педагогическим институтом (ныне — Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета), об окончании которого когда-то мечтал Женя Дикопольцев [25].

* * *

Итак, совершив экскурсию по улицам современного Хабаровска, восстановив в памяти старые адреса, мы побывали в исторических местах города, топографически связанных с Хабаровской краевой детской библиотекой имени Н. Д. Наволочкина. Ведь знать происхождение названий улиц, бульваров, площадей — значит знать историю города, того места, где мы живём и которое оставим своим детям и внукам.

Список использованных источников

1. Григорьева, А. Исторические памятники Хабаровска / А. Григорьева, Е. Мельниченко. — Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1958. — С. 15.
2. Дунаевский, А. Вдоль по Барабашевской / А. Дунаевский // Молодой дальневосточник. — 2013. — № 32 (7–14 авг.). — С. 7.
3. Жуков, А. Городской голова / А. Жуков // Хабар. вести. — 1999. — № 156 (23 нояб.).
4. Жуков, А. Имени Синельникова / А. Жуков // Приамур. ведомости. — 1999. — № 161/162 (15 сент.).
5. Жуков, А. Каталажка в бывшей бане на улице Милицейской / А. Жуков // Хабар. экспресс. — 2003. — 12–19 нояб.
6. Жуков, А. М. Лучше умереть, чем вернуться на Родину / А. М. Жуков // Приамур. ведомости. — 1998. — № 204/205 (11 нояб.).
7. Имени Крупской // Набат молодёжи. — 1928. — 25 нояб. // Арх. ДВГНБ, [б. г. и.].
8. [Историческая справка краеведа А. М. Жукова от 24.12.2016.] // Арх. Хабар. краев. дет. б-ки им. Н. Д. Наволочкина, [2016].
9. Киселёва, Л. Б. О первой центральной городской библиотеке имени Н. К. Крупской в Хабаровске (Исторический экскурс) / Л. Б. Киселёва // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2007. — Вып. 19. — С. 156–157.
10. О некоторых изменениях в административном устройстве Приморской области : Высочайшее повеление Его Императорского Величества от 28 апр. 1880 г. № 60851 // Полное собрание Законов Российской Империи. Собрание 2 : в 55 т. — Санкт-Петербург, 1884. — Т. 55, ч. 1. — С. 209–210.
11. О реорганизации городской библиотеки им. Крупской : приказ краев. упр. культуры Хабар. края от 22.05.1961 г. № 107// ГАХК. Ф. 1690. Д. 17. Оп. 3. Л. 180.
12. О реорганизации государственного учреждения культуры «Хабаровская краевая детская библиотека» в форме присоединения к государственному учреждению культуры «Дальневосточная

К 55-ЛЕТИЮ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н. Д. НАВОЛОЧКИНА

- государственная научная библиотека» : распоряжение Правительства Хабаровского края от 17 марта 2006 г. № 42-рп // Арх. ХКДБ им. Н. Д. Наволочкина. — Хабаровск, [2006].
13. О реорганизации краевого государственного бюджетного научного учреждения культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека» в форме выделения из него краевого государственного бюджетного учреждения культуры «Хабаровская краевая детская библиотека» : распоряжение Губернатора Хабаровского края от 03.04.2012 г. № 154-рп // Арх. ХКДБ им. Н. Д. Наволочкина, [2012].
 14. [О реорганизации Хабаровской краевой детской библиотеки в Центр детского чтения Дальневосточной государственной научной библиотеки] : приказ министерства культуры Хабаровского края от 22 марта 2006 г. № 36/01-03-04 // Арх. ХКДБ им. Н. Д. Наволочкина. — Хабаровск, [2006].
 15. О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела : приказ министра культуры СССР от 10.10.1959 г. № 593 // Руководящие материалы по библиотечному делу : справочник. — Москва, 1968. — С. 13.
 16. О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране : постановление ЦК КПСС от 22.09.1959 г. К № 35/4с // Партийная жизнь. — 1959. — № 20. — С. 25–29.
 17. Об организации в г. Хабаровске краевой детской библиотеки : решение исполкома Хабаров. краев. совета депутатов трудящихся от 24.08.1961 г. № 477 // Арх. ХКДБ им. Н. Д. Наволочкина. — Хабаровск, [1961].
 18. Об утверждении городской схемы планировки г. Хабаровска : постановление президиума Хабаров. горсовета от 8.10.1938 г. № 863 // ГАХК. ФР. 904. Д. 90. Оп. 1. Л. 79.
 19. Об утверждении сети библиотек всех организаций и ведомств в городах и районах края : постановление Хабаров. краев. совета депутатов трудящихся и президиума краев. совета проф. союзов от 9.03.1961 г. № 135 // ГАХК. Ф. 137. Д. 132. Оп. 14.
 20. [Объявление] // Дальневост. путь. — 1924. — 5 окт.
 21. [Объявление] // Тихоокеан. звезда. — 1926. — 7 марта.
 22. [Объявление] // Тихоокеан. звезда. — 1937. — 3 февр.
 23. [Отчёты Центральной городской библиотеки им. Н. К. Крупской] // ГАХК. Ф. 738. Д. 1. Оп. 2. Л. 26.
 24. Пономарёва, А. Чьи имена носят улицы / А. Пономарёва // Тихоокеан. звезда. — 2007. — 13 сент.
 25. Рябов, Н. Улицы Хабаровска рассказывают / Н. Рябов. — Хабаровск, 1977. — С. 17, 20, 22, 53, 55.
 26. Хабаровск'97/98 : Записная книжка горожанина. — Хабаровск, 1997. — С. 61. — (Город на ладони).
 27. [Хроника] // Дальневост. путь. — 1924. — 22 июля.
 28. [Хроника] // Приамур. ведомости. — 1897. — № 195 (21 сент.).

Фотографии из архива хабаровского краеведа А. М. Жукова.
Материал поступил в редакцию 17.01.2017 г.

Сведения об авторе: Ракова Ольга Алексеевна, кандидат культурологии, директор Хабаровской краевой детской библиотеки им. Н. Д. Наволочкина, заслуженный работник культуры РФ.
Контактные данные: тел. (4212) 32-44-31.

► К 70-летию со дня рождения Виктора Еращенко

ГРЕБЕНЮКОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

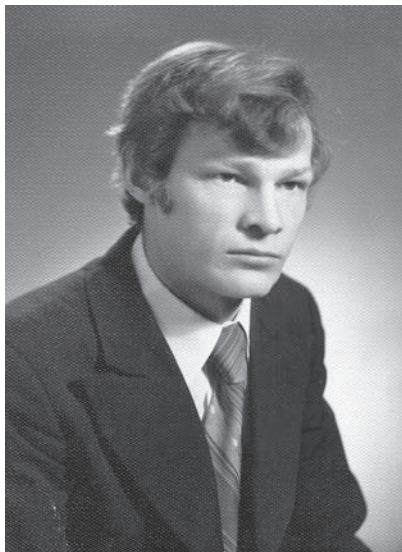
«Я НАУЧИЛ ВАС ИСКУССТВУ ОТКРОВЕННОЙ БЕСЕДЫ...»

Автор статьи, когда-то лично знавшая Виктора Еращенко, делится своими воспоминаниями о нём, приводит некоторые факты его творческой биографии.

Ключевые слова: В. С. Еращенко, ЛИТО, Дальневосточный литературный музей, Гродековский музей.

Keywords: V. S. Eraschenko, LITO, Far Eastern Literary Museum, Grodekovsky Museum.

В январе 2017-го Виктору Степановичу Ераценко исполнилось бы только 70 лет. Говорить о нём трудно, печально и светло: он до сих пор воспринимается живым, как будто уехавшим в бессрочную командировку. Я всегда слушала его с восторгом; он умел будоражить мысль и одаривал собеседника удивительным жизнелюбием, сокровенный источник которого совсем не радость и безмятежность.

Виктор Ераценко,
1960-е годы.

Глаза у Виктора были необычайной красоты — яркие, цвета золотого гречишного мёда, напоминающего прозрачный янтарь; он их опускал, когда говорил; взгляд его ускользал, как уплывает чудесная музыка, чаруя и оставляя память о прекрасном. Такой была и его душа. Виктор Степанович был очень скромн, деликатен, обладал тонким художественным вкусом, но те, кто мало его знал, называли его эстетом. Он был благородным гриновским романтиком, никогда не боялся ошибок и не обобщал разочарование. Никто не смел в его присутствии говорить дурное о хорошем человеке — Виктор воспринимал это как личную обиду и вёл себя по-рыцарски.

Студенческий билет В. С. Ераценко (Литературный институт имени А. М. Горького, 1966–1973).

Стихи Виктор начал писать с 16-ти лет, а может быть, и раньше: первая публикация у него была в 1963 году, и его заметили сразу, поскольку уже в ранних стихах, глубоких и грустных, была истинная поэзия, которую не подменишь эрудицией. Грусть была неким предчувствием судьбы. Виктору нелегко было с государственными чиновниками, уверенными в своей особой миссии попечительства над «работниками искусства».

При жизни у В. С. Ераценко вышло пять сборников стихов: «Стихи» (1975), «Лепестки в колодезной воде» (1977), «Отраженья» (1980), «Мир просторен» (1985), «Купель» (1986).

В Дальневосточном литературном музее (ныне не существует) Виктор Степанович вёл литературное объединение (ЛИТО), некоторые из его участников стали профессиональными писателями: прозаиками и поэтами. Хороший поэт, Виктор Ераценко к тому же обладал талантом жить: вокруг него стихийно создавались новые миры, к нему тянулись, как к костру в ночном поле. В этом человеке было какое-то весёлое бродильное начало, и молодые литераторы учились у него серьёзно работать над стихами и прозой, адекватно воспринимать критику. Как-то естественно и даже незаметно вырабатывалось у них творческое отношение к накопленным знаниям, которые становились органической их частью, превращались в культуру. Виктор Степанович обладал талантом педагога, наставника, учителя литературного мастерства. Молодых писателей, которые занимались в его студии, он напутствовал своими стихами:

...Пиши и в поле, и в подполье,
Пиши на белой и любой,
Пиши до боли, до мозоли,
Пиши всегда — и Бог с тобой! [2, с. 9].

У Вс. Н. Иванова, русского писателя, историка и философа, есть замечательные слова: «В языке нашем, как в органе готического собора, есть разные регистры — от серебряного «ангельского голоса» до глубочайших басов» [3]. Таким был и речевой диапазон В. С. Ераценко: он безукоризненно владел искусством риторики, превосходно знал орфоэпию, речь его была выразительна, богато интонирована, полна психологических пауз. Виктор знал сотни стихов и артистически, пафосно их читал — мне казалось, что он мог цитировать стихи древних и современных поэтов много часов подряд.

На каждом его занятии шёл серьёзный разговор о литературе; участники студии делали сообщения о творчестве мастеров, анализировали стихи и прозу собратьев по перу. С теми, у кого была божья искра, Виктор Степанович работал много и терпеливо. Если чей-то литературный эксперимент оказывался неудачным, он говорил об этом прямо, но как-

Заседание ЛИТО, 1984 год. Второй справа — Виктор Еращенко.

то необходимо: «Старик, это плохо». Случалось, что поэта одолевали назойливые и агрессивно настроенные «версификаторы», он мог объясниться с ними резко, но критика его не была оскорбительной и не унижала автора. Один из участников ЛИТО, поэт Арсений Москаленко, как-то спросил у Виктора: «Чему мы успели научиться?», Виктор ответил: «Я научил вас искусству откровенной беседы» [1, с. 287].

Говорят, что солнце — абсолютно чёрное тело. Виктор был непонятным, потому что «солнце нёс над головою» и ослеплял своим светом. В своём стихотворении «Поэт» (1977), во многом программном, Виктор Еращенко писал:

Он шёл, отбрасывая тьму,
 Большой равниною степною
 И весь был чёрен потому,
 Что солнце нёс над головою.
 От хуторков и от дорог
 Народ сбегался удивлённый,
 Но даже глаз его не мог
 Увидеть, солнцем ослеплённый.
 И был ли грустный он иль злой,

Смотрел понуро иль отважно —
 Он солнце нёс над головою,
 А остальное всё неважно [1, с. 106].

В. С. Еращенко по скромности избегал разговоров о передаче своих материалов в музей, отшучивался, потому-то монографическую выставку, состоявшуюся в 1993 году в Дальневосточном литературном музее, сделать было весьма затруднительно. Сейчас материалы поэта, переданные семьёй Еращенко, бережно хранятся в фондах Гродековского музея и сосредоточены в архивном фонде № 52 (опись № 39), насчитывая 333 единицы хранения, из них документов — 295, фотографий — 38.

Поэта всегда очень интересовало музейное собрание: он с увлечением работал с архивами литературной династии Матвеевых и Вс. Н. Иванова, с материалами об идеологе русского раскола, о крупнейшем писателе XVII века Аввакуме Петрове, обращался к его образу в творчестве, готовил авторскую телевизионную передачу об Аввакуме в стенах литературного музея.

В литературе часто возникают неожиданные реминисценции — их не удалось избежать и сейчас. В. С. Еращенко ушёл от нас в расцвете творческих сил — в 42 года. Иоганн Вольфганг Гёте прожил 82 года. Двадцать лет Гёте работал над книгой биографического содержания — поэту предложил эту идею его издатель. Но у Гёте был личный секретарь; жаль, что у Виктора Степановича такого не было... Многие сейчас было бы понятным, если поэт хотя бы вёл дневник, в котором бы отразил свою эпоху, враждебную или благоприятную, рассказал о своих истинных друзьях и тех, кто был только его современником и земляком.

Оставляя духовное наследие и незакатную память о себе, поэты уходят, и утешить близких могут разве что слова Сенеки: «Для меня думать об умерших друзьях отраднo и сладко. Когда они были со мной, я знал, что их утрачу, когда я их утратил, я знаю, что они были со мной» [4].

Список использованных источников

1. Еращенко, В. С. Избранное: Стихи, поэма, пьеса / В. Еращенко. — Хабаровск : Приамур. геогр. о-во : РИОТИП, 1996. — 302 с.
2. Еращенко, В. С. Малая поэзия / В. Еращенко. — Хабаровск : Приамур. ведомости, 2002. — 144 с.
3. «Непрерывное движение духа»... : дневник и записные книжки Вс. Н. Иванова. — Хабаровск : Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. — 380 с.
4. Сенека, Л. А. Нравственные письма к Луцилию / Л. А. Сенека ; изд. подгот. С. А. Ошеров. — Москва, 1977. — С. 107.

Фотографии из архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.
 Материал поступил в редакцию 20.03.2017 г.

Сведения об авторе: Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

РУБАН НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ВИКТОРА ЕРАЩЕНКО

В статье представлен анализ гражданской лирики В. С. Еращенко. На примере конкретных строк и стихотворений, приведённых автором, становится очевидна искренняя любовь поэта к Родине, его привязанность к родным местам, истоки которых не в политическом заказе советской эпохи, а в духовном устройении самой личности Виктора Еращенко.

Ключевые слова: Виктор Еращенко, гражданские мотивы в поэзии, Хабаровск, Благовещенск.

Keywords: Victor Eraschenko, social content in poetry, Khabarovsk, Blagoveshchensk.

Даже поверхностное знакомство с поэтическим творчеством Виктора Степановича Еращенко (1947–1989) открывает в нём несомненный приоритет гражданской темы. Многие стихотворения из циклов «Купель», «Странники», «Мир просторен» и других посвящены родной земле: любимому Хабаровску, городу предков Благовещенску, Нижнему Амуру, где вырос поэт, а также истории освоения Дальнего Востока. Попробуем понять, отдавал ли он таким образом дань времени или это было естественным движением его «внутреннего человека»?

Виктор Еращенко, 1970-е годы.

Нельзя не принять во внимание то, что творил В. Еращенко в эпоху творческого контроля, когда по «совету Советов» гражданско-патриотическая тематика должна была превалировать в любом художественном жанре и направлении. Писал ли Еращенко по социальному заказу? Маловероятно. Но это и не имеет принципиального значения. Несомненно то, что гражданские мотивы его лирики — это не отвлечённое рассуждение на тему любви к родине, поэтическое изложение исторических фактов или же декларативный ура-патриотизм. Глубокие искренние чувства любви к родной земле невозможно подделать, и для опытного читателя не составляет большого труда отличить плакатный рефрен от естественных порывов

души. У Еращенко любовь к России — неотъемлемая часть его духовного устройства. «Не то, что он считал за доблесть верность Дальнему Востоку, это было для него естественным состоянием», — пишет литературовед Валентина Катеринич [2, с. 58].

В лирике Виктора Еращенко родная земля и поэт соединены кровно, как бы прорастают друг в друга:

И без стыда скажу теперь: смотри —
Светло и ладно
Вокруг тебя. А родина — внутри
И ненаглядна [1, с. 35].

Или:
Николаевск-на-Амуре,
Эх, да что там говорить,
Николай, давай закурим,
Не могу не закурить [1, с. 20].

Признанием в любви к России звучит и стихотворение «У костра, в лесу, предрассветное...». Поэт видит родину и в дуновении ветра, и в древних былинах, и в трагических страницах истории, и грядущем бессмертии:

Мощью своей без остатка сполна —
В завтрашний день! От времен домонгольских
Катится эта крутая волна
И поднимается... более видеть
Кто-то способен, а я не берусь,
Только и слышу, как завтрашним ветром
Странное имя доносится: Русь... [1, с. 70].

Мысли о родине автор связывает с личными переживаниями, историей своей семьи, предков. Связь поколений для него неразрывна. Так, в стихотворении «Благовещенск» поэт в трудную минуту своей жизни находит поддержку в духовном и эмоциональном единении с родным дедом — благовещенским журналистом Тимофеем Еращенко:

Я через восемьдесят лет
Приехал в город незнакомый,
Где репортёрствовал мой дед,
Где, обличая беззаконья,
Он видел: корчится земля,
Ползут и множатся трихины —
И отступил в его глубины,
В село, в народ, в учителя [1, с. 66].

Нравственную позицию деда в поисках справедливости, его жизненную стойкость, мысли и взгляды автор находит и у себя. Это не только утешает поэта, но и даёт силы и надежду жить дальше:

И объяснить никто не сможет
Восстановившуюся нить:
Иль я явился — потревожить,
Иль он поднялся — защитить [1, с. 66].

Личность Тимофея Владимировича Еращенко представляет несомненный интерес для исследователей, ведь он работал в Хабаровском областном музее в 1920-х годах, в то время, когда Николаевская публичная библиотека (ныне — Дальневосточная государственная научная библиотека, ДВГНБ) и Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова были объединены в одно учреждение. В начале 1900-х годов Тимофей Еращенко являлся постоянным сотрудником газеты «Амурский край» в Благовещенске, служил репортёром и фельетонистом. Главным редактором «Амурского края» был в эти годы известный дальневосточный политик Георгий Иванович Клитчоглу (1850–1921) — лидер земско-демократической партии в Благовещенске и член Союза прогрессивных сил, автор политико-экономических брошюр (также известен, как отец террористки Серафимы Клитчоглу, готовившей покушение на министра внутренних дел В. К. Плеве и выданной провокатором Е. Ф. Азефом).

Тимофей Владимирович Еращенко. На обороте фотографии написано: «Славному сыночку моему Степочке Ершеночку. пап Ерш. 3/1-1928 г.» Прадед любил пошутить.

В начале 1920-х годов Тимофей Владимирович Еращенко был принят на должность помощника заведующего библиотекой областного музея. Лично знавший Г. И. Клитчоглу, он предпринял возможные меры по сохранению библиотеки этого деятеля после его кончины. В октябре 1922 года Т. В. Еращенко был командирован в посёлок Бира «за библиотекой умершего гражданина Г. И. Клитчоглу». Вероятно, фонды краевой библиотеки были пополнены привезёнными книгами. К сожалению, выяснить дальнейшую судьбу библиотеки Г. И. Клитчоглу пока не удалось. Возможно, для этого необходимо более углублённое, детальное изучение фондов ДВГНБ, что может стать предметом отдельного исследования [3, с. 6–7].

Тема исторических корней в понимании современного состояния России занимает важное место в творчестве В. С. Еращенко. Исторические аспекты перекликаются с современностью во многих произведениях поэта. Так, в стихотворении «На реке Непрядве» автор обращается к событиям на Куликовом поле. Форма диалога князя Дмитрия Донского и воеводы Волынского накануне битвы способствует более эмоциональному восприятию читателем грядущих событий великой битвы. Воевода, обуреваемый сомнениями («Быть ли Русской земле?..»), осознанием будущих страданий и боли, страшных потерь, а также предчувствием собственной смерти, обращается к князю с надеждой найти у него духовную поддержку. В ответе князя — мудрая любовь к Родине и твёрдая решимость защитить её даже ценой собственной жизни:

— Друже любезный, за родину нашу
Во поле чистом не страшно и лечь,
Выпить свою заповедную чашу
Старому — юность, а юному — честь [1, с. 30].

Тема непобедимости России, выраженной в единстве её народа, продолжена также в стихотворении «Албазин». Поэт воспеваает славу непреходящей силе и мужеству русских защитников по всей Руси — «от океана к океану стоять единою стеной...» [1, с. 53].

В стихотворении «Первопроходец» Еращенко обращается уже к истории освоения дальневосточных земель русскими землепроходцами, отдавая дань их силе духа и решимости в благом деле. Здесь, как и в «Благовещенске», автор использует приём диалога. Первопроходец, открывший богатые земля для будущих поколений, обращается к потомкам с завещанием жить в радости:

Живи весёлостью своей!..
Живи — и радуйся судьбе!
А волю меряй по себе [1, с. 59].

Отдельный интерес представляет стихотворение «Легенда о земле Даурской», стоящее несколько особняком

в цикле гражданской лирики Виктора Еращенко. Автор живописует некий земной рай для русского крестьянина, устроенного на каких-то справедливых началах, где всего в избытке — пищи, одежды, вина, где отсутствует повседневный тяжкий труд и нет представителей так называемого угнетающего класса. Это стихотворение-мечта, утопия русской жизни, недостижимый фантастический идеал для русского человека:

Весёлая, роскошная, мужицкая страна.

Тамошняя музыка за сто вёрст слышна! [1, с. 51].

Позиция автора просматривается здесь в скрытой иронии в описании русского характера, часто склонного к мечтательности, иллюзорности, идеализации событий. Вместе с тем автор не даёт высокомерных оценок такому свойству русского характера, он и себя не отделяет от него и грезит о некоем русском рае и жизни без страданий. Не вдаваясь в глубокие психологические оценки, можно всё же разглядеть скрытое стремление живой души поэта к идеалу жизни вечной, которое он, возможно, не осознаёт разумом, но чувствует чутким сердцем.

Продолжением исторической темы являются также стихотворения «Пески» — о подвиге Геннадия Невельского, «Потерянные» — о русских на Аляске, «Праздник в Талакане» — о современных якутских нефтяниках, как продолжателях подвига своих предков — русских первопроходцев. Важно отметить, что автор обращается к историческим событиям с большим уважением и знанием дела, не искажая факты. Вероятно, поэт приложил немалые усилия для изучения русской истории.

Вся поэзия Виктора Степановича Еращенко свидетельствует о подлинных, глубоких чувствах. Его русскость проявляется не в лубочных изображениях национального бытия, хотя автор использует и некоторые простонародные выражения, старославянскую и церковно-славянскую лексику, а в искренней сердечной привязанности и честности,

свидетельствующих о здоровых свойствах души, присущих ему в полной мере.

Любой настоящий поэт — всегда пророк, и В. С. Еращенко не исключение. Философско-религиозная идея о Москве — Третьем Риме — не чужда ему и находит подтверждение в стихотворении «Амур в сиянье дня...». Поэт как бы провидит великое будущее России, видит её грядущую славу в народном единении, русской соборности.

А вместе — где слабы и что не сотворим?

Звучало так в волне и далью вопрошалось.

И где-то вдалеке маячил Третий Рим,

И сказочная Русь из воздуха соткалась [1, с. 70].

А стихотворение «Там есть глубокие умы...» можно рассматривать как своеобразный гимн величию России. Авторская позиция живо перекликается с современными событиями. Когда обозначились острые проблемы в отношениях с Западом, демонизация России стала хорошим тоном для многих стран, а некоторые братья-славяне вступили во враждебный лагерь. Россию невозможно запугать и победить, равно как и невозможно понять чужаку её глубокую внутреннюю силу — вот главные мысли поэта в этом стихотворении.

Там есть глубокие умы,

Но даже умным не под силу

Среди сгущающейся тьмы

Понять спокойствие России.

...Перед султанами в степи,

Перед коричневым удушьем

Мы не дрожали.

Усыпить

Нас ложью, лестью, благодушьем,

Наверно, можно. Подыскать

Потоньше хитрости, поглубже —

Вернее было б. Но пугать —

Не по зубам

и просто глупо! [1, с. 38].

Список использованных источников

1. Еращенко, В. С. Избранное: Стихи, поэма, пьеса / В. Еращенко. — Хабаровск : Приамур. геогр. о-во : РИОТИП, 1996. — 302 с.
2. Катеринич, В. Н. Двенадцать сюжетов / В. Н. Катеринич. — Хабаровск : Дальневост. нар. акад. наук, 2003. — 143 с.
3. Рубан, Н. А. Дальневосточная государственная научная библиотека в период объединения с Хабаровским краевым музеем (1921–1931 гг.) [Электронный ресурс] / Н. А. Рубан // APRIORI. Сер. Гуманитар. науки : электрон. науч. журн. — 2015. — № 4. — Режим доступа: <http://apriori-journal.ru/seria1/4-2015/Ruban.pdf>.

Фотографии из архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.
Материал поступил в редакцию 18.05.2017 г.

Сведения об авторе: Рубан Наталия Алексеевна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: na_ruban@mail.ru.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

КУЛЬТУРНЫЕ ЧЕРТЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

В статье анализируется совокупность факторов, которые формируют культуру постиндустриального общества и специфические черты этой культуры, проявившиеся к настоящему времени, а также основные тенденции её развития, о которых уже можно говорить как о наблюдаемом процессе.

Ключевые слова: индустриальное и постиндустриальное общество, культура и её социальная обусловленность, тенденции социокультурного развития.

Keywords: industrial and postindustrial society, culture and its social conditioning, tendencies of socio-cultural development.

Для того чтобы системно проанализировать особенности культуры обществ постиндустриального типа, следует выяснить, что представляет из себя структура современного высокоразвитого общества. Нужно отметить, что если в порядках организации жизни и деятельности постиндустриального общества уже намечаются определённые отличия от предшествующего этапа развития, то символические формы культуры нового общества ещё не очень разнятся с культурной символикой индустриальной стадии на её позднем этапе середины XX века. Поэтому черты новизны придётся искать в глубинных проявлениях и тенденциях новой культуры [7].

Если для социальной ситуации конца XIX – первых двух третей XX века было характерно бурное развитие новых технологий производства, энергетики (включая атомную), освоение космического пространства, совершенствование средств транспорта, связи и т. п., то в последней трети XX столетия, как представляется, наступил определённый кризис в области управления этим непрерывно усложняющимся хозяйственным механизмом, как, впрочем, и растущим демографическим и политическим составом человечества. Целый ряд проблем создала мировая экономическая глобализация, а также сопутствующая ей глобализация информационного пространства, мультикультуральная направленность национальной политики европейских стран и др. [31; 32]. Всё это потребовало введения принципиально новых методов и технологий управления, что на начальном уровне сводится к радикальному усовершенствованию способов обработки информации, поступающей от управляемых к управленцам и обратно, и скорости прохождения этой информации. Иначе говоря, в первую очередь потребовалась своеобразная «революция» в технологиях управления [27]. Если индустриальная стадия развития форм деятельности характеризовалась переходом на интенсивные технологии производства при сохранении прежних экстенсивных технологий управления, то постиндустриальная эпоха началась именно с трансформации технологий управления деятельностью посредством перехода на интенсивную модель её осуществления [18]. Результатом активизации в этой сфере стало бурное развитие средств связи, как стационарных, так и мобильных (постоянно находящихся при человеке), и систем обработки хранения информации, то есть компьютеризация [12; 29].

Радикальным событием этой «информационной революции» XX века стало развитие системы ЭВМ, что привело к изобретению компьютера и сети Интернет. Теперь любой владелец компьютера (при наличии необходимого программного обеспечения) может за несколько минут получить

доступ к любой интересующей его информации, имеющейся в открытом доступе, стать читателем любой книги, зрителем любого видеоряда и т. п. Следует заметить, что к числу достоинств компьютера, помимо чисто информационных, следует отнести и то, что с его помощью можно решать на автоматическом уровне и множество сравнительно типовых управленческих задач. Это свойство будет развиваться как особенно важное в управленческой деятельности. Компьютер существенно усовершенствовал системы связи (электронная почта), массовой информации (новостные программы Интернета), социальной самоорганизации людей (социальные сети), потребление искусства и литературы, научной информации и т. п., хотя и создал определённые проблемы с качеством специализированной информации, доступной массе пользователей [11].

Но «информационная революция» — это лишь техническая сторона тех социокультурных процессов, которые происходят в постиндустриальном обществе. Следует помнить, что общество этого типа находится лишь на начальной стадии своего становления и многие его параметры ещё не проявили себя в полную силу, а о некоторых можно говорить лишь как о тенденциях, которые могут и не развиться. Доминирующая ныне информационная ориентация культуры, скорее всего, лишь тенденция начального этапа развития [9].

Поскольку многие характеристики наступающей постиндустриальной эпохи пока не поддаются уверенному прогнозированию, то я остановлюсь лишь на том, что с позиций сегодняшнего дня уже более или менее очевидно.

Заметно существенное усиление специализации деятельности [4]. Можно полагать, что сегодня население Земли принадлежит уже к нескольким десяткам тысяч различных специальностей и сотням тысяч специализаций, причём число последних непрерывно растёт, что требует вовлечения огромного количества людей в систему почти непрерывного профессионального переобучения (или повышения квалификации).

В мире всегда можно было насчитать какое-то количество людей, являющихся уникальными специалистами мирового класса. За последние десятилетия число их быстро выросло. Эти люди обычно не имеют постоянного места жительства, часто переезжают из страны в страну (где есть спрос и условия для их деятельности). Как правило, они не испытывают и выраженных национальных чувств, считая себя «гражданами мира». По культурным предпочтениям они, скорее, западноевропейцы и американцы (хотя могут быть китайцами или японцами по рождению). Их материальный достаток выше среднего; объёмы потребляемой ими энергии (как в профессиональной деятельности, так и в личном быту) значительно превышают средний показатель, характерный

для населения стран обитания. Страны (или компании), приглашающие их на работу, стремятся обеспечить им комфортное существование. Эти люди в основном крупные учёные, врачи, деятели искусства, инженеры-конструкторы, бизнесмены, менеджеры и т. п., вплоть до военных специалистов. Пока ещё трудно говорить о том, что именно они составляют элиту общепланетарного масштаба, но, судя по всему, дело идёт именно к этому [23; 24].

Для постиндустриальной эпохи характерен процесс усиления разделения деятельности на высокотехнологичную (high-*tec*), требующую специальной подготовки, и низкотехнологичную, для которой не нужно специальное образование. Характерно, что процесс такого рода дифференциации затронул даже сферы бытового обслуживания и мелкорозничной торговли — традиционные области деятельности «среднего класса». Иными словами, намечается перспектива «размывания» этого класса — основы социальной устойчивости обществ индустриального типа, а соответственно и перемен в социальной структуре развитых обществ в целом и появления «подсобного пролетариата», в основном комплектуемого эмигрантами и организованного в мелкие группы неквалифицированных рабочих [21]. Этот «подсобный пролетариат», видимо, будет отличаться сравнительно низким уровнем общего образования, соответствующего содержательным параметрам массовой культуры, и его социальная конкурентоспособность будет откровенно низка [2; 7]. Вместе с тем власти будут стремиться поддерживать уровень жизни этого «подсобного пролетариата» на более или менее достойном уровне, чтобы не допустить социального взрыва. Вообще, во внутренней политике будут доминировать технологии «мягкого взаимодействия» и «социального компромисса» [3].

Новая социальная конфигурация общества, естественно, не будет ограничена только элитой «специалистов международного класса» и «подсобным пролетариатом»; оно будет гораздо многообразней по своему составу и по своей социальной дифференцированности, видимо, заметно превысит уровень, наблюдаемый ныне. Но предполагается, что именно две описанные социальные группы составят и структурный костяк, и абсолютное демографическое большинство в новом сообществе. Соответственно дифференцируется и культура (образовательная, художественная, социальная и т. п.), образовав цепочку переходных стадий от культуры, выражено элитарной, ориентированной на классические образцы и дающей очень качественное и высокоспециализированное образование, к культуре, которую во всех её проявлениях можно будет считать массовой и которая по своим формам во многом будет напоминать то, что сегодня называется «молодёжной субкультурой».

Теоретики наступающей постиндустриальной эпохи делают акцент на том, что основным продуктом производства отныне становится знание, и именно интенсификация познания окружающего мира и применение этих знаний на практике должны определить основные параметры новой стадии развития [28]. Теории «экономики знания» в последние десятилетия получили большое распространение и пользуются авторитетом [15; 17; 19; 22; 33].

В этих условиях существенные перемены ожидаются в системе массового общего образования, которое станет ускоренным, скорее всего, преимущественно дистантным и построенным не столько на личном авторитете и жизненном опыте учителя, сколько на стандартизированных компьютерных программах. Вместе с тем в элитарном образовании, готовящем профессиональную элиту во всех областях деятельности, традиционные формы, по-видимому, сохранятся и даже интенсифицируются. Разумеется, между этими двумя крайностями окажется и множество промежуточных вариантов, которые, впрочем, не будут играть заметной роли в культурном состоянии общества в целом [1; 21].

Таким образом, человечество (или, по крайней мере, высокоразвитые сообщества) ожидает социальная и культурная поляризация на элитную часть населения — «золотой миллиард» [10; 16], чья социальная конкурентоспособность будет зависеть в основном от природных индивидуальных способностей и психического развития конкретного человека, поддерживаемых качественным образованием, и прочих людей, не имеющих (или почти не имеющих) никаких специальных профессиональных навыков, чья социальная конкурентоспособность будет зависеть преимущественно от объективных параметров состояния здоровья. Потребность в высококвалифицированных рабочих и других специалистах с образованием ниже высшего, по всей видимости, будет компенсироваться активной автоматизацией (роботизацией) производственных процессов. Основной сферой применения труда неквалифицированных работников станут торговля и бытовое обслуживание.

Это вовсе не означает, что подобное состояние дел непременно приведёт к социальному взрыву. За XX век правящие слои западного мира многому научились на опыте русской и китайской революций, истории коммунизма и нацизма в Европе и проч. Они уже в достаточной степени владеют технологиями «мягкого взаимодействия», «социального компромисса» и т. п., но главное, хорошо усвоили урок, гласящий, что голодного дешевле накормить, а недовольного удовлетворить, нежели доводить дело до социального конфликта и захвата политической власти толпой голодных (или раздражённых) маргиналов.

Что касается проблем глобализации, то необходимо

различать экономическую, информационную и культурную глобализацию. Тенденции экономической глобализации возникли, как минимум, ещё в XIX веке (например, англо-французская концессия на строительство Суэцкого канала). В принципе, такого рода техническое сотрудничество всегда являлось нормой в экономической политике различных стран. Так или иначе, но после Второй мировой войны процесс создания международных экономических объединений (разного ранга) стал общепринятой нормой. Сегодня в мире трудно найти крупную фирму, не международную по своей структуре. Причём речь идёт не только о том, что различные составляющие конечного продукта производятся в разных странах мира. Но и на большинстве предприятий бок о бок трудятся сотни специалистов (разного ранга) различной национальности, расовой принадлежности, вероисповедания. Следует сказать, что американский принцип политкорректности на самом деле оказался весьма эффективным, по крайней мере, для поддержания национальной толерантности в производственных коллективах.

Информационная глобализация — это отдельный случай. Развитие и распространение современных средств связи делает почти невозможным функционирование обычного ещё несколько десятилетий назад «информационно закрытого» общества. В рамках современной системы телекоммуникаций решение этой задачи стало ещё более трудным и требует персонального наблюдения за каждым домом в стране. Сегодня абсолютное большинство населения мира имеет возможность слушать любые радиостанции, смотреть любые радиопередачи, не говоря уже о преимуществах телефонной и иной электронной коммуникации, предоставляющей возможность персональной связи с любым абонентом. Так или иначе, понятно, что проблема информирования людей о том, что происходит в их стране, сегодня не представляет сложности. Речь идёт о психологически обоснованной дозировке этой информации [6].

Наконец, проблема культурной глобализации [13]. Мне представляется, что она вообще надумана: единообразная глобальная культура охватывает только сферу массового потребления и розничной торговли и никак не отражается на развитии национальных культур и их креативных функциях.

Гораздо существенней проблемы мультикультурализма. Пока они касаются в большей мере молодёжной субкультуры, которая на глазах теряет выраженные национальные признаки и превращается в интегрированную субкультуру молодёжи всего мира. В определённом смысле эти процессы являются развитием политики «политкорректности», доминирующей в США в течение последних двух-трёх десятилетий. «Политкорректность» возымела и ещё одно серьёзное последствие. Многие традиционные признаки самоидентификации людей

превратились из социально значимых в сугубо приватные. Вместе с тем остаётся нерешённой и всё более подвергаемой критике проблема превышения мигрантами из Азии и Африки пределов допустимой культурной экспансии в городах Европы [25].

Это изменение композиции элементов личной самоидентификации индивида на самом деле играет большую роль в его социальном ощущении себя полноценным членом общества. Многие из того, что ущемляло его самоуважение ещё несколько десятилетий назад, ныне перестало быть социально актуальным и предметом общественного внимания. Особенно это касается национальной и религиозной принадлежности человека. Во все века это было основанием для каких-то ограничений. Сейчас это ушло в прошлое.

Следует сказать, что идеология мультикультурализма не только даёт право человеку в любой точке Земли свободно демонстрировать свою принадлежность к «не местной» культуре и приверженность её обычаям, что нередко порождает и определённые социальные напряжения [5], но и в каком-то смысле «заставляет» его сохранять такого рода приверженность. Она препятствует его культурной ассимиляции в стране проживания, что было нормальной практикой в предшествующие эпохи. Каковы будут возможные последствия такого жёсткого «пристёгивания» каждого человека к его коренной культуре, сейчас предсказать сложно. Есть множество факторов, работающих как за, так и против распространения этой тенденции [20].

Во второй половине XIX века на волне радикальной урбанизации, прокатившейся по странам Западной Европы и Северной Америки, в крупные города переселились сотни тысяч человек. Эта тенденция возростала на протяжении всего XX века и охватила уже десятки миллионов человек. В качестве системы регуляции социального поведения этой толпы мигрантов на новых местах поселения (сначала стихийной саморегуляции, а потом уже более целенаправленной регуляции со стороны власти) родилась массовая культура. Ставшая современным вариантом повседневной культуры для нового городского населения западного мира и заменившая в этой функции традиционную крестьянскую культуру, она представляет собой, с одной стороны, синтез множества культурных явлений со всего мира, но, с другой стороны, впитывает в себя по преимуществу наиболее простые и понятные для малообразованного потребителя культурные черты. Однако массовая культура принципиально отличается от традиционной культуры тем, что не порождает никаких устойчивых обычаев. Она, по сути своей, сугубо ситуативна и не производит никаких новых культурных смыслов и содержаний, а только регулирует потребление, его вкусы, предпочтения, стимулирует потребительский

ажитоаж; является основной культурой потребительского общества, обслуживая именно процессы материального и символического потребления. Она в равной мере выражается и в формах популярной музыки и кино, и в продукции закусочных «фастфуд», и в молодёжной моде на одежду, причёски и прочие имиджевые феномены, и в деятельности современных средств массовой информации (медиакультура) [14; 30].

Массовая культура превратилась за последние десятилетия в основную обыденную культуру горожан, независимо от их социального происхождения и культурных предпочтений, отодвинув приверженность людей к формам и смыслам специализированной культуры в область их профессиональной деятельности (интеллигентность как профессиональный навык, а не социальное свойство личности). Но массовая культура как культура развлечения и заполнения досуга не может заменить национальную культуру в её креативном значении. Поэтому говорить о закате креативной националь-

ной культуры, на мой взгляд, преждевременно; её отход на второй план в общей культурной композиции современного мира представляется временным явлением.

Судя по всему, этот новый вариант креативной культуры постиндустриального общества ещё не родился или пребывает в формах, пока не понятных даже для образованного меньшинства. Постмодернистская философия показала себя очень ярким образцом культуры нового типа, но она быстро исчерпалась со смертью первого же поколения своих корифеев [8; 26].

Возможно, мы привычно ищем проявления этой новой культуры прежде всего в искусстве, а она родилась совсем в иной области социальной практики и «взрослеет» там незаметно для внешних наблюдателей. Все культуры рождались отнюдь не из искусства, а из освоения собственного социального опыта. А ведь постиндустриальной культуре всего лишь около сорока лет...

Список использованных источников

1. Антонович, И. И. Социодинамика идеологий / И. И. Антонович. — Минск: Навука і тэхніка, 1995. — 373 с.
2. Бауман, З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. — Москва: Весь мир, 2004. — 188 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. — Москва: Логос, 2002. — 390 с.
4. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технологическая волна на Западе. — Москва, 1986. — С. 330–342.
5. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. — Москва: Логос, 2003. — 350 с.
6. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — Москва: Весь мир, 2004. — 120 с.
7. Дракер, П. Посткапиталистическое общество / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 67–100.
8. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. — Москва: Интрада, 1998. — 255 с.
9. Инглегарт, Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 245–260.
10. Кара-Мурза, С. Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза // Библиотека думающего о России. — Режим доступа: http://www.patriotica.ru/actual/skara_milliard.html (Дата обращения 12.02.2008).
11. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.
12. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — Москва: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
13. Костина, А. В. Культура в условиях глобализации: основные тенденции развития / А. В. Костина // Трансформации культуры в глобальном информационном обществе. — Москва, 2009. — С. 5–22.
14. Костина, А. В. Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе / А. В. Костина. — Москва: УРСС, 2009. — 216 с.
15. Косьмин, А. Д. Интеллектуальный потенциал общества: формирование, оценка, эффективность использования / А. Д. Косьмин, Е. А. Косьмина. — Москва: Экономика, 2004. — 320 с.
16. Медоуз, Д. Х. За «пределами роста»: учеб. пособие / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рандерс. — Москва: Прогресс, Пангея, 1994. — 304 с.
17. Мильнер, Б. З. Управление знаниями: эволюция и революция в организации / Б. З. Мильнер. — Москва: Инфра-М, 2003. — 177 с.
18. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). — Москва: Прогресс, 1989. — 376 с.
19. Осипов, Г. В. Экономика и социология знания / Г. В. Осипов. — Москва: Наука, 2009. — 245 с.
20. Павлова, Е. Д. Формы культуры информационного общества / Е. Д. Павлова // Обсерватория культуры. — 2008. — № 5. — С. 11–16.
21. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. — Москва: Прогресс, 1980. — 302 с.
22. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — Москва: АСТ, 2004. — 672 с.
23. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — Москва: АСТ, 2004. — 781 с.
24. Турен, А. Способны ли мы жить вместе? Разные и различные / А. Турен // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 465–491.
25. Флиер, А. Я. Границы мультикультурализма // Флиер А. Я. Культурология 20 — 11. — Москва, 2011. — С. 527–539.
26. Флиер, А. Я. Науки о культуре после постмодернизма // Флиер А. Я. Культурология 20 — 11. — Москва, 2011. — С. 13–25.
27. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. — Москва: АСТ, 2004. — 352 с.
28. Хэнди, Ч. Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире / Ч. Хэнди // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. — Москва, 1999. — С. 163–184.

29. Castells, M. *The Information Society and the Welfare State : The Finnish Model* / M. Castells, P. Himanen. — Oxford : Oxford UP, 2002. — 200 pp.
30. Grider, Sylvia. *The Media Narraforms. Symbiosis of Mass Media and Oral Tradition* / S. Grider // ARV. *Scandinavian Yearbook of Folklore*. — 1981. — Vol. 37. — Pp. 125–131.
31. Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture* / R. Robertson. — London : Sage, 1992. — 322 pp.
32. Robertson, R. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity* // M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson *Global Modernities*. — London, 1995. — P. 25–44.
33. Skyrme, D. J. *Capitalizing on Knowledge. From e-business to k-business* / D. J. Skyrme. — Boston : Butterworth Hendemann, 2001. — 331 p.

Материал поступил в редакцию 14.03.2017 г.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (г. Москва).
Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ЛЮ СИНТАО (刘兴涛)

АТР И ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматриваются перспективы геополитического проекта «Большая Евразия», который вполне может стать некой платформой для экономического и политического сотрудничества всех стран-участниц. Опираясь на исторические предпосылки и политический климат, сложившийся в Европе и Азии, автор подробно анализирует достижения и проблемы, существующие на этом пути, приводит особенности российско-китайского взаимодействия как необходимого условия для становления большого евразийского пространства. Также перечислены ключевые проблемы, препятствующие современному диалогу России и Китая. Однако комплексное российско-китайское сотрудничество при определённых условиях осуществимо, и в итоге именно оно может стать тем ключевым элементом, который даст толчок к объединению в Большую Евразию.

Ключевые слова: АТР, Большая Евразия, ЕАЭС, АСЕАН, российско-китайские отношения.

Keywords: ATR (Pacific Rim), Big Eurasia, EEU (The Eurasian Economic Union), ASEAN (The Association of Southeast Asian Nations), Russian-Chinese relations.

Настоящая статья написана по итогам конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики?», состоявшейся в Москве, в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), 27 мая 2016 года.

Восточный регион Азии стал сегодня новым понятием, зоной пристального внимания. Эта территория включает в себя Россию и Китай и делится на Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азию.

Во время «холодной войны» и после неё ситуация в регионе была весьма нестабильна, но, благодаря многим факторам, здесь удалось наладить и старательно развить собственную экономику. Обозначились такие явления, как «японское экономическое чудо», «четыре азиатских тигра», «подъём Китая», «российское развитие» и «подъём АСЕАН» [Ассоциация государств Юго-Восточной Азии].

Географически Восточный регион Азии находится как раз на пересечении АТР [Азиатско-Тихоокеанский регион] и Большой Евразии. Со стратегической точки зрения, данный регион сделал огромный вклад в экономическое развитие и политический баланс АТР, он играет важную роль в региональной экономике, вопросах безопасности и политической стабильности Средней и Южной Азии, а также Ближнего Востока.

В последние годы Россия и Китай активно развиваются и создают ряд организаций, в частности ШОС [Шанхайская организация сотрудничества], БРИКС [группа из пяти быстроразвивающихся стран: Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР], ЕАЭС [Евразийский экономический союз], проект «Один пояс — один путь», заключают соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ). С одной стороны, это направление содержит ряд перспектив, но, с другой, под влиянием сложной международной политической ситуации, оно весьма туманно.

АТР: курс на сбалансированность и консолидацию

Отношения между государствами Восточного региона Азии во время «холодной войны» и новые индустриальные страны в регионе

В Восточном регионе Азии, можно сказать, были и существуют сложные отношения. В 1945 году, после Второй мировой войны, Америка постепенно реализовывала в Европе и Японии свои политические и экономические интересы. С началом «холодной войны» отношения в регионе вновь стали напряжёнными. Мы помним войны в Корее и Вьетнаме, когда несколько миллионов людей из числа мирного населения стали жертвами военных действий. По сравнению с мирным восстановлением Западной Европы, Азия тяжело дышала под давлением американского блока.

Европейский колониализм ослабил влияние на свои азиатские колонии. Во время столкновений интересов государств в таких странах, как Вьетнам, Индонезия, Филиппины, Малайзия, возникали национально-освободительные движения и устанавливалась независимость...

Нельзя отрицать очевидное — проблемы остались и существуют до сих пор. К примеру, национальные конфликты и поддержка Соединёнными Штатами коррупции в ряде стран. Если говорить о национальных проблемах, отчасти они возникли в странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Филиппины, Малайзия) из зависти и негативных настроений местных жителей по отношению к талантливым и успешным китайским иммигрантам. Другие же связаны с американским заблуждением — так называемой угрозой коммунизма. Только с 1950-х по 1990-е годы было убито 500 тысяч китайских иммигрантов, а жизни нескольких миллионов были сломаны, так что национальный вопрос в Азии до сих пор стоит довольно остро [5; 6].

Ещё одна страна, на которую нужно обратить внимание, это Япония. В 1945 году, согласно Потсдамской декларации, на её территории должны были остаться войска коалиции, но, за исключением США, остальные государства — СССР, Китай и Англия — отказались от этого права. Под защитой Америки не все военные преступники Японии предстали перед судом. Кроме того, такие преступления Японии во Второй мировой войне, как «бактериологическая война», «женщины для утешения», тоже не получили должного расследования и полного раскрытия, и виновники не были привлечены к ответственности. Получается, на Западе все признавали, что Германия развязала агрессивную войну, а о войне на Дальнем Востоке сложилось смутное представление. Так, в европейских статьях «Википедии» эта война обозначена как «Японо-китайская война» (1937–1945 гг.), а японское колониальное правление в Корее (1910–1945 гг.) названо присоединением Кореи к Японии. Только период, когда к военным действиям в Азии присоединились США и Европа, относится ко Второй мировой войне. Возмутительно, что недооценена роль советских воинов в разгроме агрессоров — в последние годы западные СМИ искажают историю Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Такое пренебрежение к истории не способствует налаживанию доверия и понимания между Японией и остальными государствами Восточного региона Азии. Помимо прочего, в последние годы Япония отрицала свою вину и результаты Второй мировой войны, а также постоянно поднимает проблему принадлежности ей южнокурильских островов [1, с. 290]. Все эти факторы сегодня влияют на сбалансированность и стабильность АТР.

Как говорил великий философ Лао Цзы: «Беды и несчастья — вот что приходит на смену благополучию. Удача

и счастье — вот что рождается в беде». Япония чрезвычайно пострадала от войны, но попала под контроль США. С момента «железного занавеса» Япония стала аванпостом Америки на Востоке. Она быстро развивала производство и экономику и уже к 1980-м годам была признана второй экономикой мира и гордостью Азии.

Кроме Японии, также заслуживают восхищения «четыре азиатских тигра», особенно Тайвань, Сингапур и Гонконг. Благодаря своему огромному влиянию в кругах этнических китайцев, они эффективно развили собственные экономики и содействовали экономическому развитию Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Развитие Восточного региона Азии и формирование АТР

После «холодной войны» мировая экономика к 1990-м годам развивалась свободнее. АСЕАН с шестью странами-участниками расширилась до 10. Число участников АТЭС [международная организация «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество»] увеличилось с самого начала (1989 г.) с 12 до 21. В это время Китай обогнал Германию и Японию и к 2012 году стал второй экономикой мира. Двигатель экономики перешёл с восточного берега Тихого океана на западный.

Восточный регион Азии сплочённо движется под общим девизом «развивать экономику». Субъекты и регионы всё чаще прекращают споры по вопросам истории и политики — они стремятся к великому единению и мирному развитию, например, Китай и Тайвань, Китай и Россия, Япония и Восточная Азия, Юго-Восточная Азия. Особенно нужно отметить факт присоединения к этому региону России: это принесло надежду на подъём экономики Северо-Восточной Азии (снабжение энергией обеспечивает развитие этого региона и оживляет хозяйство российского Дальнего Востока). Анонсированная Китаем концепция «Один пояс — один путь» не только объединила все государства евроазиатского континента, но и позволила странам Восточного региона Азии развиваться во многих направлениях. Ну а ЕАЭС уже практически начал эту работу.

Хотя развитие экономики стран АТР стало центром внимания всего мира, появились АСЕАН, Соглашение о «зоне свободной торговли плюс» — Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП / RCER), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ / АБИИ), Транстихоокеанское партнёрство (ТТП / TPP), Соглашение об экономическом партнёрстве (EPAs), но это не скрывает борьбу, которая развернулась сегодня между гигантами.

Американская «умная сила» и новая стратегия: переориентация на АТР

Необходимо учитывать, что суждение о «китайской угрозе» не вызвало взаимного доверия у стран Северо-Восточной Азии во время сотрудничества, а южнокурильские острова и ядерная программа КНДР усложнили отношения между Россией, Японией и Южной Кореей. США, с одной стороны, не могут обойтись в Восточной Азии без огромного китайского рынка. А с другой — не хотят видеть и признавать подъём экономики Китая. Объединившиеся Япония, Южная Корея, Австралия и другие страны АТР способствуют обострению конфронтации в регионе, а также усложняют вопрос, связанный с Южно-Китайским морем.

Можно согласиться с тем, что обстановка в АТР стабильнее, чем на Ближнем Востоке. Некоторые даже считают, что это благодаря американской «умной силе». Бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон гордится такой политикой, которая реализовывалась с 2000-х годов [1, с. 37], но эту политику создала не она. За последние 30 лет под влиянием «умной силы» проамериканские лидеры некоторых стран Юго-Восточной Азии выступали на арену и их отношения с Китаем становились напряжёнными. В Гонконге, на Тайване появились молодёжные движения. Япония и Тайвань ведут споры по морской зоне. Между Японией и Южной Кореей, а также Китаем, Индонезией и Вьетнамом есть противоречия о принадлежности островов. Согласно Каирской и Потсдамской декларациям острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи отошли Советскому Союзу, а острова в Южно-Китайском море — Китаю; некоторые западные страны во главе с Соединёнными Штатами Америки оставили этот факт без внимания. Теперь заинтересованные страны возвращаются к переговорам по этим вопросам.

Даже американские союзники чувствуют неприязнь к США. На Тайване население против импорта американской свинины с кленбутеролом. Новый президент Филиппин Родриго Дутерте заявил, что Манила намерена стабилизировать отношения с Пекином и решить территориальный спор относительно островов в Южно-Китайском море исключительно мирным путём [7]. Республика Корея временно отложила размещение противоракетных комплексов THAAD, опасаясь явно негативной реакции со стороны Китая и России. Видимо, и военные действия, и политика «умной силы», если они несут шовинизм, нежелательны.

Осенью 2011 года от лица госсекретаря Х. Клинтон Соединённые Штаты провозгласили новый стратегический императив — возвращение на Тихий океан. После многолетних войн на Ближнем Востоке и в Афганистане Америка

повернулась в сторону АТР. Тогда Азия только вышла из мирового экономического кризиса, начала упорно развиваться и продолжает развиваться сегодня. Экономическое сотрудничество между Китаем и странами АТР усилилось. Россия тоже обратила внимание на этот регион, пытается участвовать в развитии Северо-Восточной Азии. Но, к сожалению, Америка, выступив с новой стратегией, под предлогом «китайской угрозы» тормозит развитие дальневосточного выхода России.

Несмотря на это, большинство стран Азии считает, что Россия и Китай — надёжные партнёры, с точки зрения национальной психологии, географического преимущества, экономического потенциала, с учётом стремления к политико-экономической независимости и других факторов. При такой сильной поддержке морская блокада уже не будет препятствием.

Большая Евразия как геополитический проект

Будучи азиатами, народы Восточной и Юго-Восточной Азии сохранили общенациональное чувство идентичности. После того как страны этого региона добились национальной независимости, они мечтали самостоятельно выбрать свой путь развития. Но когда они налаживали связи друг с другом, чувствовалось давление Америки. Например, японцы протестуют против военных баз США, новый президент Филиппин Родриго Дутерте, как уже говорилось ранее, заявил, что намерен решить спор по Южно-Китайскому морю с КНР путём мирного диалога. Всё это косвенно сократило влияние США в этом регионе.

Чтобы противостоять давлению американцев, страны Восточного региона Азии должны сплотиться и выработать иммунитет. Поэтому в качестве партнёров они могут выбрать государства Средней и Южной Азии, а также продолжать развивать партнёрство с Россией, которое они реализуют с давних времён в условиях равноправия и взаимовыгодных торгово-экономических отношений.

Новый процесс в мировой политике — новая «холодная война»

Возможно, вышеизложенный процесс слияния в сферах торговли и экономики стран Евразии, Южной и Восточной Азии фактически представляет что-то само собой разумеющееся, но из-за давления на геополитическом уровне со стороны Европы и Америки Китай и Россия ускорили процесс сближения с Большой Евразией.

Как известно, новый мировой порядок, который установили США, а также продвижение НАТО на Восток считаются самыми серьёзными угрозами для России со времён распада СССР. В марте 2014 года её отношения с Западом обострились из-за присоединения Крыма. До сих пор продолжается действие экономических санкций, введённых в связи с этим [2, с. 97]. В 2015 году Европу атакуют террористические организации исламистов. Россия участвует в военной операции в Сирии, но США отказались поделиться с Россией военными данными с мест боевых действий, что поставило Россию в неловкое положение.

Что касается АТР, США долгое время используют Тайвань для сдерживания Китая. В последние годы Америка также подстрекает Вьетнам и Филиппины объединиться против КНР для разжигания территориального конфликта в Южно-Китайском море. США специально нагнетают отношения между Китаем и АСЕАН. Каждый раз, когда главные страны Восточной Азии оказывались на пороге достижения прогресса в вопросах экономической интеграции, Америка подстрекала Японию поднимать конфликт с соседями по спорным островам или посещению храма Ясукуни. Вследствие всего этого Китаю, Южной Корее, Тайваню и Японии сложно развивать сотрудничество, которое основывалось бы на взаимном доверии. Подобные действия США также включают: отказ вступать в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, создание ТТП без участия Китая и России. 12 мая 2016 года Европарламент не признал Китай как страну с рыночной экономикой. Это поставило КНР, которая стремится к мировой экономической интеграции, в неловкое положение.

США принимают такие меры, как противодействие, бойкотирование, чтобы устранить для себя угрозу, которую представляет сотрудничество вышеуказанных стран с другой идеологией и реальной мощью. В связи с этим эксперты всё чаще используют понятие «новая холодная война».

Укрепление евразийских институтов сотрудничества и его перспективы

В последние годы ряд международных организаций делает всё для того, чтобы приблизить друг к другу восточные страны евроазиатского континента (создание ШОС укрепило безопасность и политическое доверие в этом регионе). Страны Южной и Юго-Восточной Азии, такие как Шри-Ланка, Непал, Камбоджа, в результате стали партнёрами. Страны — члены БРИКС характеризуются как наиболее быстро развивающиеся крупные государства. В этом объединении состоят три ведущие страны Восточного региона Азии. В 2015 году был создан ЕАЭС, который стал хорошим примером

сотрудничества для будущего Евразии. Сама организация привлекает соседние страны. Недавно Таджикистан и Сирия выразили желание вступить в ЕАЭС. Также в 2015 году был открыт Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, к его меморандуму уже присоединились 57 государств. Он будет привлекать молодых и талантливых специалистов для развития Восточного региона Азии.

Основной вклад в интеграцию и развитие стран Восточного региона Азии внесла ШОС. В нынешнем составе организация уже берёт на себя ответственность как за укрепление стабильности и безопасности, так и за развитие экономического сотрудничества, энергетического партнёрства, научного и культурного взаимодействия между странами-участницами — всё это считается основами географического сотрудничества. Такое взаимное доверие в политике помогает продвинуть экономическое объединение региона.

В 2010 году начала работать зона свободной торговли Китай — АСЕАН. Средние ставки таможенных пошлин Китая на товары стран АСЕАН снизятся с 9,8% до 0,1% [8, с. 22]. Эти страны взаимодействуют также по делам Фонда морского сотрудничества. Они будут не только нести коллективную ответственность за поисково-спасательные работы в море, борьбу с трансграничными преступлениями, но и проводить морские научные исследования и обеспечивать охрану окружающей среды. В конце 2015 года был создан механизм сотрудничества в бассейне Меконга (Ланьцан-цзян), и страны, такие как КНР, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам, через которые протекает эта река, будут использовать его для развития взаимодействия и увеличения торговых инвестиций.

Согласно статистике Министерства коммерции КНР¹, в 2015 году торговые отношения Китая с такими передовыми странами АСЕАН, как Малайзия, Сингапур и Таиланд, складывались следующим образом: по экспорту КНР занимала второе место, по импорту — первое.

19–20 мая 2016 года в Сочи проводился саммит Россия — АСЕАН. Обе стороны решили расширять сотрудничество в сфере энергетики, торговых инвестиций, гуманитарной сфере, в сфере туризма и т. д. Если будущая зона свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН будет включать ещё и зону между Китаем и АСЕАН, то у географического ареала Большой Евразии будет общая основа.

В 2016 году открылась зона свободной торговли между КНР и Южной Кореей. Северо-Восточный район Китая, Дальний Восток России, Южная Корея и Япония постепенно

начали сотрудничать после «холодной войны». Если все стороны будут ценить это сотрудничество, координировать свои действия, то весь регион станет важным сегментом в будущем геополитическом плане Большой Евразии.

Мы будем рады видеть, как ШОС, главный политический корпус, соединится на Западе с ЕАЭС и частью стран Восточной Европы, а на Востоке — со странами Южной и Северо-Восточной Азии и АСЕАН [2, с. 101–103].

Вопросы, которые стоят перед Большой Евразией

Несмотря на то, что проект постепенного создания общего экономического пространства от Шанхая до Лисабона весьма перспективен, его реализацию затрудняет ряд факторов.

Во-первых, политическое давление со стороны США и НАТО на Восточную Европу и продолжающийся кризис на Украине. Эти факторы пугают и отдаляют страны Восточной Европы от Большой Евразии.

Во-вторых, в силу того что инструменты для успешного экономического развития у Китая, стран Центральной Азии и АСЕАН схожи (например, стимулирование экспорта и привлечение иностранных инвестиций), существует сильная конкуренция в борьбе за привлечение международных инвестиций. Экспортные товары из ЕС, США и Японии по-прежнему имеют большое конкурентное преимущество на рынках этих стран перед национальным продуктом [9, с. 42].

В-третьих, два «главных двигателя» будущего Евразии — Китай и Россия — находятся в экономическом спаде. Другие страны Восточного региона Азии предпочитают развивать экономическое и техническое сотрудничество со странами вне этой территории. Некоторые страны настороженно относятся к политизации Большой Евразии и не хотят лишаться политического суверенитета, поэтому есть лишь небольшая надежда на их переход к Евразийскому союзу.

В-четвёртых, ядерная угроза со стороны КНДР и проблемы Корейского полуострова обострили политические разногласия между двумя блоками Америка — Япония — Южная Корея и Россия — Китай — Северная Корея. Недавно Республика Корея объявила о размещении на своей территории американского противоракетного комплекса ТНААД, против чего были крайне негативно настроены Россия и Китай.

В-пятых, проблема принадлежности Южных Курил (территориальные претензии Японии к России).

В-шестых, тайваньский вопрос, который влияет на стабильность и безопасность ситуации в Восточной Азии.

¹ Статистика с сайта Министерства коммерции КНР <http://countryreport.mofcom.gov.cn>.

После вступления в должность президента Цай Инвэня 20 мая 2016 года отношения между странами Тайваньского пролива стали напряжёнными.

В-седьмых, споры о территориальной принадлежности островов в Южно-Китайском море.

И, в-восьмых, этнические противоречия в странах Юго-Восточной Азии. Так, в 2015 году в Малайзии 200 тысяч человек вышли на митинг с требованием отправить в отставку премьер-министра Наджиба Разака, они обвинили его в хищении 7 миллиардов долларов. Большинство из них — этнические китайцы. В ответ на их действия местные силы в количестве 90 тысяч человек попытались провести акции в защиту премьера [10; 11].

Российско-китайское сотрудничество на современном этапе

Перспективные проекты сотрудничества России и Китая

России, для того чтобы снизить влияние санкций Запада и ослабить острое противоречие с этим регионом, необходимо продвижение на Дальний Восток. В рамках ЕАЭС есть возможность расширить сотрудничество с Китаем. Несмотря на то, что КНР и страны АТР не смогут в полной мере заменить сотрудничество с Западом, Россия может получить ряд преимуществ [4, с. 9]:

1. Полное использование дивидендов стратегии «Экономического пояса Шёлкового пути» и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а также возможность овладеть инициативой во входе ЕАЭС на Восток.

2. Возможность контроля главных каналов «Экономического пояса Шёлкового пути»: Дальний Восток — Москва и Средняя Азия — Урал — Москва, развитие восточной части с упором на Дальний Восток.

3. Совместно с Китаем ускорить экономическое развитие Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Согласно концепции «Инь-Ян» всё изменчиво. Наступит день, когда будут отменены европейские санкции, что сделает Россию важным игроком, соединяющим евразийское общество.

Что касается Китая, то столкновения его с США, видимо, будут происходить непрерывно, стране будет нужен стабильный тыл. В условиях снижения внутреннего и мирового спроса заинтересованность Китая в стимулировании экспорта технологий и капитала растёт, что в известной степени компенсирует «недобор» темпов роста внутренне-

го производства в восточной части России. Это не только поддержка российского региона, но и новое направление экономического сотрудничества.

В области транспортной инфраструктуры Китай в ближайшем будущем планирует вложение инвестиций в строительство высокоскоростной магистрали Москва — Казань в размере 400 миллиардов рублей, без каких-либо гарантий со стороны России [3].

В 2015–2016 годах, в связи с ростом добычи американской сланцевой нефти и замедлением экономического развития Китая, произошла задержка в рассмотрении и реализации проектов российско-китайского сотрудничества на энергетическом рынке. Вместе с тем, согласно протоколу 13-го заседания Межправительственной российско-китайской комиссии по энергетическому сотрудничеству, представителями двух стран будет разработана комплексная стратегия развития сотрудничества в атомной энергетике. Таким образом, можно сделать вывод, что российско-китайское сотрудничество на правильном пути. Конкретные проекты могли бы получить финансовую поддержку из фонда «Экономического пояса Шёлкового пути» и ЕАЭС.

Проблемы и недостатки российско-китайского сотрудничества

Несмотря на исторические и политические предпосылки и влияние других стран, две державы придерживаются собственного мнения и продолжают вести работу по укреплению и развитию всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества. Однако есть сложности и препятствия, тормозящие темпы его роста.

1. Недостаток взаимного доверия.

Недостовверная информация западных СМИ, а также людские слухи сильно исказили образы России и Китая. К концу Второй мировой войны Красная армия освободила Восточную Европу от фашистских захватчиков, что стало пропагандироваться на Западе как использование удобного момента для оккупации этих территорий СССР; вопрос о нарушении дисциплины советскими солдатами во время освобождения Северо-Восточного Китая чрезвычайно раздут. В связи с европейскими санкциями российская экономика была близка к краху, но был оставлен без внимания факт быстрого роста отечественных предприятий. Общественная безопасность городов тоже находится в зоне серьёзного риска, к тому же рост экономики Китая создавал мнимую угрозу, и покупка российских энергоресурсов рассматривалась в западных СМИ как расхищение ресурсов и уничтожение окружающей среды. Период замедления китайской

экономики был назван главным фактором, влияющим на российскую экономику.

2. Влияние американского могущества на отношения между Россией и Китаем.

Сегодня Китай уже является второй экономикой мира, и по мере укрепления международных политических позиций он станет второй страной после США, которая сможет влиять на мировое политическое положение. Подобные изменения, так или иначе, скажутся на отношениях между Россией, Китаем и США. Вместе с тем вопрос отношений США с Россией и Китаем не включается в повестку дня российско-китайских переговоров. В Пекине считают, что это только его проблема. Москва также пока не готова вести с ним полноценный диалог по американской проблематике.

С одной стороны, Россия уверена, что Китай в настоящее время — это главный враг США, и в долгосрочной перспективе китайско-американские отношения будут ухудшаться. С другой — есть убежденность в том, что в угоду своим экономическим интересам Китай и США пойдут на создание политического союза (G-2) в противовес России [4, с. 8].

Некоторые аналитики в КНР считают, что ухудшение отношений между Россией и Западом подталкивает первую к «повороту на Восток», в связи с чем бытует мнение, что при сотрудничестве с российскими партнёрами страны АТР не смогут выправить своего положения. Есть также точка зрения, что для экономического развития необходимо сотрудничество с США. И, действительно, много крупных китайских компаний при американском финансировании котируются на Nasdaq [одна из трёх основных фондовых бирж США].

3. Однообразие сферы сотрудничества, которое не отличается долгосрочностью и перспективностью.

Российско-китайское сотрудничество пока ограничено сферой энергетики, транспорта и торговли. Необходимо повышение эффективности в сферах промышленности, высокотехнологичных отраслей и инвестиций. Зачастую сотрудничество носит краткосрочный характер в большей мере из-за отсутствия долгосрочных стратегических планов. В промышленной сфере дела обстоят так же, но здесь отсутствует взаимодополнение со стороны обеих сторон. Даже если китайские предприятия через покупку акций, слияния, поглощения и прочего построят завод в России, то смогут лишь выйти на местный рынок. Здесь необходимо перенимать опыт крупных компаний, таких как The Coca-Cola Company, Adidas Group и т. д. Кроме того, на протяжении двадцати лет Россия и Китай находятся в нижнем сегменте мировой торговой цепочки: одна страна обеспечивает энергией, вторая — рабочей силой. Сегодня, если две стороны хотят развиваться вместе, необходимо признать ряд проблем, таких

как недостаток высоких технологий, взаимного дополнения в отраслях экономики и т. д., которые требуют решения.

4. Необходимость учитывать отношения с государствами-сателлитами.

Китай и Россия, как крупнейшие державы, имеют свои государства-сателлиты. Любая страна, которая хочет вступить в их ряды, должна проявлять бдительность. Расширение НАТО приносит беспокойство России, вмешательство Америки и Австралии в ситуацию в Южно-Китайском море тоже несёт неблагоприятные последствия для Китая. Сегодня у восточной стратегии России появился новый вектор — «политика на юг», то есть расширение сотрудничества со странами АСЕАН. Поэтому Китай волнует, чьи интересы будет защищать Россия в вопросе о Южно-Китайском море? Обратный пример — сотрудничество Китая со странами Центральной Азии и Центральной и Восточной Европы в рамках проекта «Экономический пояс Шёлкового пути», в котором степень своего участия Россия пока не определила. В данной ситуации КНР налаживает отношения с развитыми странами таким образом, чтобы не вызвать неприязни со стороны России.

5. Недостаточно глубокое проникновение «мягкой силы» двух стран по отношению друг к другу.

Традиционная китайская культура в России вызывает интерес, но из-за геополитических факторов западная культура всегда занимала ведущее место. С современной китайской культурой в России мало знакомы, в отличие от культур Японии и Южной Кореи. А тридцатилетняя деловая культура Китая часто подвергается критике со стороны других стран. К примеру, в сфере малого и среднего бизнеса были отмечены случаи мошенничества, возникают вопросы по качеству товаров, безопасности пищевых продуктов и т. д.

Начиная с XVII века российская культура получила своё распространение в Китае [12, с. 6]. С 1949 года КНР входила в Коминтерн [международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 гг.]. Между СССР и КНР были годы тесного сотрудничества и взаимопомощи. И до сих пор русская культура значительно влияет на китайцев, рождённых в 1940-е и 1950-е годы. Однако с распадом СССР, вследствие политического давления западных стран, а также проникновения культур других стран в период реформ политики открытости в Китае, российская культура уступила своё ведущее место. С 2014 года образ России стал особенно непопулярным. В настоящее время иностранные бизнесмены боятся инвестировать российские проекты из-за существующей здесь коррупции и неэффективности.

Рейтинг популярности иностранных языков в Китае²:

1	2	3	4	5	6
Испанский язык	Немецкий язык	Французский язык	Японский язык	Корейский язык	Русский язык

Будущее направление и ожидания

Необходимо признать, что при стратегии совместного давления Европы и АТР во главе с Соединёнными Штатами Россия и Китай будут более тесно сотрудничать в политике и экономике. Мы надеемся, что у обеих сторон наметится не только пассивная интеграция.

С точки зрения экономики, акцент сотрудничества между двумя странами будет не столько на объёме, сколько на качестве, для реализации ряда важных моментов:

- способствовать продвижению экономических инноваций;
- для скорейшей реализации единого таможенного тарифа;
- привлечения крупного бизнеса, закладки новых заводов и производств на территории двух государств, создания рабочих мест для своих граждан.

Для улучшения своего имиджа Россия и Китай должны знакомить со своей национальной культурой зарубежные страны и создавать новые бренды отечественной продукции. «Мягкая сила» не только устранил настороженность иностранцев по отношению к России и Китаю, но и поможет заложить новые отрасли промышленности, развить экономику. В связи с этим мы надеемся, что Русские центры фонда «Русский мир», Институт русского языка им. А. С. Пушкина смогут получить больше финансовой поддержки. Что касается Китая, то, помимо распространения национальной культуры в других странах (этим занимается правительство), мы также надеемся, что бизнес не только будет получать финансовую выгоду за рубежом, но и будет способствовать улучшению благосостояния местных жителей.

С точки зрения политики, обе стороны сотрудничают и углубляют взаимное доверие. На международной арене Китай и Россия уже не раз демонстрировали взаимное сотрудничество, поддерживая друг друга во многих международных проблемах, например, в сирийском вопросе. В рамках экономических, стратегических проектов «Экономический пояс Шёлкового пути», ЕАЭС, «Степной путь» и т. д. Россия и Китай также активно взаимодействуют.

Но нельзя игнорировать исторически сложившуюся геополитику. Когда Пекин ведёт сотрудничество с российскими государствами-сателлитами или когда Москва ведёт

сотрудничество с китайскими государствами-сателлитами, или когда они сотрудничают со странами, у которых не совсем лояльное отношение с одним из двух государств, обе страны должны правильно относиться к этому и уважать национальные интересы друг друга. Пекин и Москва могут прибегнуть к двусторонним механизмам взаимодействия на всех уровнях, включая деловые встречи на самом высоком уровне, чтобы предъявить свои претензии: какие действия приемлемы, какое поведение не может быть признано деловым [4, с. 8].

Выводы и перспективы

России и Китаю необходимо сегодня сыграть ту же роль в объединении Большой Евразии, принять на себя ту же историческую миссию, что и у главных государств ЕС — Германии и Франции, чья инициатива 1951 года по созданию общего рынка угля и стали со временем привела к рождению Евросоюза. Да, обстановка другая: хотя у евроазиатского консорциума есть признанный потенциал, но в то же время мы не можем игнорировать сложную реальность в отношениях стран АТР и Восточной Европы. Однако существующие наработки России и Китая (КНР имеет несколько зон свободной торговли с АСЕАН, Пакистаном и Республикой Корея; Россия создала ЕАЭС, имеет большой опыт координации таможенных тарифов) и политическая воля сторон к сотрудничеству могут заложить качественную основу для будущей Большой Евразии.

Всё-таки этих достижений может быть недостаточно. Нужно использовать огромную евразийскую экономическую систему как связующее звено, привлекать рецессивных, латентных партнёров по всей территории Евразии. Например, те страны, которые проявили себя нейтрально во время действия санкций против России (это Япония, Южная Корея, Греция, Болгария и т. д.), те средневосточные страны Европы, которые начали сотрудничать с Востоком из-за экономического спада ЕС. К слову сказать, уже запущено восемь новых грузовых поездов, проходящих через Китай и страны Восточной и Центральной Европы, близкие России.

Да, географически евроазиатский континент соединён, и никакая сила не может его разделить. Но сотрудничество Китая и России позволит странам этого региона вести свои стратегии более сбалансированно и сделает их ядром Большой Евразии. Несмотря на то, что внешнеполитические стратегии обеих стран различаются, их исторически существующие установки на поддержание мира на евразийском континенте и достижение его экономического процветания остаются прежними и совпадают. Если усилия двух стран

² Статистика школ иностранных языков г. Гуанчжоу (КНР).

будут консолидированы и направлены на эти цели, вероятность уменьшения двусторонних противоречий, а значит, и успеха реализации всего проекта Большой Евразии весьма велики.

Список использованных источников

1. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / [В. В. Михеев, К. Р. Вода, Ф. Г. Войтоловский и др.] ; под ред. чл.-кор. РАН В. В. Михеева, к.э.н. В. Г. Швыдко ; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. — Москва : Магистр, 2014. — 318 с.
2. Караганов, С. Евроазиатский выход из европейского кризиса / С. Караганов // Россия в глобальной политике. — 2015. — № 4. — С. 92–104.
3. Китай предоставит кредит на строительство ВСМ Москва — Казань в размере 400 млрд руб. [Электронный ресурс] // ТАСС : офиц. сайт. — Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/3251316>.
4. Михеев, В. В. Китай — Россия: когда эмоции уместны? / В. В. Михеев, В. Г. Швыдко, С. А. Луконин // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2015. — № 2. — С. 5–13.
5. 《印尼屠杀华人纪录片入围奥斯卡当年至少30万人丧生》, http://news.xinhuanet.com/world/2014-01/19/c_119028549.htm, 2014年1月19日。
6. 《华人该不该原谅苏哈托: 执政32年总共屠杀50万华人》, <http://history.people.com.cn/n/2014/0120/c372327-24172907.html>, 2014年1月20日。
7. 《菲律宾新总统称习近平为“伟大的主席”》, http://news.ifeng.com/a/20160601/48891110_0.shtml, 2016年6月1日。
8. 李文《2010国际十大新闻》之《中国 - 东盟自贸区启动》, 人民日报 2010年12月31日第22版。
9. 张晓菁《中国 - 东盟区域经济合作存在的问题及对策》, 环球市场信息导报, 2014年33期。
10. 《马来西亚反总理示威继续数以万计黄衫军街头抗议》, <http://www.chinanews.com/gj/2015/08-31/7498100.shtml>, 2015年8月31日。
11. 《马来西亚“红衫军”大集会挺政府, 华人区遭封锁避免种族冲突》, http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1375940, 2015年9月16日。
12. 唐戈, 《俄罗斯文化在中国》, 北方文艺出版社, 2012年。

Материал поступил в редакцию 16.01.2017 г.

Сведения об авторе: Лю Синтао (刘兴涛), аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Москва), руководитель проектов Америки и Европы Международного центра образования и обмена Шэньянского университета (г. Шэньян, КНР).

Контактные данные: e-mail: xt83tree@aliyun.com.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

ЕДА МЕНЯЕТ ГОРОД

В статье представлены фрагменты исследования пространства еды в дальневосточных городах — Владивостоке и Хабаровске, вошедшие в книгу «Городские пространства: еда». Кафе трактуется как образ жизни и место обитания «новых горожан», а ресторанные дворики и кварталы — как основные общественные пространства. Автор, основываясь на собственных воспоминаниях, демонстрирует ретроспективу заведений общепита и описывает ключевые точки гастроландшафтов обозначенных городов.

Ключевые слова: городская еда, кафе, кофейни, стритфуд, городская среда, Хабаровск, Владивосток, дальневосточный общепит.

Keywords: city food, cafes, coffee shops, street food, urban environment, Khabarovsk, Vladivostok, Far Eastern foodservice.

Еда, как основной сюжет городской жизни, давно тревожила воображение автора статьи, но импульсом к изучению нового дальневосточного общепита послужило внезапное осознание количества знакомых, которые подрабатывают в кафе барменами, баристами и официантами, открывают собственную бары, пабы, пекарни, микрокондитерские и бесконечно постанут в «Инстаграме» канонические постхипстеровские «луки» на фоне выбеленных кирпичных стен. Картонный кофейный стаканчик сегодня служит таким же обязательным атрибутом наших студентов и молодых коллег, как смартфон, перейдя из утилитарного знака «еды-на-бегу» в маркер «нового горожанина» — мобильного, образованного и вестернизированного. Посещение кафе стало способом «расщепления» с реальностью — посетители модного места находятся не в январском Хабаровске, а в воображаемой Европе. В условно-лофтовых интерьерах условного «Мускатного кита» происходит временное перекодирование пространства, где (если воспользоваться терминами фрейм-анализа) содержание одного мира (реальная улица Муравьёва-Амурского) сталкивается с содержанием другого — идеального мира праздничной мечты о прекрасном столичном городе.

Но, помимо хипстеровских кафе и пафосных ресторанов, в дальневосточных городах идёт стремительное развитие придорожного «остановочного» фастфуда и этнических заведений, являющихся для многочисленных «новых дальневосточников» важной структурой коммуникации. Нигде социальное и гендерное расслоение не проявляется столь наглядно и ярко, как в культуре городской еды.

«Города, как и люди, это то, что они едят» [2]. После принятия программы импортозамещения в 2014 году еда оказалась в фокусе общественного внимания: программа Елены Летучей «Ревизорро», кулинарные поединки «На ножках» и «Кондитер», гастро-трэвел-шоу «Еда, я люблю тебя!», бесконечные ток-шоу и сериалы (например, «Кухня» на СТС) с гастрономическими сюжетами вошли в топы ТВ-рейтингов; в любом СМИ с претензией на «модность» имеется ресторанный критик (в этом амплуа выступают известные литераторы, например, Татьяна Толстая и Евгений Гришковец) или, в бюджетном варианте, обзор вновь открывающихся точек общепита. Оперативными источниками информации о текущих изменениях в московско-петербургском гастрономическом ландшафте служат сайты «Афиша Daily» и The Village. Что касается дальневосточных реалий, то в Приморье наиболее качественная информация аккумулируется на сайте «Владивосток-3000» [3], а лучшим хабаровским сайтом о городской повседневности, по мнению автора, являлся портал «Хлеб» [10], закрывшийся в ноябре

2016 года; весной 2017-го самым популярным среди «новых горожан» является портал «ПространствоХабаровск» [7].

Гендерные аспекты отечественной культуры еды

Советские столовые, от школьных до заводских, можно рассматривать в ряду других «машин насилия», нацеленных на воспитание коллективного духа и подавление личности. Они имели единственную функцию — быстрого неприятельского питания и восходили к раннесоветской идее фабрики-кухни. Меньше всего эти, подчёркнуто дегуманизированные, пространства ассоциировались с представлением о том, что еда и сопутствующие ей ритуалы могут доставлять удовольствие. Какая-либо приватность (в том числе производственный флирт) в обширных, гулких, хорошо просматриваемых, дурно пахнущих и принципиально антиэстетичных помещениях была проблематичной. Семантика столовых, как территории стресса и конфликтов, зафиксирована не только в воспоминаниях старшего поколения, но и в советском кинематографе, где именно столовые часто служат сценой скандалов и напряжённых выяснений отношений (к/ф «Служебный роман», реж. Э. Рязанов, 1977 г.). Для интерьера столовых был обязателен антидизайн, единственным элементом оформления которого являлись дидактические призывы («Хлеба к обеду в меру бери, хлеб — богатство, его береги», «Мойте руки перед едой!») или зловещие плакаты санэпидстанций.

Более интересны для анализа многочисленные заведения невысокой ценовой категории, предполагающие тем не менее возможность общения: рюмочные, стопочные, бутербродные. Главное их отличие — чёткая гендерная маркировка: они по умолчанию были «мужскими» пространствами, и появление там одиноких женщин воспринималось как недоразумение или поиск клиентов.

Впервые концепция «кафе как третье место» (ставшее за последующие 30 лет избитым штампом) была заявлена в книге Рэя Ольденбурга «Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места “тусовок” как фундамент сообщества». В 2014 году в издательстве «Новое литературное обозрение» она была переведена на русский язык [6]. Рэй Ольденбург, описывая феномен «мачистских» пивных и пабов, возводит их к первобытной институции «мужского дома», который на протяжении столетий был самым значительным объектом поселений: «Эволюцию системы мужских связей можно проследить от этих “мужских домов” в племенных обществах, куда крайне редко допускались женщины и дети, до

мужских клубов, существующих в нашем обществе. Первые городские клубы, или кружки, были способом адаптации к росту населения и возникновению социальной стратификации. Как и в случае «мужских домов» прежних столетий, членство в мужском клубе рьяно охранялось от вторжения женщин. Для представителей рабочего класса постоянный двор, паб, таверна или салун служили «клубом бедняка». У мужчин всякого социального положения была своя таверна, от низкопробного кабака до утончённых версий с дубовыми панелями и барменами в элегантной униформе» [6]. В России заветные места, несущие «однозначную печать маскулинности», сохранялись в неприкосновенности вплоть до начала XXI века, а наплыв мигрантов из Средней Азии и Закавказья в последние годы способствует их реставрации и процветанию (правда, с ориентальной спецификой).

«Для многих москвичей трактир тоже был «первой вещью». Он заменял и биржу для коммерсантов, делавших за чашкой тысячные сделки, и столовую для одиноких, и часы отдыха в дружеской беседе для всякого люда, и место деловых свиданий, и разгул для всех — от миллионера до босняка» [5, с. 314] — так оценивает социальное значение трактиров первый (и, возможно, лучший) русский исследователь повседневности В. А. Гиляровский. В советском городе трактир, трансформируясь в пивную, из «первой вещи» стал «третьим местом». Подобные заведения, имевшие чёткую гендерную маркировку («Яма» была уголком бескомпромиссного мужского шовинизма. Здесь вообще не предполагался женский туалет» [1]), часто служили советским режиссёрам декорациями в сценах роковых мужских диалогов («разборок»). Подвальная «Яма», уцелевшая с довоенных нэпмановских времён, фигурировала в культовом фильме Э. Рязанова «Берегись автомобиля» (1966 г.). В романтической эпопее В. Меньшова «Москва слезам не верит» (1979 г.) показана советская пивная-«стекляшка» эпохи «развитого социализма»: одноногие столики, отсутствие посадочных мест, подразумевающее невозможность долгого общения, хамская, асексуальная, отталкивающая обслуга (при том, что в вестернизированном мире ролевая модель «официантка» обязательно подразумевает коннотации соблазна). Но для советских мужчин пивные были сакральными территориями свободы и мачизма.

Разнообразные закусовые, пельменные, чебуречные, беляшны, блинные и пирожковые казались более толерантными к женскому присутствию, но еда там была не изящная, грубая, подразумевающая функцию закуски к водке, которая повсеместно подавалась в «шкаликах» или разливалась из-под полы. Идея назначать кому-либо свидание или деловую встречу в чебуречной была неочевидной. Интерьеры подобных заведений были жёстко функциональны, но пред-

полагали посадочные места, что резко повышало уровень удобств. Тем не менее, благодаря небольшим размерам, плохому освещению и легкодоступному алкоголю, создавалась иллюзия приватности и если не комфорта, то некой «душевности». Многие представители старшего поколения, судя по постам в «Фейсбуке» (группы «Старый Хабаровск» и «Старый Владивосток»), вспоминают их с умилением, как возможность сохранить в консервативном и тоталитарном обществе многообразие неформальных практик общения.

Формирование гастрономического ландшафта Хабаровска и Владивостока: исторический обзор

Первые улицы Хабаровска застраивались одно- и двухэтажными (крайне редко три – четыре этажа) краснокирпичными зданиями казённой архитектуры (деревянный частный сектор имел усадебный характер). Только на улице Муравьёва-Амурского сформировались кварталы сплошной коммерческой застройки с окнами-витринами в первом этаже. От этого раннего пласта сегодня сохранилось несколько кварталов в районе Комсомольской площади и два десятка разрозненных двухэтажных особняков частного характера, изначально не предназначенных для осуществления функции питания. В 1930–1950 годы в центре появляются 5–7-этажные здания «магистральной» архитектуры (с высокими рустованными цоколями и развитой венчающей частью), в первых этажах которых предусматривалась возможность организации кафе. Но эти масштабные строения были точно интегрированы в сложившуюся застройку и не образовывали непрерывный уличный фасад. На улице Карла Маркса (бывшая Муравьёва-Амурского) в пределах городского центра только 8 зданий этого периода предполагали размещение кафе и столовых. На других улицах локации, предназначенные для общепита, встречались значительно реже.

Ещё один отчётливо читаемый в городском ландшафте Хабаровска архитектурный пласт — позднесоветский модернизм 1970–1980-х годов. Некоторые высотные точечные здания этого периода строились с отступом от «красной линии», а непосредственно на тротуары выходили одноэтажные пристройки с окнами-витринами, предполагавшие размещение предприятий торговли и общепита (ул. Ленина, №№ 49–53, ул. Серышева, 42).

Особенностью Хабаровска является его линейная структура: длина города, вытянутого узкой полосой вдоль берега Амура, составляет, по разным оценкам, 50–70 км, при этом все общественные пространства сконцентрированы в

относительно небольшом центре, а периферии застроены спальными районами и заняты промзонами, перемежающимися пустырями. Во второй половине 1970-х была сделана попытка децентрализации: в Южном и Северном микрорайонах появились одинаковые торговые центры (монументальные, квадратные в плане здания с ленточным остеклением) с ресторанами на втором этаже*. В Северном микрорайоне в 1984 году открылся кинотеатр «Хабаровск» — выдающийся образец типового позднесоветского модернизма — с кафетерием и бильярдным клубом, который стал важной точкой притяжения для окрестных субкультур в первые годы перестройки.

В постсоветский период происходит уплотняющая застройка исторических кварталов, отдельные здания для кафе / ресторанов в центре города строятся крайне редко, но помещения для них предусматриваются в зданиях новых отелей и культурно-развлекательных комплексах (ресторан «Версаль» в здании одноимённой гостиницы у Центрального рынка, ресторан «Али» на городских прудах в парке «Динамо»), а также в новеньких двух- и трёхэтажных особнячках, мимикрирующих под историческую застройку (памятники недолгого хабаровского постмодернизма 1990-х гг.). В поисках удобных помещений наиболее предприимчивые инвесторы нарождающейся дальневосточной гастроиндустрии обратили внимание на огромные здания советских проектных институтов и арендовали опустевшие этажи (ресторан корейской кухни «Режент», открытый в цоколе Хабаровского гражданпроекта, наиболее яркий пример).

Остановимся на знаковых заведениях Хабаровска, которые стали индикаторами системных изменений. Автор не претендует на создание исчерпывающего гастропутеводителя; в обзор включены наиболее интересные, с, безусловно, субъективной точки зрения, объекты, чьё появление открывало новые этапы развития дальневосточной культуры еды.

На излёте советской власти и в первые годы перестройки-

ки (1980–1990) хабаровские места общественного питания средней ценовой категории не поражали разнообразием концепций и интерьеров. Респектабельные рестораны базиликального типа («Амур», «Дальний Восток», «Север», «Центральный», «Уссури»), расположенные в первых этажах бывших доходных домов и сталинских гостиниц, долго сохраняли аутентичные послевоенные интерьеры (лепнина, тяжёлые драпировки, пальмы и фикусы в кадках, фрески приемлемого качества с суровыми пейзажами) и только в 1980-е годы были декорированы монументальными деревянными фризами с «природными» мотивами и абстрактными гипсовыми панно.

Модернистские стеклянные павильоны с лёгкой мебелью и мозаиками на стенах, столь популярные в советском кинематографе 1960-х годов, в Хабаровске не прижились, за исключением круглого «Аквариума» у здания аэропорта. Самые нейтральные, чтобы не сказать унылые, интерьеры появились в 1980-е годы (ресторан «Северный», рестораны в крупных новых гостиницах). Интерьеры больших зальных пространств создавались цветом стен, мебели и текстиля («Красный» и «Белый» залы гостиницы «Интурист»). В отличие от узких вытянутых залов классических советских ресторанов, обращённых окнами-витринами на главные городские улицы, ресторанные залы 1980-х резко увеличились в размерах и приобрели квадратную конфигурацию. Они, как правило, располагались выше первого этажа и не просматривались с улицы. Их окна не работали на формирование уличного фасада и создание «дружелюбной» городской среды в целом.

Помимо ресторанов, в гастрономическом ландшафте позднесоветского Хабаровска было ещё несколько точек притяжения. В гостинице «Турист» работал чуть ли не единственный в городе бар «Роза ветров» (бары в «Интуристе» были менее доступны простому обывателю). На углу бывшего Дома коммуны работников НКВД (ул. Карла Маркса, 25, ныне — ул. Муравьёва-Амурского) находился вход в кафе-мороженое «Снежинка», с памятным хабаровчанам старшего поколения мозаичным панно с образом зеленоглазой Снежной Королевы и отвратительным обслуживанием. В этом же здании, являющемся, кстати сказать, выдающимся памятником довоенного (1932–1934) дальневосточного ар-деко, в пристройке первого этажа, где по замыслу архитектора должна была функционировать общественная кухня-столовая, долгие десятилетия размещалось кафе «Даурия», главным (и единственным) достоинством которого были панорамные окна-витрины, обращённые на городской променад. Следует отметить разумный нейминг советских заведений, предназначенных в первую очередь для командировочных и гостей города. Региональная экзo-

* *Официально они назывались общественными центрами на 12 тысяч жителей. Вот такое описание проекта было опубликовано в газете «Правда» в 1972 г.: «В общественном центре под одной крышей разместятся магазины, комбинат бытового обслуживания, кафе, столовая, ресторан» (Пастухов С. 120 проектов для города // Правда. — 15 июня 1972 г. — № 167. — С. 6). В Южном микрорайоне такой центр ввели в эксплуатацию в конце 1975 г. (акт госкомиссии был подписан 30 декабря; об этом упоминается в решении исполкома Хабаровского городского совета депутатов трудящихся от 4 января 1976 г. № 1 «Об утверждении актов государственной комиссии по приёмке в эксплуатацию объектов жилищно-гражданского назначения» // ГАХК. Ф. Р904. Оп. 10. Д. 1146. Л. 2), в Северном — в 1978-м (Акт приёмки в эксплуатацию государственной приёмочной комиссией законченного строительством (реконструкцией) здания (сооружения) жилищно-гражданского назначения от 16 июня 1978 г. № 8/78 // ГАХК. Ф. 2288. Оп. 1. Д. 3. Л. 179–182). — Ред.*

тика, отражённая в названиях, подкреплялась интерьерными решениями (панно и картины с «тажёжными» сюжетами). Например, вестибюль и зал ресторана «Дальний Восток» украшала первоклассная живопись А. М. Федотова.

В конце 1980-х годов в Хабаровске появились первые «атмосферные» заведения: кафе «Старая башня» в кирпичной водонапорной башне у Дома одежды (ул. Московская, 2а) и ресторан «Утёс» на Амурском утёсе. Оба объекта, вследствие специфической объёмно-пространственной композиции, совершенно не подходили для размещения в них кафе и были крайне неудобны. В одноэтажной пристройке к классическому «сталинскому» зданию магистральной архитектуры (ул. Карла Маркса, 50) открылось кафе «Фонтан», название которого намекало на главный городской фонтан, расположенный рядом, на площади Ленина. Два полутёмных зала «со светомузыкой» и красными кожаными диванчиками поразили воображение хабаровчан и прочно впечатались в коллективное подсознание.

Перечень респектабельных хабаровских заведений, куда было не совестно пригласить девушку на свидание, исчерпывался десятком названий, зато в городе было множество непритязательных точек (кулинарии, чебуречные, бутербродные, пельменные), где кормили дёшево и вкусно. Демократичные переходные формы от «приличных» кафе к совсем уж простонародным столовым были особенно популярны у школьников, студентов и свободолюбивой и, как следствие, малообеспеченной хабаровской интеллигенции. Главной, хотя и негласной, городской локацией в 1990-е годы была крошечная закусовая «Бутербродная» (ул. Комсомольская, 79). В предчувствии грядущих перемен, на заре перестройки, в цокольном (подвальном) этаже старого советского ресторана «Дальний Восток» открылся один из первых хабаровских баров «Хехцир». Интересно проследить смену концепций «Хехцира». После ребрендинга бар лишился региональных коннотаций и — на волне увлечения итальянской кухней и средиземноморской экзотикой — был переименован в Scalini. Возможно, следует ожидать возвращения исторического названия «Хехцир», так как локальная гастрономия сегодня рассматривается в качестве важнейшего фактора индустрии гостеприимства и ставка вновь делается на дальневосточную экзотику.

В отличие от исторического центра Хабаровска, планово застраивавшегося административными и ведомственными объектами (принадлежавшими в основном железнодорожным и силовым структурам), хорошо сохранившаяся городская ткань Владивостока эпохи порто-франко имеет принципиально коммерческий характер: вплотную к узким тротуарам примыкает непрерывный уличный фасад, разрывов между строениями практически нет (во внутренние

дворы ведут подворотни), во всех домах первые этажи изначально предназначены под торговлю и общепит. Сложившаяся инфраструктура предопределила процветание гастроиндустрии в приморской столице. Во Владивостоке 1950–1970-х годов работали рестораны «Челюскинец», «Интурист», «Золотой Рог», «Приморье» и «Тихоокеанец» (для офицеров флота). Самыми известными заведениями позднесоветского периода были бывший «Версаль», переименованный в «Челюскинец» (ул. Светланская, 10), где сохранились остатки исторического купеческого интерьера, «Арагви» с типичным «кавказским» интерьером (полуподвальный прокуренный тёмный зал с низкими сводами, куда вела деревянная лесенка, глиняные кувшины, искусственный плющ и фрески, воспевающие красоты южных республик), расположенный в цокольном этаже бывшего Сибирского банка, более известного как доходный дом В. П. Бабинцева (ул. Светланская, 20), и круглый в плане стеклянный модернистский «Океан» с монументальными витражами, винтовой лестницей и панорамным видом на акваторию бухты Золотой Рог (ул. Светланская, 83).

В 1970–1980-х годах на гастрономическом ландшафте приморской столицы появилось несколько объектов, ставших символами локальной культуры еды: столовая «Диета» на Океанском проспекте и «Пельменная» на проспекте Красного Знамени, рестораны, интегрированные в гостиницы («Азимут»), упомянутый выше ресторан «Океан», кафе «Пингвин» у Покровского парка. Подавляющее большинство заведений было полностью лишено интерьерных изысков, единственным их предназначением являлся процесс питания.

Появление первых заведений с функцией демонстративного потребления связано с приходом на Дальний Восток иностранных инвесторов. В начале 1990-х во Владивостоке открывается корейский ресторан «Чосон-Моранбон», а в Хабаровске — японский «Саппоро». Оба заведения расположились в ключевых точках городской структуры. «Чосон-Моранбон» (ул. Морская 1-я, 6/25) был открыт в 1991 году в двух шагах от железнодорожного вокзала, в бетонной пристройке пятиэтажного жилого дома из кирпича цвета охры. Утилитарная одноэтажная пристройка была радикально преобразована по запросу инвесторов. Две тёмно-зелёные черепичные крыши с приподнятыми углами скатов и деревянная терраса на высоком цоколе эффектно замкнули визуальную ось, идущую от привокзальной площади. Менее вызывающе выглядел хабаровский ресторан «Саппоро» (ул. Карла Маркса, 3а), построенный в 1991 году по проекту будущего лауреата Госпремии в области архитектуры А. Редькина. Трёхэтажное кирпичное здание так удачно вписалось в лауну, зияющую между двумя памятниками архитектуры начала XX века, что горожане привычно считают

её частью исторического ансамбля. Интерьеры ресторана, который, по словам А. Редькина, предполагалось назвать «Сон Посейдона», были выполнены совместно с японским архитектором в духе постмодернизма¹. К сожалению, этот интригующий образец раннего хабаровского дизайна сегодня утрачен, как и десятки других интерьеров 1990-х годов. Постмодернизмом в то время считалось соседство тяжёлой мебели с бархатной обивкой, этнических аксессуаров и зеркальной облицовки конструкций.

Говоря о первых ресторанах и клубах «нового формата», появившихся в 1989–1992 годах в Хабаровске и Владивостоке, следует помнить о контексте: тотальный дефицит еды, продуктовые карточки, крах основных систем жизнеобеспечения и городской инфраструктуры в целом, стремительное обнищание населения, враз лишившегося всех сбережений в результате так называемой «павловской» реформы, чудовищное социальное расслоение общества. Большинство горожан выживало с помощью натурального хозяйства на дачных участках и гуманитарной помощи, которую выдавали в многочисленных протестантских миссиях. Сейчас трудно реконструировать эмоции, которые вызывали первые пространства демонстративного потребления с их наивной претензией на «дизайн» и «элитность» (понятия «гламур» и «лакшери» появились значительно позже). Не без основания опасаясь эксцессов со стороны отчаявшегося городского пролетариата, «новые русские» и многочисленные зарубежные «партнёры»-экспаты в первую очередь были озабочены безопасностью и приватностью своих «вип-зон». Из ранних 1990-х идёт традиция «отдыхать» подальше от чужих глаз, за плотными портьерами, в помещениях без окон или далеко за городом. Только в середине 2000-х в Хабаровске стали появляться кафе с большими окнами-витринами, сквозь которые можно было рассмотреть интерьер и посетителей («Ла Вита» на углу бывшего ТД «Кунст и Альберс», ул. Муравьёва-Амурского, 9). Лишь в 2010-х годах кафе стало восприниматься как демократичное общественное пространство, главной функцией которого является налаживание социальных коммуникаций. Однако вернёмся к хронологическому обзору формирования пространства еды в дальневосточных городах.

Тема «совместных предприятий», сегодня почти забытая, была очень популярна в начале 1990-х. Рассмотрим её на примере российско-корейского предприятия «Хабаровск — Сеул», организованного в 1992 году. Не вдаваясь в подробности многогранной деятельности этой компа-

нии, остановимся на интересующей нас сфере общепита. Владельцы предприятия арендовали важные городские локации и последовательно открыли несколько заведений, ставших для неизбалованных хабаровчан синонимом *dolce vita*. В 1994 году на первом этаже большого жилого здания (ул. Муравьёва-Амурского, 48) открылось кафе «Касам» с первой в городе летней террасой, декорированной трепещущими шёлковыми язычками «пламени», приводившими в восторг младшее поколение горожан. В 1995 году рядом заработал бар «Касам» на 40 посадочных мест. В декабре этого же года открылось кафе «Венеция» (ул. Муравьёва-Амурского, 22), проработавшее полтора года и закрывшееся в марте 1997-го, но 1 ноября было открыто кафе-мороженое «Холидей» (ул. Дикопольцева, 46). В том же году рядом с «Касамом» появилось кафе «Кальби». Все эти заведения не пережили кризиса 1998 года. В связи с выходом из предприятия корейских партнёров 1 января 1999 года «Касам» был закрыт, вслед за ним прекратили работу остальные точки², но заданный ими новый формат городского кафе уже прочно вошёл в обиход.

Параллельно вестернизированным кафе и ресторанам, открывавшимся на деньги инвесторов из Азии, развивался «народный» формат, ориентированный на «новых русских». Целевая аудитория вернакулярных заведений включала как стремительно богатеющих предпринимателей-кооператоров, так и откровенно асоциальные элементы, входившие в легендарные дальневосточные группировки. Обязательной приметой кафе 1990-х годов была очень громкая музыка (преимущественно шансон), исключавшая нормальное общение. Полумрак, царивший в большинстве заведений, делал ненужными интерьерные изыски — их всё равно было невозможно рассмотреть. Как правило, рестораны объединялись с «сауной», «номерами» и бильярдными (позже, примерно в 2006–2008 гг., к этому обязательному набору добавились боулинги) в «развлекательные комплексы», открывавшиеся на самых дальних окраинах, среди промзон и частного сектора, где стоимость земельных участков была на порядок дешевле, чем в центре. Практически неограниченные территориальные ресурсы позволяли организовывать значительные по размеру структуры, включавшие, помимо прочего, «летние кафе» — десяток деревянных беседок, разбросанных в зелёной зоне. Одним из главных достоинств загородных развлекательных центров являлись вместительные парковки. В качестве типичного примера можно привести комплекс «Абриколь» (ул. Воронежская,

1 Пронякин К. Реальная и нереальная архитектура Хабаровска: От Чёрного до Шпорта [Электронный ресурс] / К. Пронякин. // Дебри-ДВ : электрон. период. изд. 24.05.2013. Режим доступа: <http://debri-dv.com/article/6777>.

2 Общество с ограниченной ответственностью «Фирма КаСам» г. Хабаровск. Фонд № 1255 [Электронный ресурс] // Хабаровский городской центр хранения документов : офиц. сайт. Режим доступа: <http://centrhd.ru/afond/index.php?act=fund&fund=494>.

138, северное направление), несмотря на многочисленные критические отзывы разгневанных посетителей³, успешно функционирующий до сегодняшнего дня на объездной трассе, предназначенной для транзита протехники и большегрузных фур.

На другой — южной — окраине Хабаровска были открыты аналогичные комплексы: «7 звёзд» (Владивостокское шоссе, 42), «Матвеевская слобода», «13 км».

Тогда же, в середине 1990-х, появились первые спортивные бары и рестораны с трансляциями матчей и букмекерскими конторами. Предназначенные в первую очередь для болельщиков, они являлись типичными «мужскими» зонами. Самый известный спорт-бар Хабаровска располагался в ресторане «Овертайм» в «Платинум Арене» на Уссурийском бульваре [спортивно-развлекательный комплекс «Платинум Арена» был построен в 2003 г.].

Ради объективности следует заметить, что общепиту тех лет была присуща определённая романтика, которую сегодня стараются воспроизвести и коммерциализировать торговцы «региональной идентичностью», пытающиеся превратить в бренд «лихие 90-е». Впрочем, эти маркетинговые ухищрения пока не снискали широкой популярности; несколько более удачными являются попытки эксплуатировать тренд «советская ностальгия».

В 1996 году хабаровские кафе и рестораны можно было условно «разделить на рестораны китайской и корейской, японской и европейской (русской) кухни, а также заведения, специализирующиеся на блюдах армянской и азербайджанской кухни»⁴, что на десятилетия вперёд предопределило основные векторы развития ресторанного дизайна («восточный», «европейский» и «ориентальный»). В первой половине 1990-х дизайнеры «европейских» кафе ориентировались на типовые решения американских коллег, которые часто фигурировали в голливудских фильмах, собиравших полные залы в салонах видеопроката⁵. По-видимому, желанием сделать «как в Америках» объясняется повсеместное использование парных диванчиков и длинных барных стоек,

обтянутых кожзаменителем, а также «вагонная» расстановка мебели. В таком стиле был оформлен обновлённый интерьер классического советского ресторана «Дальний Восток» (ул. Муравьёва-Амурского, 18) и кафе на втором этаже Центрального гастронома (ул. Муравьёва-Амурского, 9, бывший ТД «Кунст и Альберс»). Огромное впечатление производили первые «Макдональдсы», появившиеся в 1990-х годах в русских городах-миллионниках, от них пошло обязательное красно-оранжевое колористическое решение интерьеров сетевого фастфуда: пиццерий и бургерных, стремительно набирающих популярность во Владивостоке и в Хабаровске. Одновременно с пиццериями, примерно в 1995–1996 годах, в дальневосточной столице появились суши-бары. В оформлении хабаровских кафе и ресторанов конца XX века, помимо упомянутых выше «постмодернизма» и «ориентализма», пользовались успехом «исторические» и «тематические» интерьеры, не утратившие популярности до сегодняшнего дня. В воспоминаниях хабаровчан встречаются рассказы о ресторане «Князь Серебряный» в районе Центрального рынка (Амурский бульвар, 38): «доspěхи, щиты, мечи и топоры на стенах, кирпич и струганное дерево»⁶ и «Дуплете» (ул. Комсомольская, 71): «небольшой ресторанчик в охотничьем стиле. Рога, чучела, стилизация под охотничью старину»⁷. Напротив «Дуплета» тогда же появился «винтажный» «Саквояж» (ул. Комсомольская, 84), благополучно переживший все экономические кризисы и сохранивший до сегодняшнего дня первоначальный интерьер. Главной точкой притяжения Северного округа был «ковбойский» ресторан «Серая лошадь» (первый этаж в двухэтажной большой пристройке на тихой и малолюдной ул. Стрельникова, 8а), предвосхитивший популярный сегодня в Хабаровске формат «театрализованного» ресторана. Терраса летнего кафе у «Серой лошади» была главным аттракционом спального района (ул. Даниловского и ул. Уборевича): бричка переселенцев, колёса, бочки, жернова, кованная мебель, подвесные корзины с ампельным озеленением, бывшие ещё в диковинку, распашные «салунные» двери, затейливая ограда — всё это поражало воображение обывателей и способствовало неувядающей популярности «Серой лошади», дотянувшей до 2013 года.

3 *Eda27*: портал. Все отзывы. Режим доступа: <https://www.eda27.ru/reviews>.

4 *Новый год не за горами — выбирайте рестораны* [Электронный ресурс] // Сайт издат. компании «Золотой Рог». 01 янв. 1996. Режим доступа: http://www.zrpress.ru/society/dalnij-vostok_01.01.1996_3736_novij-god-ne-za-gorami--vybirajte-restorany.html.

5 *Ещё один бесследно исчезнувший формат*. Т. н. «видеосалоны» часто устраивали в «кооперативных» кафе, вытеснявших с удачных локаций советские столовые. Самым известным заведением подобного рода во Владивостоке был видеосалон-кафе «Наутилус», ул. Адмирала Фокина, 12, с «фигурными» низкими кожаными диванчиками и большим аквариумом, считающимся смелой дизайнерской находкой.

6 «Довольно стильное было заведение, хотя и несколько мрачноватое. Кухня “русская и басурманская”. 20 рублей только за вход, чтобы “подростки с рынка не бегали”. Этим же людям принадлежало и стильное арт-кафе “Галерея снов”. Но просуществовали они пару лет и растаяли в памяти людской. Не окупались». Цит. по: *Ресторанный бизнес в свете хабаровского ренессанса* [Электронный ресурс] // Сайт издат. компании «Золотой Рог». 01 января 1996. Режим доступа: http://www.zrpress.ru/society/dalnij-vostok_01.01.1996_16393_restorannyj-biznes-v-svete-khabarovskogo-renessansa.html?print.

7 Там же.

К началу 2000-х главная улица Хабаровска — Муравьёва-Амурского — стала пространством шопинга. Торговая функция вытеснила прочие из наиболее выгодных локаций, закрылись старые рестораны, кафе и закусочные («Дальний Восток», «Даурия», «Снежинка»), многие заведения, открывшиеся в 1990-е, были разорены кризисом 1998 года, их место заняли «бутики» и франшизы масс-маркета. Поэтому инвесторы второй ресторанной волны стали активно осваивать новые территории, в первую очередь улицы, перпендикулярные Муравьёва-Амурского.

Ещё ранее были сделаны попытки освоить улицу Серышева. В середине 1990-х годов в одноэтажной пристройке (ул. Серышева, 42) разместился офицерский клуб-кафе «9 граммов». Два зала (на 30 и 60 мест), с танцполом и портретами командного состава на стенах, были оформлены по всем правилам «евроремонта»: «многоуровневые» подвесные потолки с точечной подсветкой и узкими сиротливыми плафонами, криволинейные фальш-стены из ГВЛ с эксцентричными арочными проёмами, смелые колористические контрасты (насыщенный малиновый и ультрамарин на фоне бледной охры), «корейская» мебель с оптового китайского рынка, фигурно сложенные салфетки и старательно подобранная в цвет стен посуда на столах, покрытых синими и малиновыми скатертями. В 2001 году в двух кварталах от офицерского клуба, в первом этаже бывшего советского проектного института (ул. Серышева, 22), открылся ресторан китайской кухни «Император», успешно функционирующий до сего дня, что лишний раз подтверждает устоявшееся мнение о консервативности хабаровчан, высоко ценящих стабильность и постоянство. Однако, по-видимому, обыватели краевого центра подозревали, что привычные им форматы далеки от европейских стандартов; в старых блогах часто встречаются сетования на «провинциальность» и «некоторое пуританство»⁸ местного общепита.

Начало короткой эпохи хабаровского гламура ознаменовалось открытием ресторана Scalini (зима 2003 г.) на углу улиц Муравьёва-Амурского и Истомина, там, где раньше находился один из первых городских баров — демократичный «Хехцир». Десятилетие экономического роста сформировало буржуазное общество, и рестораны стали элементами образа жизни среднего класса. В феврале 2013 года в обзоре на портале «Амурмедия» приводились впечатляющие цифры: «Сегодня в Хабаровске работает 624 предприятия общественного питания, впервые за несколько лет посадочными местами в кафе, столовых и ресторанах обеспечены все жители города — по нормативу необходимо наличие 40 мест

на одну тысячу горожан» [4]. В торгово-развлекательных центрах («Южный Парк», «Большая Медведица», «Магазины Радости»), открывшихся на протяжении 2008–2012 годов, появились первые фудкорты и масса небольших кафе, интегрированных в торговые пространства. Пиццерии переживали свой звёздный час, открылся десяток точек сетей «Пицца Хаус», «Прожект-Пицца», «Фаворит», «Синьор Помидор». Но, возможно, средний бизнес переоценил уровень благосостояния горожан, так как из открывшихся в 2012 году «75 предприятий общественного питания... 65 прекратили свою деятельность» [4].

С 2014 года, несмотря на сложную экономическую ситуацию, дальневосточные города переживают гастробум: каждый месяц открываются кафе, рестораны, кондитерские, пекарни, кулинарии, фермерские лавки, фуд-корты, закусочные и павильоны стрит-фута. Флагманом выступает Владивосток: на текущий момент (зима 2017 г.) по запросу «Где поесть во Владивостоке» ГИС выдаёт 757 позиций разной ценовой категории [8]. На втором месте Хабаровск — 575 мест [9], затем следуют Комсомольск-на-Амуре (236 заведений) и Уссурийск (171).

Пространство еды в дальневосточных столицах: гастромаршруты

Примерно с 2010 года экономика потребления начала всё заметнее вытесняться экономикой впечатлений, шопинг, как образ жизни, стремительно вышел из моды, зато всё увереннее стала заявлять о себе индустрия гостеприимства (HoReCa — Hotel, Restaurant, Cafe). Популяризация идей «нового урбанизма» и френдли-сити спровоцировала появление общественного заказа на пешеходные пространства и вестернизацию городской среды. Кафе, а не «бутик», стало главным символом городской жизни и местом обитания «креативного класса». Параллельно «культуре кафе» развивались «культура шавермы» и «культура “китаек”», принесённые волной мигрантов и гастарбайтеров. Попытки картографирования пространства еды в дальневосточных городах дают приблизительную схему, включающую центр, спальные районы, периферии и загородные зелёные зоны с «гостевыми домами», турбазами, «заимками», придорожными кафе и прочими элементами «индустрии гостеприимства».

Попытки картографирования хабаровского пространства еды дают приблизительную схему, на которой чётко выделяются три основные категории: центр, спальные районы и периферия.

⁸ goo.gl/w7ytjp.

Границы условного центра, вписанного в прямоугольник с ортогональной сеткой, очерчены с юго-запада улицей Шевченко, идущей параллельно высокому амурскому берегу, с северо-востока — Ленинградской улицей, соединяющей железнодорожный вокзал и крупный торгово-общественный узел в районе завода «Энергомаш»; длинные стороны вытянутого прямоугольника образуют улицы Серышева и Ленина. В этой локации расположено 241 заведение разной ценовой категории (по состоянию на 17 марта 2017 г.), что составляет примерно 42 процента от общего числа заведений общепита (581), учитываемых системой ГИС в Хабаровске. Репрезентативно-туристическое пространство Хабаровска, где сконцентрирована большая часть топовых заведений, включает в себя отрезок улицы Муравьёва-Амурского (от Комсомольской площади до площади Ленина) и прилегающие фрагменты 12 перпендикулярных улиц, спускающихся к бульварам. В этом «главном» центре, границы которого зафиксированы улицами Шевченко и Пушкина, Амурским и Уссурийским бульварами, насчитывается 88 заведений. На самой улице Муравьёва-Амурского расположено 26 точек, в прилегающих кварталах — ещё 44. За исключением нескольких столовых и закусовых, уцелевших чуть ли не с советских времён, это модные кафе и рестораны среднего ценового сегмента. На центральной улице города (в границах от Комсомольской площади до площади Ленина) есть только три здания, полностью занятых общепитом, большинство же точек расположено на первых этажах и в цокольных помещениях. В летний сезон 2016 года кафе, выходящие на широкие тротуары главной городской магистрали, открыли 6 террас, и можно предположить, что этим летом их количество удвоится. Кроме кафе, вдоль основного городского транзита расположено множество точек стритфуда.

На Комсомольской площади пока нет стационарного стритфуда, зато на площади Ленина одинаковые бело-синие киоски фиксируют углы бескрайнего общественного пространства, служа визуальными ориентирами. Эта давно сложившаяся диверсифицированная структура городской еды не включает люксовые концепции — заведения, рассчитанные на более взыскательную публику, расположенные на тихих улицах, перпендикулярных улице Муравьёва-Амурского («Парус») и в глубине кварталов, где есть возможность организовать стоянки личного транспорта («Цветы», «Мука»).

Далее улица Карла Маркса ведёт мимо парков им. Гайдара и «Динамо» к торговому кварталу между улицами Дикопольцева и Ленинградской, где заканчиваются пешеходные зоны. В этом районе насчитывается 54 точки.

Параллельно главному городскому маршруту, идущему в основном по нечётной стороне улицы Муравьёва-Амур-

ского (и ул. Карла Маркса — как её продолжению) и включающему в основном заведения быстрого обслуживания, рассчитанные на большой трафик, постепенно формируется внутренний «маршрут для своих», объединяющий несколько маленьких кафе и кондитерских нового формата («Буфет», «Верона», «Белый кот», «Сытый Федот», Coffee Room #63), расположенных по улице Ким Ю Чена и в прилегающих к ней дворах. Этот маршрут начинается в культовом «Пряном месте» и заканчивается в ресторанном дворике у ТРЦ «Магазины Радости» (кафе «Мон Амур»).

Третья по важности магистраль Хабаровска — улица Серышева, идущая параллельно улице Муравьёва-Амурского, пока не затронута гастробумом. Вдоль самой улицы и в прилегающих к ней кварталах расположено всего 18 точек, интегрированных в первые этажи или открывшихся в одноэтажных пристройках (за исключением двухэтажного ресторана кавказской кухни «Зодиак»). Несмотря на то, что почти в конце улицы Серышева расположен огромный комплекс построек Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ул. Серышева, 47), включающий, помимо учебных корпусов, студенческие общежития, никаких «модных» точек в окрестностях пока не замечено, напротив — близость железнодорожного вокзала провоцирует открытие многочисленных этнических кафе со специфическим контингентом.

Самое крупное заведение на улице Серышева — ресторан китайской кухни «Император», расположенный в первом этаже мрачного офисного здания, являющегося хорошим образцом позднесоветского брутального модернизма. На остановках общественного транспорта есть павильоны шавермы (рассчитанные на 2–3 столика), которые отсутствуют на параллельном участке улицы Муравьёва-Амурского. Вся улица Серышева, благодаря наличию знаковых объектов с ярко выраженной гендерной маркировкой (монументальный штаб округа, СИЗО, выход к футбольному стадиону), воспринимается как преимущественно мужская брутальная территория, лишённая каких-либо праздничных, легкомысленных коннотаций. Возможно, открытие рядом с площадью Серышева, прямо у стены СИЗО, большого ТРЦ «Счастье» создаст новое место притяжения модной молодёжи, аналогичное «Магазинам Радости». Пока же северо-западная граница городского центра является началом гастрономических периферий с типовым набором: «китайка» — «шашлык-машлык» — халяльное кафе — дешёвая народная столовая.

Вдоль Тихоокеанского шоссе, соединяющего центр и Северный округ, расположено 7 крупных заведений, все они имеют ярко выраженный этнический характер, за исключением двухэтажного «Стейк-Хауса», интегрированного в станции

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

технического обслуживания. Характерно заведение этого района иллюстрируют два объекта: гостиничный комплекс «Самарканд», воскрешающий традиции караван-сараев, и комплекс «Маленькая Армения» (ул. Тихоокеанская, 72а), включающий, помимо кафе, десяток беседок и «шашлычных домиков», раскиданных по большому зелёному массиву. «Маленькая Армения» по типологии ближе к загородным местам отдыха, хотя и расположена на границе мощной промзоны (нефтеперерабатывающий завод), практически в полосе отчуждения железной дороги.

Типичный мобильный вагончик стритфуда на перекрёстке улиц Серышева и Станционной, г. Хабаровск.

На северном фланге гастрономического ландшафта Хабаровска нет значимых общегородских точек притяжения. Мощный университетский кластер, расположенный на Тихоокеанском шоссе и включающий ТОГУ, университет экономики и права, два колледжа и самый большой в городе кампус, объединяет более десяти тысяч студентов и преподавателей, однако столь значительная целевая аудитория так и не сформировала отчётливый запрос на собственное общественное пространство нового формата. Обитатели кампуса вынуждены довольствоваться двухэтажным комбинатом питания, сохранившимся с позднесоветских времён (улицы Тихоокеанская, 158а). Этот реликт общепита, известный как «Политен-центр», благодаря отсутствию конкуренции законсервирован в эстетике ранних 2010-х годов. На первом этаже комбината размещаются классическая студенческая столовая и кафе быстрого обслуживания «Золотая птичка», на втором — ресторан BeerFest, где практически без изменения сохранились интерьеры десятилетней давности.

В июне 2014 года в Северном парке, расположенном через дорогу от университетского кластера, был открыт гриль-паб «Солёный пёс», предъявивший невзыскательным обитателям кампуса новый формат «крафтового» интерьера: кирпичную кладку, открытые потолки с инженерными

системами, брутальные детали в стиле гранж (светильники из железных бочек, подвешенных на цепях), барную стойку с грифельными досками, модные на момент открытия реплики дизайнерских арт-объектов (наборные олени головы, «собачьи портреты»). Возможно, дизайнер опасался, что хабаровчане ещё не готовы к чистому лофту, поэтому в интерьере была сделана ставка на непринуждённую эклектику и «душевность»: некоторые стены облицованы «марокканской» плиткой, окна драпированы текстилем с шрифтовым принтом; от разномастной обивки мебели и множества табличек, вывесок, «смешных» картинок, собранных в панно, рябит в глазах. «Солёный пёс», занимающий первый этаж отдельно стоящего двухэтажного здания, довольно быстро завоевал популярность, благодаря удачным активностям («Битвы барбекю» среди хабаровских рестораторов), крафтовому элю, большой автостоянке и летней террасе, с которой открываются прекрасные виды Северного парка (зимой парком можно любоваться из больших панорамных окон). Однако интерьеры «Солёного пса» выглядят слегка архаичными на фоне «нового гламура», образцом которого стало кафе «Фарфор», открытое в октябре 2016 года на берегу нижнего пруда Северного парка. В интерьере нового заведения нет случайных, необязательных деталей, ничто не отвлекает гостей от прекрасного вида на озеро и пейзажный парк с ротондами, мостиками, колоннадами и прочими романтическими затеями. В сумерках само кафе становится парковым аттракционом — сквозь полностью остеклённый фасад, как на ярко освещённой сцене, видны посетители, сидящие в ярких креслах под большими «параметрическими» абажурами. «Фарфор» и «Солёный пёс» — последние форпосты «дизайнерских» заведений на северном направлении Хабаровска, далее инициатива переходит к многочисленным кафе и закусочным, оформленным по усмотрению самого хозяина.

Кафе «Звёздная ночь» (ул. Тихоокеанская, 180б) — пример проникновения этнической кухни в гастроландшафт Хабаровска.

На южном направлении хабаровского гастрономического ландшафта в 2015 году появилась важная точка — ресторан «Эхо» (ул. Волочаевская, 54), перестроенная из одноэтажной кирпичной казармы начала XX века. Кирпичный объём, полностью вычищенный изнутри, снаружи задекорирован белоснежным футляром. Фасадные композиции работают на контрасте остеклённых лестничных клеток, больших глухих плоскостей, набранных из вертикальных реек, и ажурных сегментов, дающих сквозные, трепещущие светотеневые эффекты, напоминающие морскую пену. Непривычный, если не сказать сенсационный, «приморский» облик самого здания, замечательный интерьер, где активно обыгрывается вертикальный вектор (сценография пространства развивается в третьем измерении с использованием высокого атриума), первая в городе «зелёная стена» в интерьере и первая официальная открытая терраса, грамотный менеджмент, насыщенная разнообразная ивент-программа помогли «Эхо», независимо от качества кухни, занять верхние позиции в хабаровском ресторанном топе. К «Эхо» можно добраться только на личном автомобиле, что подразумевает режим использования, принципиально отличный от заведений, входящих в пешеходный гастромаршрут. Тем не менее «Эхо» прочно утвердилось на «ментальной карте» Хабаровска и стало одним из главных факторов превращения южного направления Хабаровска в модную локацию.

Гастрономический пейзаж хабаровских периферий принципиально отличается от городского центра, его основные характеристики можно описать тремя словами: бюджетность, этничность, вернакуляр. Стритфуд в основном концентрируется на станциях технического обслуживания и остановках.

Вестернизированная «китайка» — кафе «Амур» по ул. Воронежской, 39/1, г. Хабаровск.

Чем ближе к центру города, тем гуще сеть стритфуда: мобильные оранжевые фургончики на колёсах размещаются на оживлённых перекрёстках, в павильоны остановок интегрированы микрозакусочные. Кроме того, в местах с

многолюдным трафиком до сих пор встречаются тентовые конструкции. Летом привычный ассортимент хабаровского стритфуда разнообразят затейливые прилавки с мороженым, тележки с варёной кукурузой и сладкой ватой, их концентрация ожидаемо увеличивается вдоль транзитных потоков, а также в парках и прочих зелёных общественных пространствах.

Формат «отдых за городом», варьирующийся от пикника на капоте автомобиля до уикэнда в гостевом доме, пользуется неизменной популярностью. Всё больше хабаровчан заказывают в ресторанах еду на вынос (или на дом), чтобы провести выходные в зелёном поясе. Эти спонтанно-массовые вылазки за город ожидаемо повлекли расцвет «экономики гостеприимства», где культура еды входит в тесный контакт с культурой путешествия и отдыха. Первым загородным «гостеприимным пространством» в окрестностях Хабаровска стала «Заимка Плюснина» (название является удачным коммерческим ходом, эксплуатирующим тему исторического наследия и локального патриотизма). Здесь впервые были опробованы различные форматы экономики впечатлений: от первого в Хабаровске кинотеатра под открытым небом до свадебных церемоний на открытом воздухе и тематических туров.

Границы исторического, «пешеходного» Владивостока, совпадающие с условными границами сложившегося гастрокластера, вписаны в прямоугольник: длинные стороны — Светланская и Фонтанная улицы, короткие — Пограничная (Корейская) и Уборевича (Суйфунская). Прямоугольник разрезают на кварталы Океанский проспект (Китайская улица) и перпендикулярные ему улицы Адмирала Фокина (Пекинская) и Семёновская. Ортогональная планировочная сетка наложена на экстремально крутой рельеф, ближайшим аналогом которого служит рельеф Сан-Франциско. Главные туристические маршруты Владивостока образуют треугольник, катетами которого являются Светланская и Алеутская улицы, а гипотенузой — Спортивная Гавань. Это парадный, открыточный фасад города, за которым скрываются лабиринты исключительно плотной, насыщенной застройки, образованной традиционными китайскими кварталами-хутунами и прошитой сквозными внутренними дворами. Несмотря на компактный размер исторического центра, прогулка по нему может занять целый день, столь сложно и прихотливо организована городская ткань, так разнообразны и живописны фрагменты уцелевшей исторической среды. Эти кварталы идеальны для бар-хоппинга — непринуждённого путешествия по бесчисленным заведениям, многие из которых второе столетие ютятся в аутентичных подвалах, периодически меняя интерьеры и названия, но, безусловно, сохраняя неповторимый «культурный код» Владивостока.

Дух порто-франко никогда не исчезал здесь полностью, и при первой возможности жители приморской столицы вернули старым улицам и общественным пространствам их нормальные названия. Большинство кафе, ресторанов, столовых, закусочных исторического центра «было здесь всегда» — именно это ощущение делает гастрономический дрейф по Владивостоку особо захватывающим. Остановимся несколько подробнее на ключевых пунктах нашего маршрута.

Первой (и единственной до сегодняшнего дня) пешеходной улицей Владивостока является бывшая Пекинская (Адмирала Фокина, от Спортивной набережной до Алеутской), которая в самом начале 1990-х годов считалась приморским Арбатом. Интерьеры тех, уже легендарных, времён почти не сохранились, уничтоженные второй волной вестернизации (2005–2010 гг.). Сплошные уличные фасады улицы Адмирала Фокина образованы двух-, трёх- и четырёхэтажными кирпичными строениями конца XIX – начала XX века. Практически в каждом здании находится кафе или ресторан. На пешеходную улицу выходят витрины и веранды 11 заведений, ещё три точки расположены в глубине внутренних дворов, куда можно попасть через арки подворотен.

На территории Спортивной Гавани, вдоль улицы Адмирала Фокина, находятся три объекта общепита. Сплошной фасад бывшей Корейской улицы (от Фонтанной до Семёновской) обращён к акватории Амурского залива. Здесь вплотную друг к другу расположено 7 заведений и ещё два (кондитерская «Вишнёвый сад» и ресторан Iz Brasserie) выходят во внутренний двор, ориентированный на Семёновскую улицу. На отрезке Корейской улицы между Семёновской и бывшей Пекинской размещены три заведения, в том числе легендарный мюзик-бар «Мумий Тролль» с входной зоной, оформленной как лондонская телефонная будка. Выше по рельефу, ближе к Светланской, можно встретить ещё два модных места: открывшийся четыре года назад (в феврале 2013 г.) дринк-бар Moonshine и гламурный Barxat. Moonshine, названный в честь американского самогона эпохи сухого закона, является ультимативной «мужской зоной»: концепция заведения («блюз, коктейли и живое общение») и аскетичный интерьер в драматичном «бруклинском» стиле (голая кирпичная кладка стен, чёрное стекло, чёрная лакированная стойка, чёрные трубы вентиляции под голым бетонным потолком, чёрные столешницы и светильники, стальные шейкеры и медные кружки) делают сомнительным женское присутствие, тем заманчивее кажутся его мерцающие антропоидные сумерки. Соседнее кафе-караоке Barxat, открытое в июле 2014 года, занимает два этажа: на первом расположен зал караоке, на втором — VIP лаундж. Спокойный респектабельный интерьер в золотистых тонах (коричневые кожаные диваны и высокие кресла с бархатной

обивкой, барная стойка, обитая стёганным бархатом-капитоне, струящиеся, блестящие полупрозрачные полотнища, создающие иллюзию приватности, реечный потолок, лаконичные большие светильники и — главный элемент, организуя сценографию интерьера, — огромная каскадная люстра из розового хрусталя) прочитывается как «женская», точнее — «дамская», версия нео-ар-деко, получившего новое дыхание в короткий золотой век (2012–2014 гг.) «высокой нефти». Barxat и Moonshine образуют остроумный элегантный дуэт, работающий на контрасте интерьерных решений, колористических гамм и гендерных стереотипов.

Улица Светланская, до перекрёстка с Алеутской, является настоящей ресторанный улицей. Она начинается пивным баром «Алеут» (проект создателей Moonshine, начал работу в июле 2016 г.) и новенькой, открытой в январе 2017 года, кондитерской «Лакомка» (ул. Светланская, 4). Затем следует знаменитый ресторан «Версаль» на улице Светланской, 10 (в советский период — «Челюскин»), на первом этаже которого осенью 2016 года начала работу «историческая общественная» столовая «Не рыдай». Трёхэтажное здание «Версалья», построенное в 1907–1909 годах по проекту одного из лучших архитекторов Владивостока И. В. Мешкова, служит хорошо сохранившимся примером купеческого необарокко. Далее, по чётной стороне (ул. Светланская, 12), находится новое модное место — семейная пекарня Pie family. Она резко выделяется на общем, отчасти безалаберном, фоне минималистичным интерьером и стеклянным фасадом-витриной, открывающим взглядам прохожих всё небольшое помещение полностью, так что посетители чувствуют себя как на сцене. Во внутреннем дворике (ул. Светланская, 18а) расположено кафе «Студио» с замечательными фресками. По нечётной стороне находятся семь заведений, самым интересным из которых является ресторан-пельменная «Ложки-Плошки», открывшийся 30 июля 2016 года в подвале по адресу: ул. Светланская, 7.

Маршрут по Фонтанной улице начинается у ресторана паназиатской кухни Zuma. На пересечении с Алеутской расположена модная пельменная «Мо-мо», а на перекрёстке с Океанским проспектом — огромный корейский ресторан «Миринэ». Заканчивается Фонтанная Сухановским сквером, по периметру которого размещено шесть заведений. На улице Мордовцева, диагональю соединяющей Алеутскую и Фонтанную, находится пять точек, в том числе «ресторан правильной еды» «Mr. Ще», открывшийся в июле 2016 года на месте бывшего суши-бара «Фудо» и предлагающий посетителям фермерские продукты.

Сердцем пешеходного Владивостока является внутренний дворик ГУМа. Универмаг Торгового дома «Кунст и Альберс» (первая очередь — 1884 г., вторая — 1913 г.,

архитектор Георг Юнгхендель) негласно считается главным зданием города — самым красивым, самым «европейским», самым смыслообразующим. Недавнее открытие ГУМа после реставрации (23–26 февраля 2017 г.) превратилось в общегородской праздник, насыщенный разнообразными активностями. Внутренний дворик универмага, бывший в эпоху Кунста и Альберса «миниатюрной Германией», за годы советской власти был застроен техническими корпусами крайне незатейливой архитектуры, но мощная магия места преобразила кирпичные коробки в модные пространства. В ресторанном дворике ГУМа сконцентрировано полдюжины классических хипстерских заведений, на разные лады обыгрывающих лофт-эстетику: мрачноватая кофейня франшизы «Кофеин», узкий длинный бар «Контрабанда» с бесконечной деревянной стойкой, опирающейся на кирпичные тумбы, и собственным двориком-террасой, вымощенной гранитной брусчаткой, крошечная сверкающая эклерная «Вспышка», экопроект Игоря и Анны Шейнфельд Shonkel & Co, гастро-бар Gusto с открытой кухней, занимающей две трети зала, ресторан индийской кухни «Биг-Будда», анти-кафе «Третье место», пекарня «Овсянка». Все они расположены в бывших конторских и складских помещениях — старых кирпичных зданиях с крутыми лестницами, чугунными радиаторами, изношенными инженерными сетями. Так как ресторанный дворик разбит на сильно выраженном рельефе, некоторые заведения буквально врезаются в скальный грунт, их крыши служат террасами для построек, расположенных выше; постройки и террасы соединены между собой лестницами и чуть ли не трапами, что добавляет романтизма и без того кинематографичному пространству.

В заключение обозначим принципиальные различия, определившие особенности формирования гастрономических ландшафтов рассматриваемых нами дальневосточных городов:

– в преддверии саммита АТЭС в 2011–2012 годах Владивосток получил серьезные финансовые вливания, что дало городской инфраструктуре резкое ускорение развитию досуга. Хабаровск опирается только на внутренние ресурсы;

– в Хабаровске значительно холоднее, чем во Владивостоке, где зимы похожи на североевропейские, поэтому здесь менее развиты форматы открытых ресторанных дворики (их роль играют фудкорты в крупных ТРЦ) и круглогодичных веранд. Продолжительные холодные хабаровские зимы препятствуют развитию культуры стритфуда и делают проблематичным формат бар-хоппинга и длинных гастро-маршрутов, из чего следует различие в пространственной организации общепита;

– во Владивостоке в 2016–2017 годах всё заметнее тенденция к уменьшению площади заведения. Большинство открывающихся точек имеют очень скромные размеры, что компенсируется стеклянным фасадом-витриной, визуально расширяющим помещение. В Хабаровске, напротив, всё большую популярность приобретают обширные фудкорты, объединяющие в общих залах популярные форматы (кофейня + суши-вок + пиццерия); наиболее успешной в дальневосточной столице является комплексная форма организации общепита, когда в одном помещении соседствуют заведения разной ценовой категории (рестораны, кафе быстрого обслуживания и столовые).

Список использованных источников

1. Беляков, А. Москва изнутри. Пена дней: как на месте современного паба обнаружилась легендарная пивная «Яма» [Электронный ресурс] / А. Беляков // Афиша Daily. Перемены. 10 дек. 2014 г. — Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/changes/pena-dney-kak-na-meste-sovremennogo-paba-obnaruzhilas-legendarnaya-pivnaya-yama/>.
2. Вахштейн, В. Европейское кафе. Лекция Виктора Вахштайна в Минске [Электронный ресурс] / В. Вахштейн. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=A9GPMJ-QkJw>.
3. Владивосток-3000 : городской интернет-журнал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vladivostok3000.ru/>
4. Все больше японских и азербайджанских кафе открывается в Хабаровске [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Информационное агентство AmurMedia». 4 февр. 2013. — Режим доступа: <http://amurmedia.ru/news/255099/>.
5. Гиляровский, В. А. Москва и москвичи / В. А. Гиляровский. — Москва : Моск. рабочий, 1968. — 528 с.
6. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург ; пер. с англ. А. Широковой. — Москва : Новое лит. обозрение, 2014. — 456 с. — (Серия Studia Urbanica).
7. Пространство Хабаровск журнал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://prokhv.ru/>.
8. Сайт 2 ГИС. Владивосток [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://2gis.ru/vladivostok/search/>.
9. Сайт 2 ГИС. Хабаровск [Электронный ресурс]. — Режим доступа: 2gis.ru/khabarovsk/search/.
10. HLEB. Хабаровск [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hleb.asia/>.

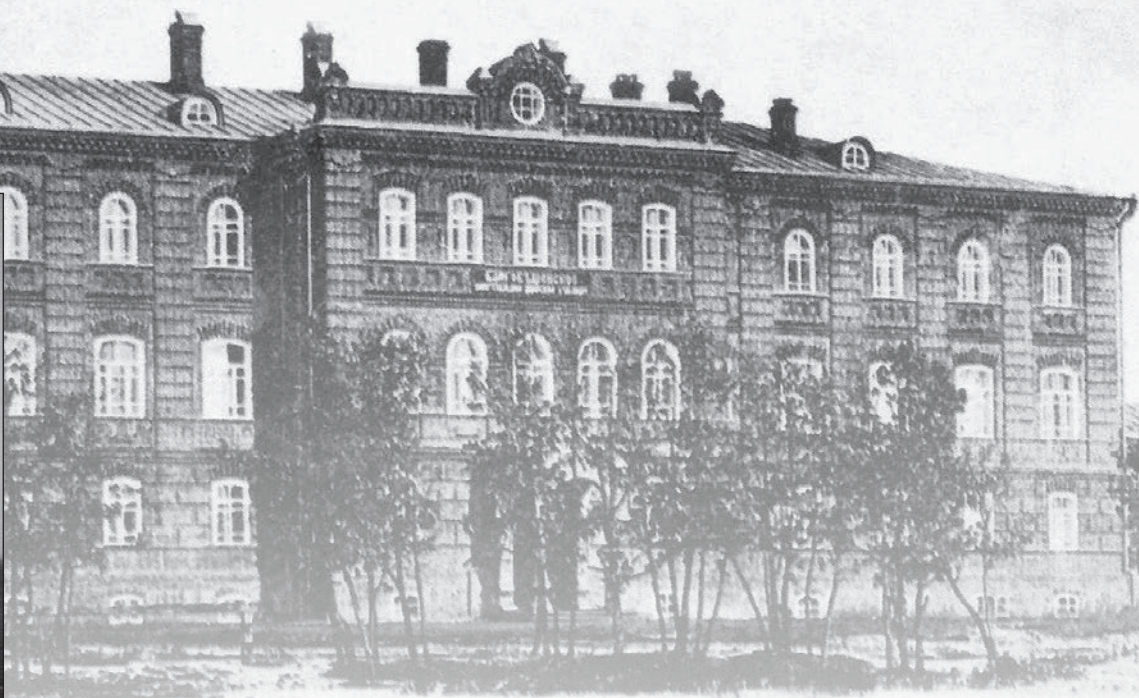
Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 06.03.2017 г.

Сведения об авторе: Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды факультета архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.

НИКИТИНА НИНА ФЁДОРОВНА

ПЁТР ЕВСТАФЬЕВ, ВДОХНОВЕННЫЙ ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ

Развитие изобразительного искусства Дальнего Востока России первой половины XX века исторически тесно связано с деятельностью известного русского художника Петра Сергеевича Евстафьева. В статье прослеживается творческий путь мастера, анализируется его вклад в становление Благовещенского художественно-промышленного училища (ныне — Амурский педагогический колледж), в воспитание плеяды дальневосточных художников.

Ключевые слова: Пётр Евстафьев, Благовещенск, Благовещенское художественно-промышленное училище, дальневосточные художники.

Keywords: Peter Evstafiev, Blagoveshchensk, Art-industrial school of Blagoveshchensk, Far Eastern artists.

С изобразительного искусства
начинается образование человека!

Павел Чистяков,
художник-педагог, профессор

В истории Благовещенска есть имена людей, над памятью которых время не властно. С конца 1920-го по 1958 год здесь жил и работал талантливый педагог и замечательный художник Пётр Евстафьев, один из основателей художественно-промышленного училища. И именно в этом городе ему было суждено оставить глубокий след в дальневосточной культурной жизни.

Начало пути

Пётр Сергеевич Евстафьев (20.01.1880–10.06.1958) — русский педагог, живописец, рисовальщик, родился в мещанской семье губернского города Казани. Первоначально художественное образование получил в Казанском художественном училище (1901) с правом поступления без экзаменов в Императорскую Академию художеств (ИАХ)¹ в Петербурге. В ИАХ сначала был класс гениального И. Е. Репина, затем мастерская одного из самых выдающихся художников-педагогов Д. Н. Кардовского (1902–1909)². Звание классного художника³ Пётр Евстафьев получил 23 ноября 1909 года за картину «Сбор яблок».

Конец XIX – начало XX века считается расцветом россий-

Пётр Евстафьев.
Благовещенск, 1925 год.

ского изобразительного искусства, несущего в себе свежий ветер грядущих перемен. Живописцы, в зависимости от своих предпочтений, вливались в сообщества художников-авангардистов, конструктивистов, революционеров в искусстве. Известность приобретает творчество таких новаторов живописи, как К. А. Коровин, В. А. Серов, М. А. Врубель... Новые веяния в изобразительном искусстве не

могли не повлиять на становление личности и творческие искания молодого Евстафьева.

Из материальных соображений Пётр Евстафьев до конкурса работ на звание художника взялся преподавать в Казанском художественном училище. В письме, датированном 24 сентября 1908 годом, профессор Д. Н. Кардовский писал: «Дорогой Евстафьев!.. Вы уже связали себя Вашим словом и ведёте учеников, назад деваться некуда... Вас и кое-кого других я считаю в особенности моими учениками; Вы, я считаю, хорошо поняли принцип школьного отношения к общему нашему делу — искусству, принцип, который привёл Вас к теперешнему Вашему умению...» [7, с. 119–120]. Окончив ИАХ, Пётр Евстафьев в 1909–1911 годах продолжил преподавание в Казанском художественном училище на живописном отделении. Именно это отделение принесло известность заведению. Здесь преподавание вели воспитанники школы, вернувшиеся после окончания Академии художеств и прославившие её: П. П. Беньков, П. С. Евстафьев и Н. И. Фешин⁴.

Период с 1911-го по 1914 год для художника был творчески активным. Пётр Сергеевич — участник различных выставок в Петербурге (выставки «Товарищества независимых»⁵, 1913 г.), Казани, Перми.

Покинув Казань, он преподавал рисование в женской гимназии г. Перми (1911–1918). В 1912 году стал членом Пермского общества любителей живописи, ваяния и зод-

¹ Российская академия художеств (РАХ), крупнейшее учреждение, уникальный, не имеющий аналогов в мире центр отечественной культуры. РАХ учреждена в Санкт-Петербурге в 1757 г., в царствование императрицы Елизаветы Петровны, по инициативе великого русского учёного М. В. Ломоносова и известного просветителя того времени графа И. И. Шувалова. Именно последний пригласил из-за границы педагогов, набрал первых учеников, а в 1758 г. подарил академии свою художественную коллекцию, которая положила начало библиотеке и музею. В 1764 г. академия получила статус Императорской. Вплоть до начала XX в. академия была единственным в России высшим художественным учебным заведением, научно-исследовательским, просветительским центром художественной жизни страны. После Октябрьской революции ИАХ была распущена (1918). В 1947 г. в Москве была открыта Академия художеств СССР, которая в 1992 г. преобразована в РАХ.

² Кардовский Дмитрий Николаевич (1866–1943), график и живописец, профессор (1908), заслуженный деятель искусств РСФСР (1929), автор мягкоживописных рисунков, иллюстраций, картин, акварелей, посвящённых эпохе Петра I, декабристам, пушкинскому времени и отличающихся мастерским воссозданием духа эпохи [6].

³ Почётным званием классного художника удостоивались те ученики ИАХ, которые успешно сдали экзамены и были награждены за свои художественные работы золотыми (малыми или большими) или серебряными медалями.

⁴ В настоящее время Казанское художественное училище носит имя знаменитого рисовальщика и живописца, представителя импрессионизма и модерна Н. И. Фешина (1881–1955).

⁵ Товарищество независимых — выставочное объединение молодых художников Петербурга, основанное в 1910 г. В 1911–1914 гг. проходили ежегодные зимние выставки объединения.

чества. На V выставке общества (1914) Евстафьев показал несколько своих живописных работ: «Портрет старушки», «Автопортрет», «Портрет К.», «Портрет Е.», «Весной», «К вечеру», «Серый день», «Ветрено», «Яблони».

С июля 1914-го по 1916 год Пётр Сергеевич находится в действующей армии на фронтах Первой мировой войны. Вернувшись в Пермь, участвовал в выставке «36 петербургских и московских художников»⁶, на которой показал несколько рисунков и картину «Пейзаж». В 1918–1919 годах Евстафьев снова в Казани, преподаёт в художественной школе. В свободное время зачастую выбирается на пленэр, в жару и в холод работает за мольбертом. Но обстановка нестабильности в стране рушит все планы одарённого художника.

В период Октябрьской революции (1917) и Гражданской войны (1917–1922) повсеместно по всей России закрывались за ненадобностью художественные учебные заведения. И поэтому далеко не случайно, что многие выпускники ИАХ уезжали за границу в поисках лучшей доли. В самый разгар Гражданской войны (1919), когда эмиграция, в том числе и людей творческих, достигла своего пика, П. С. Евстафьев переезжает из Казани на Дальний Восток. Ехал он не один, предположительно с большой группой художников, имевших намерение попасть за границу. На их пути был оккупированный японскими интервентами и белогвардейцами Владивосток, но затем в планах художника появился Благовещенск.

Амурская область — первая на Дальнем Востоке, где после освобождения от японских оккупационных войск в начале 1920 года была восстановлена советская власть. Нашлись попутчики, которые подсказали художнику — в провинциальном Благовещенске живёт «поленовец» Георгий Белашенко⁷ и есть возможность работы (преподавание

живописи). Так, состоявшийся художник-педагог, выпускник ИАХ Пётр Сергеевич Евстафьев «в последних числах октября 1920 г.» прибывает в Благовещенск [11, с. 150].

Размышляя об истинных причинах приезда Евстафьева во Владивосток, нельзя не учитывать мнение, сложившееся в среде старшего поколения амурских художников: Евстафьев уезжал на Запад, в Америку, только одни ехали через Европу, а Пётр Сергеевич решил через Владивосток, но... не получилось.

Благовещенск художественный

Для рубежа XIX–XX веков характерно появление в Благовещенске целой группы больших художников — представителей русской творческой интеллигенции, в основном выпускников ИАХ. Но среди них были художники, появившиеся здесь по собственной воле. Это ученик И. И. Шишкина и А. И. Куинджи Василий Шешунов и художник из Забайкалья Прокопий Рязанцев. Ученик И. К. Айвазовского, выпускник ИАХ, маринист Александр Сахаров в 1902 году был приглашён приамурским генерал-губернатором Н. И. Гродековым в Благовещенск для написания картины взятия Сахалина 20 июля 1900 года. Его довольно большое живописное полотно «Оборона Благовещенска в 1900 г.» (1902) в массивной золочёной багетовой раме с 1923 года хранится в фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского, как и некоторые работы вышеназванных художников.

«Большое значение для приобщения молодого поколения к искусству имели учреждённые в крае учебные заведения. Художники-профессионалы стали преподавателями рисования и черчения в гимназиях и других учебных заведениях городов Приамурья. Они, как правило, все свои силы отдавали воспитанию молодёжи и развитию юных талантов. Среди них преподаватели рисования в учебных заведениях Благовещенска: в мужской прогимназии — Б. Закржевский (1878–1881), Н. Русов (1882–1884), А. А. Нордвиг (1884–1887), в гимназии — Н. А. Потулов (1891), а с 1895 по 1904 гг. выпускник Строгановского училища ваяния, живописи и зодчества П. П. Кириллов. В Алексеевской женской гимназии рисование преподавали художники-академисты»⁸

6 *Союз русских художников (СРХ) — объединение художников Петербурга и Москвы, возникшее в феврале 1903 г. Его членами стали представители двух выставочных групп — «36 художников» и «Мир искусства». Основным направлением деятельности была объявлена организация ежегодных выставок в Москве и Петербурге. Первая выставка прошла в декабре 1903 г. — январе 1904 г. в Москве. Всего состоялось 18 выставок. Кроме Москвы и Петербурга, работы членов Союза русских художников экспонировались в Харькове, Одессе (1909), Киеве, Екатеринославе, Вятке (1910) и других городах, а также за рубежом [17].*

7 *Белашенко Георгий Васильевич (14.04.1865–1931 (?), выпускник Академии художеств 1897 г. В Приморье приехал сразу после Октябрьского переворота 1917 г. В Николаевске работал учителем рисования в школе. Летом 1920 г. Белашенко был ведущим преподавателем открывшегося весной этого же года Благовещенского художественно-промышленного училища, преподавал рисунок, живопись. В дальнейшем работал здесь вместе с П. С. Евстафьевым. По слухам, одна из картин Белашенко хранится в Благовещенском педагогическом колледже № 1. Умер в Благовещенске.*

8 *Академисты — сторонники академизма, направления в европейской живописи XVII–XIX вв. Для русского академизма первой половины XIX в. характерны возвышенная тематика, высокий метафорический стиль, многоплановость, многофигурность и помпезность. Были популярны библейские сюжеты, салонные пейзажи и парадные портреты. При сюжетной ограниченности тематики картин работы академистов отличались высоким техническим мастерством.*

Н. В. Розанов (1902), С. Ф. Чуприненко (1903–1907), В. Е. Панов (1909–1914), А. А. Александров (1915–1916). Во Второй частной женской гимназии с 1914 по 1916 гг. уроки рисования преподавали художники Н. А. Коробка, академисты М. С. Пилецкий и Е. Н. Трофимовская. В престижной Ольгинской школе уроки рисования вела М. Ф. Патрахина (1909–1913), затем академист Г. Г. Эльшин, в 1919 г. его сменил М. С. Пилецкий. В мужской учительской семинарии в 1915–1916 гг. уроки рисования вёл художник живописи, график и скульптор С. И. Володченко» [13].

Коллективно многие из них участвовали в организации и проведении художественных выставок в Благовещенске. Некоторые художники имели свои студии и мастерские. Через местные газеты они давали объявления на приём заказов: «Даю урок рисования и живописи по бархату, шелку, дереву и прочая»; «Мастерская художников принимает заказы на выполнение живописных портретов, пейзажей и других работ» и другие.

Это был новый культурный пласт, пришедший на смену художникам-любителям и ремесленникам-кустарям. Как личности, заинтересованные в духовном обогащении населения российской окраины, они сумели заронить на вновь приобретённую приамурскую землю зерно русской национальной культуры. Новое распространение в живописи нашли образы природы Приамурья, раскрывающие её непреходящую ценность и благоговейное отношение к ней человека; значительное развитие получили и гуманистические начала. В изобразительном искусстве особое место заняло отображение горечи утрат и радости побед в прошедших войнах.

Прогрессивным шагом в духовном и культурном развитии эстетических вкусов горожан было формирование творческого коллектива художников. В марте 1914 года в областном центре возникло первое профессиональное

Этюд «Домик в саду» (1930-е гг.).

объединение художников и любителей изобразительного искусства — Амурское общество поощрения художеств (АОПХ). Среди его 19 членов-учредителей состояли художники М. С. Пилецкий⁹, А. А. Александров¹⁰, С. И. Володченко¹¹, В. Е. Панов¹², Е. Н. Трофимовская¹³ и другие. 27 декабря 1914-го – 7 января 1915 года АОПХ, несмотря на начавшуюся Первую мировую войну, сумело организовать большую художественную выставку [12].

Во втором параграфе «Устава Амурского общества

9 Пилецкий Михаил Станиславович (? – ?), выпускник ИАХ, художник-педагог. В 1911 г. организовал кружок любителей изящных искусств в Благовещенске. Избирался членом совета АОПХ. До 1920 г. преподавал рисование в Ольгинском училище (с 1919 г. носило название «Школа им. М. Ю. Лермонтова»). По воспоминаниям воспитанницы школы, дочери амурского поэта, потомственного купца Фёдора Кортаева, — Марии Фёдоровны Кузнецовой-Кортаевой: «Михаил Станиславович имел репутацию прекрасного педагога, почитаемого учениками. Внешне был высок, носил темно-каштановую шевелюру». С 1920 г. преподавал в Благовещенском художественно-промышленном училище. В феврале 1921 г. с группой художников-педагогов БХПУ выехал в Харбин со своими работами на выставку и остался там в эмиграции.

10 Александров Александр Алексеевич (5.03.1884 (Цивильск, Казанская губ.) – 7.08.1921 (Харбин), живописец, график. В 1905 г. окончил Казанское художественное училище по классу живописи и без экзаменов поступил в ИАХ. В 1914 г. направлен в Благовещенск преподавателем реального училища, мужской и женской гимназий. В том же году вступил в АОПХ. Весною 1920 г. назначен заведующим вновь открывшегося художественно-промышленного училища в Благовещенске. В феврале 1921 г. вместе с художником В. Е. Пановым, скульптором С. И. Володченко и др. со своими семьями выехал в Китай с целью устройства выставки творческих работ. В Харбине 7 августа 1921 г. А. А. Александров внезапно умер от сыпного тифа [9, с. 40; 12].

11 Володченко Симеон Иванович (1881–?), живописец, скульптор, преподаватель графических искусств. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1910). В 1913–1921 гг. работал преподавателем в мужской гимназии и политехническом училище в Благовещенске. В областной центр прибыл для организации художественно-промышленного училища. В 1921 г. с группой преподавателей эмигрировал в Харбин [9, с. 66].

12 Панов Владимир Евгеньевич (1870 (Москва) – 1943 (Харбин), живописец. В 1900–1904 гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в 1904–1908 — на живописном отделении ИАХ. С осени 1909 г. жил в Благовещенске, работал учителем рисования в Алексеевской женской гимназии, мужской гимназии и реальном училище (с 1910). Творческой жизни в Приамурье Владимир Евгеньевич отдал 12 лет. В феврале 1921 г. совместно с благовещенскими художниками А. А. Александровым и С. И. Володченко устроил выставку в г. Сахалияне (Маньчжурия), откуда художники со своими семьями переехали в Харбин [9, с. 127].

13 Трофимовская Евпраксия Николаевна (1870 – после 1943), живописец, преподаватель рисования. Окончила Высшее художественное училище Академии художеств в Петербурге. Занималась преподавательской деятельностью в женских гимназиях в Благовещенске (1914–1921). В 1921 г. в составе группы художников выехала в Сахалия, а оттуда в Харбин [9, с. 150].

поощрения художеств» (Благовещенск, 1914) речь идёт о цели общества: «объединить местных художников, любителей изящных искусств и ремесленников-кустарей, учредить художественную школу с художественно-промышленным отделением»¹⁴. Но в связи с бурными историческими событиями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны организовать тогда художественное училище, увы, не удалось.

После восстановления советской власти на территории Амурской области 5 февраля 1920 года, когда «красный остров»¹⁵ находился в кольце фронтов японских интервентов и белогвардейцев, согласно постановлению правительства Дальневосточной Республики (1920–1922) было открыто Благовещенское художественно-промышленное училище (БХПУ). Но не под эгидой АОПХ. Это был достаточно сложный период становления советской власти в Амурской области, которая ещё в течение нескольких послевоенных лет находилась в условиях тяжелейшего экономического кризиса, голода и разрухи.

Первое художественное учебное заведение в Примурье располагалось в здании бывшего училища имени императора Александра Первого [14, с. 45], около Ремесленного базара по улице Зейской, 44, между Ремесленной и Бурхановской (в настоящее время это улицы Чайковского и Пушкина, здание не сохранилось). По воспоминаниям старожилов города, некоторый налёт сентиментальности месту, окружавшему здание училища, придавал большой сад с аллеями, цветниками, скамейками...

На заведование БХПУ правительством ДВР весной 1920 года был назначен академик Александр Алексеевич Александров (1884–1921). В условиях ограниченных финансовых средств училище больше действовало на правах частного учебного заведения без зарплат педагогам и стипендий студентам [1, с. 390].

Евстафьев в Благовещенске

В январе 1921 года П. С. Евстафьев поступает в БХПУ, преподаёт рисунок и живопись. Зачисление стало возможным по случаю депортации во Владивосток педагога, выпускника Краковской академии искусств скульптора С. Я. Гандке [5, с. 124]. На первых порах П. С. Евстафьев совместно с художниками-педагогами принимает активное участие в

создании училища. Живёт он в небольшом деревянном домике по улице Краснофлотской, 21 (не сохранился). Музейщики старшего поколения говорят, что именно это здание изображено художником в разработанном им на пленэре этюде «Домик в саду» (холст, масло). Евстафьев (в Казани он развёлся) вновь женится. Его супругой становится благовещенка Устинья Ивановна Кузнецова, у которой есть дети — сын Леонид и дочь Тэма (от полного имени Хризантема).

Вновь открытое учебное заведение готовит будущих живописцев, графиков, в ближайших планах — ориентация на художественно-промышленный (дизайнерский) профиль преподавания. В течение первого полугодия вводились классы: натюрмортный, части тела, лицевых масок, гипсовоголовой. Методика преподавания в БХПУ основывалась на академической культуре лучших столичных образцов. К концу первого курса в разных классах осталось 65 учащихся. Учебный процесс шёл на хорошем уровне, и будущее не сулило перемен.

Но случилось нечто непредвиденное. В феврале 1921 года группа педагогов БХПУ: А. А. Александров, С. И. Володченко, В. Е. Панов, М. С. Пилецкий и Е. Н. Трофимовская, с семьями выехали с передвижной совместной выставкой картин в Харбин. Эмиграция художников-педагогов стала большим ударом для училища и серьёзным поводом для его закрытия — правительство ДВР отказало учебному заведению в средствах [4, с. 13].

В судьбе художественного училища

Несмотря на закрытие училища, отсутствие каких-либо финансовых средств, художниками-педагогами Петром Сергеевичем Евстафьевым и Георгием Васильевичем Белашенко принято решение: преподавание в училище продолжить частным образом. Первое время педагоги вместе руководили училищем и были ведущими преподавателями. В дальнейшем случилось так, что заведование БХПУ легло на плечи П. С. Евстафьева. Именно ему, как яркому представителю русской интеллигенции, большому патриоту, соратнику художников-эмигрантов, создателей высокохудожественных полотен, суждено было проявить силу духа, характер и на протяжении десятилетия существования Благовещенской «художки» быть её спасителем.

С приближением зимы 1921 года БХПУ оказалось в катастрофическом положении — не было средств на топливо. Облегчить сложную ситуацию мог наметившийся

¹⁴ Этот документ хранится в фондах Амурской областной научной библиотеки.

¹⁵ В начале 1920 г. Амурская область стала первой на Дальнем Востоке полностью свободной от интервентов и белогвардейцев территории, «красным островом», где готовились мощные силы. Амурские партизанские полки приняли активное участие в освобождении Забайкалья и Приморья [1, с. 23].

самими учащимися переход на самообложение в размере трёх рублей. Но это предложение не решало проблему, так как 75 процентов студентов были неимущими. К сожалению, были и другие проблемы. П. С. Евстафьев, как временно исполняющий обязанности председателя совета БХПУ, в письме от 26 сентября 1921 года информировал министра народного просвещения правительства ДВР: «Неприбытие к положенному сроку группы преподавателей... подорвало художественные силы училища, но не поставило его в безвыходное положение, если бы не вторая причина — полное отсутствие средств помешало приглашению специалистов на место выбывших... а также необходимому расширению помещения училища для открытия всех пяти отделений. В силу чего школьный художественный совет вынужден... открыть только живописный отдел с педагогическими курсами... Находя общегосударственное значение училища Совет просит Министерство народного просвещения, если оно при настоящем экономическом кризисе не может удовлетворить даже по минимальной смете, то назначить ей хотя бы субсидию и тем дать возможность существовать» [5, с. 151]. И только в октябре 1925 года как результат решений I съезда профсоюза работников искусства «небольшая часть штата художественной школы в Благовещенске принята на хозбюджет» [5, с. 151–152].

Дальнейшая история художественного учебного заведения связана с именами замечательных представителей русской культуры — художников-живописцев, выпускников Императорской Академии художеств. На 1921/1922 учебный год П. С. Евстафьев и Г. В. Белашенко, а чуть позже ученик И. Е. Репина Степан Фёдорович Чуприненко¹⁶ не бросили учеников и не прекратили занятий. Сменяя друг друга, педагоги, сродни альтруистам, продолжали вести уроки рисунка, живописи, композиции. Успеваемость определялась по итогам квартала. Главным её критерием было качество подготовленных для просмотра рисунков, набросков, эскизов к картинам. В художественный совет для оценки выполненных студентами работ вошли все три педагога, а от учащихся — А. Авилкина, А. Рубакин и М. Горев. Педагоги в своей работе старались применять методики и программы училищ Москвы и Петрограда.

Значение художественно-промышленного училища в

Благовещенске после 1923 года значительно возросло: БХПУ было единственным в крае по выпуску художников-профессионалов (основанное в 1912 г., художественное училище в Чите было закрыто в 1923 г.).

Педагоги П. С. Евстафьев (в центральном ряду третий слева) и Г. В. Белашенко (в центральном ряду второй справа) среди студентов Благовещенского художественно-промышленного училища первого выпуска, 1924 год.

В приспособленных мастерских художники-подвижники сумели выявить и вырастить немало талантливых молодых людей. Первыми выпускниками училища 1924 года были: М. В. Абрамов, А. Авилкина, В. И. Викулов, М. Горев, А. Д. Зайцев, А. Рубакин, Ф. В. Семёнов-Амурский (настоящая фамилия Семёнов), И. Е. Шаньгин и другие. После училища многие из них успешно окончили Высший художественно-технический институт в Ленинграде (ВХУТЕИН, позднее неоднократно преобразовывался, с 2002 г. это Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина) и в дальнейшем стали видными мастерами российского изобразительного искусства.

Уроженец Благовещенска, выпускник БХПУ 1924 года Александр Дмитриевич Зайцев (1903–1982) после окончания ВХУТЕИНа был оставлен в нём в качестве педагога, впоследствии получил звание профессора Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, заслуженного деятеля искусств РСФСР. Добровольцем ушёл на фронт, награждён орденами Ленина, Красной Звезды и Отечественной войны II степени. После войны Александр Дмитриевич продолжил преподавание в академии. Его учениками были многие известные художники, в числе которых Е. Е. Рубин, Н. Н. Баскаков. Последние годы жизни работал в своей мастерской на Васильевском острове, занимаясь любимой живописью, посвящённой природе и людям Заполярья. Его произведения находятся

¹⁶ Чуприненко Степан Фёдорович (1870 – после 1932). В ИАХ с 1893-го по 1896 г., сын Ф. Чуприненко, друга И. Е. Репина. В 1900 г. получил звание художника за картину «В поход собираются». В 1900–1911 гг. в Благовещенске коллежский асессор С. Ф. Чуприненко преподавал рисование в Алексеевской женской гимназии и Реальном училище, в середине 1920-х гг. — в Художественно-промышленном училище (рисунки и живопись). Умер в Благовещенске.

в Государственном Русском музее, в музеях и частных собраниях России, Японии, Франции, Великобритании и других стран. В Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского хранится несколько его работ.

Как истинный художник, Пётр Сергеевич Евстафьев был знатоком человеческих душ, подходил к ученикам по-отечески и дружеским сердечным участием располагал к себе. С первых шагов студенты невольно попадали под обаяние мастера. «Он был прирожденным талантливым педагогом — обладал неутомимой энергией и энтузиазмом, проявлял чуткость и индивидуальный подход к каждому ученику, выявляя их призвание и способности», — так вспоминал П. С. Евстафьева его приёмный сын Леонид Ильич Кузнецов [10].

Из года в год учебный процесс в БХПУ продолжался ценою невероятных усилий. Педагоги выживали как могли, подрабатывали преподаванием черчения в политехническом техникуме. Нелегко было и студентам училища. Они сами ремонтировали помещение, добывали дрова, на свои деньги покупали кисти и краски.

БХПУ стало важной вехой в истории художественного образования и изобразительного искусства Дальнего Востока. Как самостоятельное специальное учебное заведение училище просуществовало с 1920-го по 1930 год. В 1931 году оно было реформировано в живописно-педагогическое отделение Благовещенского педагогического техникума (БПТ), который располагался в здании бывшего Благовещенского женского епархиального училища [9, с. 80]. Большой потерей для педагогического техникума был уход из жизни в начале 1930-х годов художников-педагогов Г. В. Белашенко и С. Ф. Чуприненко [18, с. 130, 144].

Здание Благовещенского женского епархиального училища. С 1924 года здесь размещался Благовещенский педагогический техникум.

В коллектив педагогов БПТ был приглашён на преподавание уроженец Благовещенска Иван Ефимович Шаньгин, живописец и график из первого выпуска БХПУ. Он после окончания ВХУТЕИНа (1925–1928) в 1930-х годах

преподавал на этом отделении вместе со своим учителем П. С. Евстафьевым.

Самобытным художником стал Александр Лукич Самохвалов, который выделялся среди учеников своей работоспособностью. В любой обстановке делал наброски с натуры. После окончания училища преподавал в железнодорожной школе в Белогорске. В Академии художеств он успел окончить лишь два факультета живописного курса. К сожалению, А. Л. Самохвалов погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны, в рядах народного ополчения защищая Ленинград [10, с. 320–321].

В БПТ с 1931-го по 1956 год Пётр Сергеевич был ведущим, а зачастую и единственным преподавателем рисунка, живописи, пластической анатомии и скульптуры на всех четырёх курсах обучения¹⁷. Опытный педагог имел свою методику преподавания. Воспитанник живописно-педагогического отделения БПТ (1931–1934), художник, впоследствии прозаик С. Ф. Стародуб (1915–1979) вспоминал о П. С. Евстафьеве как об очень требовательном и взыскательном педагоге: Пётр Сергеевич «считал, что рисующему полезно помучиться, поломать голову, но добиться результата самому... Педагог ставил целью вооружить нас приёмами мастерства, привить профессиональные навыки, воспитать упорство и самостоятельность, так сказать, подготовить к жизни, вооружить всем необходимым для самостоятельной работы» [18, с. 140–141].

Евстафьев — художник и педагог

В 1920-е годы П. С. Евстафьев принимает участие в художественных выставках в Благовещенске, Хабаровске (1927), а также в выставках московских и ленинградских художников общества «Кольцо», образованного в марте 1925 года учениками Д. Н. Кардовского, но не зарегистрированного Наркомпросом¹⁸. Так, в 1929 году он выставил

¹⁷ БПТ с 1940 г. — педучилище № 1. С 1964 г. — художественно-графическое отделение (худграф) Благовещенского педагогического училища № 1; ныне — Амурский педагогический колледж, отделение 2-е. В сентябре 1970 г. из педучилища № 1 худграф был переведён в Благовещенское педучилище № 2 по ул. Трудовой, 2. В 2005 г. педучилища №№ 1, 2, 3 были объединены в Амурском педагогическом колледже. Отделение № 2 Амурского педагогического колледжа сегодня ведёт подготовку и выпуск студентов по специальностям «Изобразительное искусство и черчение», «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы».

¹⁸ Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос РСФСР) — орган государственной власти РСФСР, контролирувавший в 1920–1930-х гг. практически все культурно-гуманитарные сферы: образование, науку, библиотечное дело, книгоиздательство, музеи, театры и кино, клубы, парки культуры и отдыха, охрану памятников архитектуры и культуры, творческие объединения.

свои работы на вернисаже группы «ленинградских учеников», посвящённом 25-летию художественной и педагогической деятельности заслуженного деятеля искусств РСФСР Д. Н. Кардовского (Москва), что подтверждает и каталог выставки (Москва, 1929): «Ленинградские ученики Дмитрия Николаевича были представлены работами С. Л. Абугова, Б. И. Анисфельда, Н. И. Дормидонтова, Л. М. Евреинова, П. С. Евстафьева [и др.]» [8, с. 304].

Члены комиссии по сбору материалов для Всесоюзной выставки искусства народов СССР. Первый слева — П. С. Евстафьев. Благовещенск, 1927 г.

В следующее десятилетие в живописи Дальнего Востока получают своё отображение темы нового быта и революционного прошлого (художники В. Баталов, П. Евстафьев, К. Каль, А. Клементьев, А. Лушников и Н. Штуккенберг). Дальневосточные художественные выставки, а их с 1932-го по 1938 год было организовано 14 (пять из них — краевые), давали возможность методом проб и ошибок учиться многим начинающим живописцам. В этой ситуации немало значило творчество П. С. Евстафьева. Известный деятель культуры края, директор Дальневосточного государственного художественного музея, член Ассоциации хабаровских художников П. М. Покровский 30 июня 1935 года писал Евстафьеву: «Дорогой Пётр Сергеевич, Вы непременно должны участвовать в 4-й краевой ДВ художественной выставке... В ДВК нет художников-профессионалов в полном и буквальном смысле этого слова. Вы лучший рисовальщик в крае, на Ваших работах художники могут поучиться мастерству, так сегодня нужному... Я хорошо помню, с каким оживлением реагировали на Ваши работы (портреты) хабаровские и московские художники и широкие массы посетителей выставки в 1927 году» [5, с. 122].

В июле 1939 года решением Совета Народных Комиссаров РСФСР организован Хабаровский краевой союз советских художников. Председателем оргкомитета был

избран ученик П. С. Евстафьева — В. Н. Высоцкий, секретарём — Н. И. Туркин. Сам Пётр Сергеевич вошёл в состав оргкомитета [17, с. 49]. Членами нового творческого объединения стали молодые художники — выпускники живописно-педагогического отделения Благовещенского педагогического техникума.

Из приказа Управления по делам искусств Хабаровского края от 1 июля 1940 года о награждении художника П. С. Евстафьева грамотой: «Выставка дипломных работ показала, что художественная и идейная направленность работ вполне правильна при правильном руководстве со стороны старейшего преподавателя П. С. Евстафьева, который проявляет прекрасные образцы в деле воспитания художников» [17, с. 58].

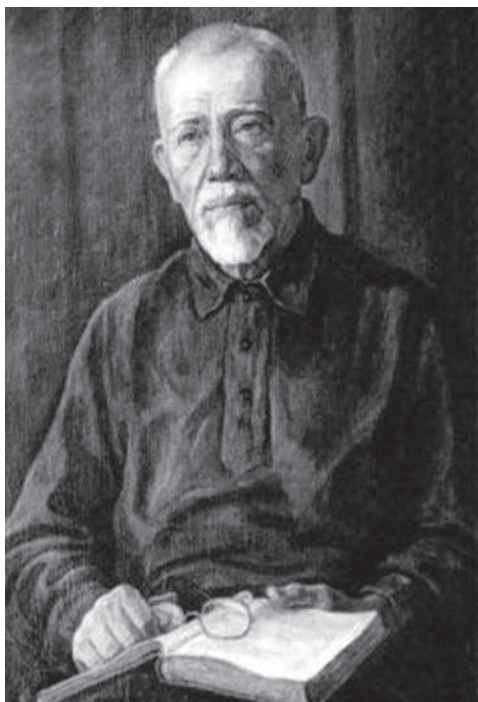
Как член оргкомитета, Пётр Сергеевич был включён в состав жюри для просмотра и отбора работ на открытие выставки художников Хабаровского края осенью 1940 года.

Деятельность Евстафьева на Дальнем Востоке стала известна в Ленинграде. Несколько раз его приглашали на педагогическую работу в Академию художеств, но каждый раз он отказывался, не желая покидать край, который стал ему дорог. В 1930-е – 1940-е годы Пётр Сергеевич принимал участие в 11-й и 12-й краевых выставках «с докладами и разбором работ»¹⁹, участвовал в ряде выставок художников Дальнего Востока. После войны его деятельность была отмечена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [10, с. 319].

Несмотря на возраст, педагога не покидала мысль воспитать ещё одно, уже послевоенное, поколение молодых художников. 23 августа 1945 года Пётр Сергеевич писал директору Дальневосточного художественного музея Н. И. Туркину: «Хотелось бы мне быть ещё полезным нашему Дальневосточному краю своей художественно-педагогической работой» [2]. Своё сравнительно небольшое творческое наследие Пётр Евстафьев в письме от 26 февраля 1946 года тому же адресату объясняет тем, что его «работа на Дальнем Востоке протекала в основном по линии педагогической работы. Сюда уходили и уходят до сего момента моё время и силы. Что касается моей творческой работы, то она протекала эпизодически и ограничивалась одними этюдами с натуры, которые оставались в большинстве на руках портретируемых» [3].

В стенах БХПУ (1921–1930), а затем на живописно-педагогическом отделении БПТ (1931–1956), с 1940 года ставшего педагогическим училищем № 1, огромное значение имела деятельность П. С. Евстафьева. Художник-

¹⁹ Составление доклада (отчёта) о выставке с разбором допущенных ошибок и анализом удачных решений.

Портрет
П. С. Евстафьева
(1955 г.).
Художник —
Е. Тыркова.

педагог сумел заложить здесь основы русской реалистической художественной школы и воспитать плеяду замечательных художников Дальнего Востока — первых художников-профессионалов. Среди них известные в стране дальневосточные художники: Владимир Овчинников, Василий Высоцкий, Кирилл Шебеко, Иван Рыбачук, Алвиан Пуртов, Павел Пустовой, Раиса Зенькова и другие. Пусть они впоследствии получили образование в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина АХ СССР в Ленинграде, но основы первоначальных знаний и опыта им были даны в Благовещенске, в мастерской Петра Сергеевича Евстафьева.

Творческое наследие

Выпускниками живописно-педагогического отделения БПТ в довоенный период стали ученики Евстафьева — уроженцы Благовещенска Борис Трофимович Горлач (1934) и Елена Павловна Тыркова (1939).

В 1953 году Борис Горлач (1917–2009) и его жена Елена Тыркова (1919–1999) успешно окончили Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина АХ СССР. Долгие годы скульптор Борис Горлач, член Союза художников СССР с 1961 года, поддерживал с Петром Сергеевичем дружеские отношения. Кстати, в 2001 году Б. Т. Горлач подарил Амурскому областному краеведческому музею им. Г. С. Новикова-Даурского личные документы и фотографии своего учителя (45 предметов) [11, с. 149].

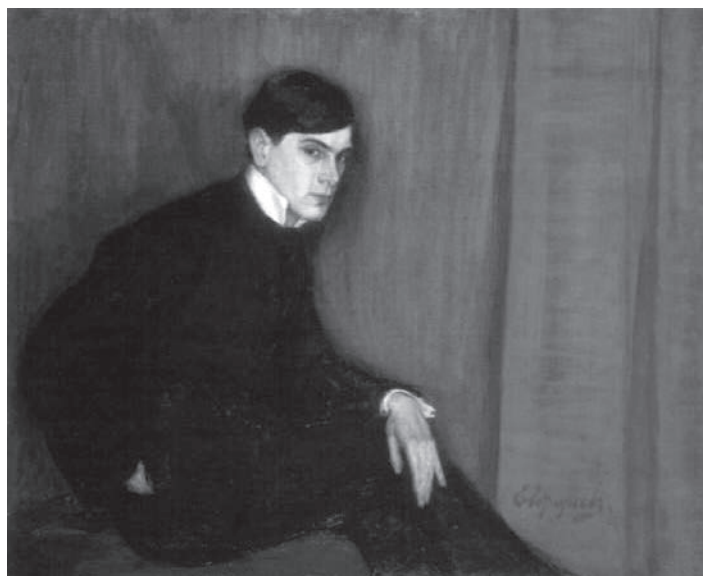
Работа художественно-графического факультета Благовещенского педагогического училища № 1 в настоящее

время продолжилась в ГПОАУ АО «Амурский педагогический колледж», отделение 2-е.

Работы П. С. Евстафьева и его учеников бережно хранятся в стенах Амурского областного краеведческого музея. В феврале 2013 года здесь была организована выставка только что отреставрированных картин русских художников — Петра Сергеевича Евстафьева и его ученика Александра Дмитриевича Зайцева. Реставрация картин художников была осуществлена в Приморской государственной картинной галерее (Владивосток).

В декабре 2013 года в Амурском краеведческом музее состоялось открытие интересной для многих любителей живописи художественной выставки «Пётр Евстафьев и его ученики». На ней экспонировались этюды П. С. Евстафьева, выполненные в жанре пейзажа: «Домик в цветнике», «Амурские сосны», «Домик в саду», «Серышево. Дождливый день». Они характеризуют поздний период творчества художника (1930–1950-е гг.). Здесь были представлены работы художников-профессионалов — учеников Петра Сергеевича. На живописных полотнах «Порт Восточный» Кирилла Шебеко, «Портрет рыбака» Ивана Рыбачука запечатлены образы суровой природы и мужественных людей. Достойное место в экспозиции заняла картина «Май в Самарканде» художника-педагога Александра Зайцева. Внимание посетителей музея привлёк прижизненный «Портрет П. С. Евстафьева» (1955), талантливо написанный Еленой Тырковой [19], «мощным художником-живописцем», по выражению известного художника, заслуженного работника культуры Российской Федерации Юрия Наконечного.

Творческие работы П. С. Евстафьева хранятся в Музее изобразительных искусств Татарстана (Казань). Основные произведения художника 1910-х годов — «Портрет

Портрет музыканта (1913 г.).

*Встреча П. С. Евстафьева с хабаровскими художниками.
Хабаровск, 1957 год.*

музыканта» (холст, масло), который свидетельствует об исключительном даре живописца, «Мужской портрет» и композиция «В саду» — находятся в Пермской государственной художественной галерее, куда они поступили в 1981 году из семьи старейшего пермского художника и педагога И. И. Туранского. Наследие П. С. Евстафьева хранится в фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского. Это 13 живописных этюдов (масло) и три рисунка углём — произведения, относящиеся к 1930–1950-м годам. Не исключено, что и в фондах музеев центральных городов России также хранятся работы художника.

Педагогическая деятельность П. С. Евстафьева в Приамурье продолжалась 35 лет. Со второй половины 1950-х годов пошатнувшееся здоровье (стало теряться зрение) позволяло Петру Сергеевичу вести изостудию при Амурских художественно-производственных мастерских²⁰. Здесь его учениками были подростки и молодые люди, среди них Владимир Воронов, Ярослав Севостьянов, Андрей Куркулов, Виктор Суриков и другие. Позднее они стали амурскими художниками, их имена получили известность. По воспоминаниям дочери художника В. Б. Сурикова (1940–1985) Елены Викторовны Севостьяновой (в девичестве Суриковой): «Отец с раннего детства увлекался рисованием, мечтал стать художником. И это не случайно, мы ведь

связаны с казачьим родом Суриковых. Из него происходит выдающийся русский художник Василий Иванович Суриков (1848–1916), известный портретист и исторический живописец. Мы — одна из ветвей рода Суриковых. В годы юности мой будущий папа стал посещать изостудию, прошёл курс обучения у П. С. Евстафьева (1956–1958). Педагог дал азы знаний и умений способному юноше, увидел в нём талант, поддержал его интерес к живописи, графике. После окончания Владивостокского художественного училища (1963) отец не однажды приглашался с работами в Третьяковскую галерею [15]. С чувством глубокой благодарности отец иногда повторял: «Мой первый учитель Евстафьев был необыкновенно талантлив, недаром на Дальнем Востоке его все очень высоко ценили»²¹.

Заслуженный художник РФ Владислав Афанасьев²² спустя несколько десятков лет помнит, каким большим и непререкаемым авторитетом пользовался П. С. Евстафьев: «В выпуске художников на художественно-графическом отделении Благовещенского педагогического училища № 1 в послевоенный период был заинтересован не только Союз художников Хабаровского края, но и руководство Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина АХ СССР в Ленинграде, где высоко оценили труд педагога. В него верили и ожидали открытия им новых молодых талантов»²³.

Осенью 2016 года в художественном зале Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского на выставке амурских художников можно было увидеть Благовещенск 1950-х годов. Особое место было отведено амурским дарам природы. Внимание многих посетителей привлекло довольно большое живописное полотно — натюрморт «Амурская рыба» (холст, масло) работы Ярослава Севостьянова. По словам сотрудников музея, особый восторг эта картина вызывает у гостей амурской столицы из Поднебесной. Художники Приамурья также не проходят мимо неё: в живописном произведении они усматривают классическую школу — технику владения кистью педагога П. С. Евстафьева.

Спустя годы каждый из учеников с чувством глубокого

²⁰ В мае 1951 г. в Благовещенске от Амурского областного товарищества художников открываются Амурские художественно-производственные мастерские Всесоюзного союза кооперативных товариществ работников изобразительного искусства РСФСР («Всекохудожник»). Непосредственными организаторами мастерских были художники А. Дулерайн, И. Клименко, Н. Стародуб, В. Цечкин, В. Новокшенов и др.

²¹ Из личной беседы автора с Е. В. Севостьяновой (начало декабря 2016 г.).

²² Афанасьев Владислав Петрович, заслуженный художник РФ (2010), живописец, обладатель трёх золотых медалей, с 1980 г. — член Союза художников России. Член-корреспондент Российской академии художеств (2009). Родился в 1937 году в г. Благовещенске. Окончил Иркутское художественное училище (1958). Во время летних каникул в Благовещенске изредка забегал в изостудию П. С. Евстафьева.

²³ Из телефонной беседы автора с В. П. Афанасьевым (канун 2017 г.).

уважения вспоминает своего учителя, который всю жизнь вдохновенно трудился с осознанием своего высокого предназначения. «Бог всякому из нас даёт вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем, почему? Мы этого не знаем. Но мы должны знать, что в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое Божье намерение, направленное к тому, чтобы всё в этом мире «было хорошо»...». Эти слова знаменитого русского писателя И. А. Бунина, вложенные в уста Бернара, героя его одноимённого рассказа, в полной мере можно отнести к Петру Сергеевичу Евстафьеву, художнику-педагогу от Бога.

Пётр Сергеевич Евстафьев ушёл из жизни 10 июня 1958 года. На сообщении Амурского областного отдела народного образования о кончине старейшего художника Дальнего

Востока редакция газеты «Амурская правда» составила лишь некролог. Место захоронения на новом Вознесенском кладбище г. Благовещенска, к сожалению, забыто. Прошло 59 лет, как с нами нет этого замечательного художника и педагога. И не один год в воздухе витает идея установки мемориальной памятной доски П. С. Евстафьеву на старинном здании Амурского педагогического колледжа. На деле же благие намерения остаются пока только словами. Нет в городе и улицы, названной именем живописца. Нет и памятника. П. С. Евстафьев заслужил его своим незаурядным талантом и замечательными поступками. Личность такого масштаба, как художник-педагог Пётр Сергеевич Евстафьев, для Благовещенска — знаковая, и мы, ныне живущие на амурской земле, где ещё заметны следы деяний учителя, не должны допустить его забвения.

Список использованных источников

1. Амурская область : опыт энциклопедического словаря / ред.-сост. проф. Н. К. Шульман. — Благовещенск, 1989. — С. 414.
2. ГАХК. Ф. Р1631. Оп. 1. Д. 3. Л. 18, об.
3. ГАХК. Ф. Р1631. Оп. 1. Д. 4. Л. 94, об.
4. Изобразительное искусство на Дальнем Востоке, 1920–1945 гг. // Мастера кисти и резца : сб. док. Гос. арх. Хабаров. края. — Хабаровск, 2007. — С. 9–37.
5. Кандыба, В. И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока, 1858–1938 / В. И. Кандыба. — Владивосток : дальневост. ун-т, 1985. — 176 с.
6. [Кардовский Дмитрий Николаевич] // Новая иллюстрированная энциклопедия. — Москва, 2006. — Т. 8. — С. 114.
7. Кардовский, Д. Н. Об искусстве : воспоминания, статьи, письма / Д. Н. Кардовский ; [сост. и авт. примеч. Е. Д. Кардовская]. — Москва : Изд-во Акад. художеств СССР, 1960. — 340 с.
8. Каталог выставки, посвящённой 25-летию художественной и педагогической деятельности заслуженного деятеля искусств РСФСР Д. Н. Кардовского (Москва). — Москва, 1929.
9. Крадин, Н. П. Художники Дальнего Востока (XIX – середина XX вв.) : биограф. ил. слов. / Н. П. Крадин. — Хабаровск : РИОТИП, 2009. — 176 с.
10. Кузнецов, Л. И. Полвека назад : очерк / Л. И. Кузнецов // Приамурье моё, 1983 : Проза. Поэзия. Искусство. — Благовещенск, 1983. — С. 296–327.
11. Метёлкина, Н. Г. П. С. Евстафьев и его произведения в фондах музея / Н. Г. Метёлкина // Амурский краевед : информ. вестн. / АОКМ. — Благовещенск, 2004. — № 1 (21). — С. 149–153.
12. Никитина, Н. Ф. 100 лет в Благовещенске назад состоялась первая выставка Амурского общества поощрения художеств [Электронный ресурс] / Н. Ф. Никитина // Сайт газеты «Амурская правда». — Режим доступа: <http://www.ampravda.ru/2015/01/04/054187.html>.
13. Никитина, Н. Ф. Изобразительное искусство. Первые художники города / Н. Ф. Никитина // История Благовещенска, 1856–1917: Т. 1. — Благовещенск, 2009. — С. 375–382.
14. Памятная книжка: адрес-календарь на 1915 г. — Благовещенск, Изд. Амур. обл. стат. ком., 1915. — Отд. 2.
15. Севостьянова, Е. В. «Мне еще в школе прилетало за правду» [Электронный ресурс] / Е. В. Севостьянова // Сайт газеты «Амурская правда». — Режим доступа: <http://www.ampravda.ru/2005/02/10/8651.html>.
16. Союз русских художников [Электронный ресурс] // Детские образы в русской живописи. — Режим доступа: <http://webstarco.narod.ru/union/srh.html>.
17. Становление художественных организаций // Мастера кисти и резца : сб. док. Гос. арх. Хабаров. края. — Хабаровск, 2007. — С. 38–67.
18. Стародуб, С. Ф. С «девятой версты» : автобиограф. повесть / С. Ф. Стародуб // Приамурье моё, 1969 : Повести. Рассказы. Очерки. Воспоминания : лит.-худож. сб. — Благовещенск, 1969. — С. 105–165.
19. Тыркова Елена Павловна (1919–1999) : [биограф. справка] // Художники Приамурья : альбом / авт. текста В. И. Демченко. — Благовещенск, 2004. — С. 12–15 : портр. П. С. Евстафьева работы Е. П. Тырковой (1955). — С. 14.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 07.04.2017 г.

Сведения об авторе: Никитина Нина Фёдоровна, краевед.
Контактные данные: e-mail: z-31dgg_s@mail.ru; тел. 8-914-392-36-59.

НИКИТИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

МУЗЫКА КАК КОСМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье музыка рассматривается как космическое явление в представлениях, теориях выдающихся мыслителей и учёных от античности до наших дней. Музыка как космический феномен понимается ими как закон, организующий материю, как воплощение всех сущностей и принципов мироздания. Она не только создаёт мир, но отражает его и живёт в нём; воссоздаёт многие космические процессы и самоё есть процесс — созидания или разрушения. Музыка есть воплощение всех существующих реальностей — мыслимых и немыслимых человеком. Энергетические законы Вселенной в современной музыке проявляют себя наиболее отчётливо в двух видах организации музыкальной ткани — пуантилизме и соноризме, воплощающих точечные и континуальные структуры. Их энергетические импульсы и потоки создают напряжённость поля восприятия, несут закодированную информацию о жизни и структуре Космоса.

Ключевые слова: Космос, гармония, музыка сфер, монохорд Пифагора, Эрос, энергетический космизм, синергия, ноосфера, эмосфера, закон «золотого сечения», хронотоп, космическая и музыкальная материи.

Keywords: Space, harmony, music spheres, monochord of Pythagoras, Eros, energy cosmism, synergy, noosphere, emosphere, the law of the “golden section”, chronotope, space and music matter.

Слушая музыку, мы нередко приходим к мысли, что она — явление, выходящее за пределы искусства. Это открытие волновало многих философов, учёных, писателей, поэтов, музыкантов, врачей, среди которых Пифагор, Платон, Бозций, Люй Бувэй, Шопенгауэр, Р. Вагнер, А. Скрябин, Т. Манн, Г. Гессе, А. Чижевский, А. Белый, П. Хамель, М. Тремо и др. Одни видели в ней универсальный язык мироздания, безграничное информационное поле; другие — способ постижения тайны бытия; третьи — силу, воздействующую на материальный мир и человека. Нередко это открытие имело своим следствием вывод о том, что музыка выходит за пределы земного бытия, будучи явлением космического порядка, что простым смертным открывается лишь музыка, носящая слабый отсвет музыки Вселенной — мироздающего «инструмента» Абсолюта, Закона, которому подчинены движения планет и человеческие судьбы.

Субъективный опыт музыканта-профессионала и любителя, хорошо знающего и понимающего музыку, позволяет среди прославленных имён композиторов, представляющих собой золотой фонд музыкальной культуры, выделить тех, чей масштаб творчества сродни вселенскому, кто открыл нам миры внеземного происхождения, заставил поверить в существование «неизвестной родины художника» (Марсель Пруст). Бах, Гендель, Моцарт, Бетховен, Шуман, Лист, Р. Вагнер, А. Скрябин, А. Шенберг, А. Веберн, О. Мессиан, К. Штокхаузен, К. Пендерецкий, А. Шнитке, Э. Артемьев — вот те немногие, кому было дано слышать музыку Вселенной и донести до нас её звук.

Музыка как феномен имеет двоякое выражение:

- как космическое явление;
- как земное явление — вид искусства, обусловленный психофизиологическими, культурно-историческими и национально-психологическими факторами.

Как космический феномен музыка имеет ярко выраженную энергетическую природу, как вид искусства — интонационную.

Музыка Космоса, по представлению древних греков, есть сила, организующая материю, отливающая её дионисийский поток в форму, есть воплощение всех сущностей и принципов мироздания. Она не только создаёт мир, но отражает его и живёт в нём, воссоздаёт многие космические процессы и самоё есть процесс — созидания или разрушения. Музыка есть также воплощение всех существующих реальностей, мыслимых и немыслимых человеком. Она отражает и моделирует жизненные процессы, а порой есть самоё жизнь, что наглядно выражено в импровизации, где художественное время совпадает со временем реальным, в котором живут музыкант и слушатели.

Одним из первых людей планеты, кто это понял и кому было дано слышать музыку Космоса, был Пифагор, постижение которым мироздающей функции музыки было описано Ямвлихом в труде «О пифагорейской жизни»: «Он напрягал слух при помощи некоего несказанного и не представимого демона и вонзал свой дух в эфирные космические созвучия и при этом, как представляется, единственный из людей слушал и разумел гармонию мирового целого и созвучия сфер, и движущихся по ним звезд, созвучий, создававших более полную, чем это имеет место у смертных, и более насыщенную песнь посредством кругового движения, совершающегося благозвучнейше и, вместе с тем, разнообразно-прекрасно, хотя и возникающего из неравных многообразно различествующих шумов, скоростей, величин и звездных констелляций, однако же взаимно расположенных в некоем музыкальном отношении» [4, с. 154].

Пифагор был первым, кто назвал Вселенную Космосом. Вселенная, по Пифагору, шарообразна и состоит из десяти небесных сфер. Земля находится в центре Вселенной. Вокруг неё располагаются сферы с планетами. Пифагорейцы считали, что расстояния между сферами соответствует музыкальным интервалам. Предполагалось, что при вращении каждая сфера издаёт музыкальный тон, а вся система, ими образованная, являет собой гармонию сфер.

Пифагор рассматривал Вселенную как громаднейший монохорд с одной струной, натянутой между небом и землёй, прикрепленной верхним концом к абсолютному духу, а нижним — к абсолютной материи. Монохорд Пифагора и определение им акустических пропорций в числовом выражении свидетельствуют о связи между тонами и числами: интервалы переживаются психически, числовые пропорции соответствуют определённым чувствам. Поскольку эти пропорции можно воспринимать на слух, они в то время понимались как основные законы музыки.

Пифагорейцы установили математическую закономерность в акустике, заметив, что струны звучат гармонически либо дисгармонически в зависимости от их длины. Они звучат гармонически, если их длина соответствует простым числовым отношениям. При отношении 1 : 2 они дают октаву, при отношении 2 : 3 — квинту, а когда их длина находится в соотношении 1 : 2/3 : 1/2, то возникает аккорд С, Е, G, который пифагорейцы называли гармоническим. Гармонию они объясняли пропорцией, мерой, числом, математическим отношением составных частей.

В основу гармонии мироздания Пифагор и его последователи положили число и математику — науку, которая раскрывала гармоничность пластических искусств — архитектуры и скульптуры, но главным образом реализовывалась в музыке. Последняя являла собой чувственную модель

Космоса, его сущность, открывающуюся человеку, наделённому даром проникать в гармонию сфер, упражняющемуся в восприятии музыки и её исполнении на музыкальных инструментах. По убеждению Пифагора и его последователей, музыкален сам Космос, ибо движение звёздных сфер — это танец, осуществляемый под прекрасную «музыку сфер». Высшая цель, стоящая перед человеком, — сделать своё тело и душу музыкальными. Подчинившись сверхличному ритму музыки, он гармонично войдёт и в ритм благозакония государства, и в ритм высшей музыки Космоса. Согласно пифагорейским легендам, непосредственно слышать музыку сфер мог только Пифагор, ибо обладал умением настроить себя на великую внутреннюю тишину. Остальные пифагорейцы и другие смертные такими способностями не обладали.

Исходя из того, что Вселенная устроена гармонически, пифагорейцы развивали свои теории, отталкиваясь от космической гармонии и порядка. Они были убеждены, что всякое закономерное движение рождает гармоничный звук, что звучит вся Вселенная, рождая музыку сфер, симфонию, которую мы можем не слышать, но которая звучит постоянно.

Американские спутники «Вояджер-1» и «Вояджер-2», запущенные НАСА в 1970-х годах с целью изучения далёких планет, во время полёта занимались звукозаписью. На борту аппаратов находилась аппаратура, регистрирующая электромагнитные вибрации, звуки, которые издаёт солнечный ветер, заряжённые частицы, радиоволны, то есть регистрировалось звучание Космоса. Из полученных записей работники NASA сделали альбом «Симфонии планет», подтвердивший существование открытой Пифагором музыки сфер. Он размещён в Интернете, и сегодня любой человек может услышать музыку Космоса.

В сочинениях позднего периода «Государство» и «Законы» Платон, развивая учение Пифагора, изложил свои взгляды на музыкальное искусство и способности, им затребованные. Для Платона красота — ступень в интеллектуальном восхождении к истине. Платон выделил два уровня бытия — истинный мир (мир идей, сущего) и неистинный — мир наличный, воспринимаемый и постигаемый эмпирически. Но существует стихия, соединяющая эти два мира, проливающая свет из мира высшего в мир низший. Это стихия томления, Эроса, демона — посредника между богами и смертными. Душа, погружённая в ложную действительность наличного мира, сохраняет эротическую энергию, устремлённую к высшему миру, который есть красота. Воспринимая красоту всем своим существом, человек может подняться до истинного познания, когда красота явится ему не в материально-чувственном облике, а сама по себе, в чистом виде. Музыка у Платона, развивающего учение Пифагора, есть высший вид искусства, а высшая

художественная способность — слышать гармонию сфер, соотносить с нею музыкальное сознание, представление об истине и красоте.

Музыка как творение Космоса предстаёт в учении другого греческого мыслителя и теоретика музыкального искусства — Боэция. Согласно его учению, всё в мире стремится к гармонии — к «согласию разногласного». Гармония отождествляется с благом, которое есть сущность Бога. В трудах Боэция дано учение «о трёх музыках», или трёх видах гармонии:

- Musika (harmonia) — божественная гармония;
- Mundana Humana Instrumentalis — гармония земной человеческой инструментальной музыки;
- Harmonia mundi — мировая гармония, которая отражается в звуковом проявлении.

Высшая мировая музыка, или Harmonia mundi (музыка Вселенной), является моделью мира и прообразом для двух других музык. Мировая музыка есть выражение мирового порядка в вещах, явлениях и человеке. В первую очередь — это порядок в Космосе, согласие и согласованность в движении небесных тел и светил. Главных светил было семь. Они соответствовали семи струнам кифары или лиры, образуя небесный гептахорд, или гармонию сфер, — семизвучный аккорд, в котором каждый звук соответствовал основному тону небесного тела.

Учение Боэция о трёх уровнях музыки Космоса связывалось с тремя понятиями — harmonia, Concordia, consonantia, обозначающими три уровня реализации божественной гармонии как принципа всего сущего, три уровня красоты, неотделимой от гармонии. Первое понятие — harmonia — обобщённое понятие, подразумевающее гармонию божественных сущностей; Concordia — красота одушевлённого мира; consonantia — это гармония звуков земной музыки. Сама возможность музыкального искусства обосновывается Боэцием единством мира — природного и человеческого; гармония Космоса, природы составляет мировую музыку, которая воспринимается человеком в силу сходного гармонического устройства его самого в единстве его души и тела, поскольку сам человек — частица Космоса и природы (микрокосмос). Свойства «инструментальной» музыки должны воспроизводить или моделировать музыку «мировую» и «человеческую». Только тогда они окажут благотворное воздействие на человека.

В Средние века октава, кварта и квинта, соответствующие основным числовым пропорциям, считались у византийцев «духовными звуками», а терции и секунды — «телесными». В Средневековье в этом и состояло основное различие между церковной и народной музыкой. Одной из главных задач астронома и астролога Кеплера было при-

ведение в соответствие с этими интервалами расстояния между планетами. Соединяющим звеном между человеком и Космосом являются музыкальные пропорции, представляющие собой принцип универсального порядка. Кеплер исходил из того, что музыкальные пропорции заложены в душе человека, которая спонтанно реагирует на внешние гармонические явления на основе имеющихся у неё от рождения исходных образных связей.

Согласно философии Плотина, всё чувственное есть лишь отблеск, символ вечной и абсолютной красоты, излучаемой божественным умом. Поэтому вещи и живые существа прекрасны не сами по себе, но лишь как отражение этой непосредственно незримой красоты. Эстетика неоплатонизма буквально во всём видит аллегория или символ божественного. Этот аллегоризм переходит в средневековую музыкальную эстетику. Музыка и все её проявления не имеют самостоятельного значения, они — отражение высшей, божественной силы, представляют собой аллегорический отблеск мировой гармонии.

Как космическая сила или вершинный уровень бытия музыка мыслилась в эпоху романтизма. Романтики воспринимали её как воплощённую стихию, как элемент самого бытия, полагая, что музыкальна сущность всех вещей, которая составляет для человека величайшую тайну. Известный историк и теоретик культуры А. В. Михайлов в одной из своих статей делает вывод о том, что «эстетика не проводила границы между музыкой природы, музыкой бытия и музыкой как художественным творчеством, как произведением искусства, а подчеркивала непрерывность связи между ними» [5, с. 37].

Особое восприятие музыки романтиками, акцентирование её важной роли оказало значительное влияние на мировоззрение философов, которые выходили за рамки философии романтизма. Примером такого влияния может служить философия Ф. Шеллинга, в которой музыка ставится на первое место среди других искусств. В его «Эстетике» она объявляется выразителем сущности мироздания, абсолютной гармонии, вечных форм бытия.

У Артура Шопенгауэра музыка становится выражением мировой воли, её объективацией. Фридрих Ницше определяет музыку как явление, отражающее основы мира; она даёт возможность спастись от иллюзии, если исходит от Диониса, и воплощает разумное, исходя от Аполлона. Сущность взглядов Ф. Ницше заключается, главным образом, в том, что идея музыки оказывается связанной с идеей стихийной праосновы бытия, а сама музыка определяется как его выразительница, как наиболее репрезентативная форма отражения мира.

XX век, ознаменованный началом штурма человеком

Космоса, вызвал новый импульс к осмыслению музыки как космического феномена. И здесь особая заслуга принадлежит А. Л. Чижевскому, чей интерес к Космосу стимулировался общением с К. Э. Циолковским, идеями В. И. Вернадского, под воздействием которых формировался «энергетический космизм» выдающегося российского учёного.

В своих трудах А. Л. Чижевский подчёркивает момент превращения космической, прежде всего солнечной, энергии в энергию психических и социальных процессов (В. И. Вернадский в аналогичном контексте писал о связях геохимической энергии и «энергии культуры»; Л. Н. Гумилёв открыл воздействие космической энергии на этногенетические процессы).

В основе учения А. Л. Чижевского лежит утверждение единых основ мироздания. Принцип единообразия в контексте «энергетического космизма» он обосновывал следующим образом: «Материальный мир есть арена последовательных, а потому и закономерных комбинаций единого субстрата — электрона. Поэтому мы будем утверждать, что физическая картина отдаленного мира похожа на нашу! Но мы смеем утверждать, что если существует материя, то ее проявление подобно тому, каковое наблюдаем и мы. Мы можем также утверждать, что единый принцип, создающий наш мир, один и тот же и проявляется в самых удаленных участках Вселенной с той же последовательностью и в том же порядке действия. Таким образом, мы приходим к утверждению Единства образующего физического закона во всей Вселенной» [10, с. 43]. Другим аргументом, подтверждающим единообразие мира, была для А. Л. Чижевского мировая гармония.

Каким же образом Космос связан с музыкой и её творцами? Чижевский в первой половине XX века писал о том, что звуковые потоки, идущие из Космоса, подобны кровеносным сосудам, несущим энергию, необходимую для творческой деятельности. Художник является транслятором и трансформатором космической энергии, переводящим её в тот или иной вид творчества. Музыка как космический энергетический феномен и как вид искусства воплощает в себе пять основных форм космической энергии: взрыва, света, потока, волны и поля. Действительно, ядерный взрыв в своих фазах обнаруживает эти формы энергии в перечисленной последовательности: вслед за **взрывом** возникает ослепительная **вспышка света**, за которой следует мощный разрушительный **поток**, сметающий всё на своём пути. Ослабление потока переходит в фазу стихающего **волнообразного движения энергии**. Последняя фаза — радиоактивное **поле** с едва заметной вибрацией энергии. Названные А. Чижевским основные формы космической энергии воплощены в музыке Космоса и музыке земной не

только в чистом виде, но и в различных сочетаниях, например, энергий потока и света, волны и поля, света и поля и др.

В своём труде «Художественная игра как способ развития эстетического сознания ребёнка» А. Д. Перепелица [7] отмечает, что, согласно теории А. Л. Чижевского и учения В. И. Вернадского, обмен живого вещества с Космосом и различными энергетическими потоками играет главную роль в организации биосферы, которая есть продукт взаимодействия живого и косного вещества, сложного распределения молекулярно-атомных и энергетических потоков. Благодаря этим потокам такие космопланетарные явления, как космические излучения, вспышки солнечной активности, геологические изменения и т. п., улавливаются определёнными видами живого вещества. Эти биологические виды выступают как своего рода органы восприятия биосферы. Из этого «сенсорного» органа трансформированный сигнал распространяется по живому веществу в целом, и оно формирует сложную ответную реакцию. Механизмы этого явления почти не изучены, поэтому можно предположить, что среди реакций живого вещества могут появиться такие, которые воспринимаются кооперативными формами х-вещества и преобразуются в сложную защитную реакцию, выраженную звуками. Музыку, по предположению А. Д. Перепелицы, можно трактовать как трансформированное возмущение энергии мыслящим существом. Исследователь приходит к выводу, что музыка существует не только как искусство, но и как особый вид космопланетарной энергии, которая условно обозначается как х-энергия.

Э. Леруа, развивая идеи В. И. Вернадского, обосновал существование интеллектуально-духовного пласта биосферы, названного им ноосферой. Развивая учение о ноосфере, А. Д. Перепелица считает возможным предположить, что ноосфера как особая, не зафиксированная приборами реальность делится на интеллектуальную и собственно духовно-эмоциональную части, и предлагает именовать её эмосферой (сам термин предложен В. Г. Ражниковым). Последняя представляет собой материю или энергию особого рода, которая присутствует в биосфере. Одним из средств связи в области духовной энергетики человека с эмосферой является искусство, а наиболее полно из всех искусств — музыка. Таким образом, музыка несёт в себе не только эстетическую, но и жизненно важную функцию. Отдельные люди из-за повышенной чувствительности к х-энергии оказались наиболее чувствительны к космопланетарным явлениям.

Одним из них, очевидно, был А. Н. Скрябин — первооткрыватель Космоса в музыке, творческим духом проникший в самые сокровенные его глубины. Со времени написания Четвёртой сонаты в жизнь композитора врывается тема

Космоса и его животворящей силы — Огня, то пульсирующего, томящегося, то прорывающегося неукротимым потоком вселенского масштаба. Главной «космической приметой» в музыке Скрябина среднего и позднего периодов стало беспредельное пространство, наполненное мерцанием звёзд, пульсацией космических светотеней.

В статье А. И. Бандуры «Александр Скрябин — мистика творчества и магия светозвука» [1] делается попытка показать связь духовного космоса Скрябина с Космосом реальным, которому композитор дал собственную характеристику: «Межпланетное пространство — вот синтез грандиозности с утончением, с предельной прозрачностью». (Цитата по книге Л. Л. Сабанеева «Воспоминания о А. Скрябине». — Москва: Музсектор Госиздата, 1925, с. 102.)

Вселенная для Скрябина — идея, входящая в его сознание из глубин бессознательного. Воспринимаемый мир может быть творческой деятельностью сознания, основным условием расширения границ реальности. Внутренняя Вселенная Скрябина становится одухотворённой проекцией «внешней» Вселенной, которую он порой мыслил как плод своих представлений. Надо признать, что Вселенная скрябинского духа для композитора была более реальной, нежели «внешняя» Вселенная.

Творческий процесс у Скрябина, материализованный в звуках, отражает не только закономерности становления Вселенной как накопления информации, но показывает образы космических процессов как движения в пространстве и времени точечных масс. Оформляя «точечную массу» в виде аккорда, Скрябин отражает в его структуре принцип строения физических объектов — от нуклона до галактик — плотное ядро и поле вокруг него. Чередованием звукокомплексов, при котором каждый из последующих «отпочковывается» от предыдущего, композитор моделирует процесс формирования галактик и звёзд, что дало повод критикам назвать его «музыкальным фантастом», а слушателям увидеть в его произведениях «космические пейзажи».

В конце XX — начале XXI века появляются диссертационные работы, посвящённые изучению музыки как космического феномена. Одним из исследований, преследующих цель выявления космологического аспекта музыки, её системного раскрытия как космического и культурного феномена, является диссертация Т. П. Жаворонковой «Музыка и философское осмысление мира» [3].

Музыка, по мнению автора работы, представляет собой одно из средств и способов философского осмысления мирового целого, закона гармонического единства и космического ритма Вселенной. Через музыку человек входит в духовную связь с мировой гармонией. Воздействие музыки на духовный настрой людей связан с единой природой

двух явлений: психики и музыки, объединяющим моментом которых является космическая сущность, выраженная в универсальном законе «золотого сечения» — едином для микро- и макрокосмоса. звуковая среда, пространственные параметры которой подчинены гармоническим закономерностям, а именно закону «золотого сечения», способна влиять на психику и духовный настрой людей.

Исходной посылкой в диссертации М. В. Ильчук «Музыка в системе гуманизма» (2003) является утверждение, что музыка и музыкальный звук со всеми составляющими есть первичный коррелят однородного вселенского принципа, который представляет собой творческую силу и является своеобразным резонатором природы. В музыке изначально заложена основа творения, гармонизации всего сущего, базовая созидательная и корректирующая сила. Музыка характеризуется как потенциальный космический феномен, что подтверждается фундаментальными её категориями — звуком и ритмом, соотносящимися с онтологическими понятиями материи и движения, пространства и времени, из чего делается вывод, что феномен музыки можно рассматривать как звуковую модель мира.

Значительным шагом в постижении наукой музыки как космического феномена стала диссертация Е. А. Горячкиной «Творческая интерпретация космоса в музыке XX века» [2], опирающаяся на теорию космического энергетизма А. Чижевского и развивающая её в русле синергетики.

Музыка, как полагает автор исследования, есть звуковая модель мироздания и универсальный язык Вселенной, открывающий путь к постижению сущности вещей и явлений, тайн и смыслов Бытия; она создана по единым законам Вселенной и сама есть закон Красоты и Гармонии.

Художественное творчество Е. А. Горячкина понимает как соединение и взаимопроникновение различных энергий, их трансформацию в творческом акте. Она проводит аналогии и находит связи между процессами самоорганизации в природной, космической и музыкальной материях. Данный подход, по мнению автора исследования, стал возможным благодаря тому, что XX век подарил новый взгляд на процесс художественного творчества. Сегодня процесс создания художественного произведения трактуется как творческая синергия человека с Космосом, их сотрудничество, диалог, осуществляемые подобно процессу синергийного соединения человека с Богом.

Е. А. Горячкина рассматривает энергию как одну из форм организации космической и музыкальной материй, основываясь на теории А. Л. Чижевского о влиянии солнечной энергии на процессы, происходящие на Земле, на современной научной картине, созданной Н. Пригожиным. Художник у неё является транслятором и трансформатором

космической энергии, переводящим её в тот или иной вид творчества. «Потоки космической энергии, а также ритмы Универсума трансформируются в музыкальные ритмы. Исходя из концепции синергии, не только Космос воздействует на художника, но и он сам, подключившись к космическим вибрациям вселенской семантики, влияет на мир, привнося организующую силу своей мысли в космическую беспредельность. В процессе творческой синергии человека с Космосом происходит преобразование природных волн в акустические, невидимые вибрационные связи становятся осязаемыми, космическая реальность преобразуется в новую — индивидуальную, творческую Вселенную, где осуществляется моделирование космических первообразов, определяемое нами понятием «Художественный Космос» и как его составляющей — «Музыкальный Космос». Так, современный «Художественный Космос» и «Музыкальный Космос» моделируют космические объекты, явления, пространство и время, варианты существования космических тел, формы космической энергии, что указано в самих названиях произведений, таких как «Дорога в Космос» П. Фатеева, «Архитектура Космоса» В. Смирнова-Русецкого, «Рождение материи» А. Сардана, «Утренние звёзды» С. Шиголева — в живописи; «Среди звезд» И. Бунина, «Вселенский стих» К. Бальмонта, «Сириус» И. Северянина, «Космические сонеты» А. Чижевского — в поэзии; «Прометей» А. Скрябина, «Вселенная» Ч. Айвза, «Гармонии мира» П. Хиндемита, «Сириус» К. Штокхаузена, «От каньонов к звёздам» О. Мессиана, «Атмосферы» Д. Лигети, «Звучащее пространство» В. Лютославского, «Мера времени и тишины» К. Пендерецкого, «Вспышка» П. Булеза, «Поток» А. Шнитке» [2, с. 6].

Энергетические законы Вселенной в земной музыке, по мнению Е. А. Горячкиной, проявляют себя наиболее отчётливо в двух видах организации музыкальной ткани — пуантилизме и соноризме, воплощающих точечные и континуальные структуры. Их энергетические импульсы и потоки создают напряжённость поля восприятия, несут закодированную информацию о жизни и структуре Космоса.

Е. А. Горячкина рассматривает звук как универсальное космическое явление, полагая, что именно космология подтвердила определяющее значение звука в формировании космической материи. Согласно одной из научных гипотез, рождение Вселенной началось с мощного взрыва гигантского энергетического сгустка, который сопровождался появлением звука огромной амплитуды колебаний. Он послужил импульсом к расширению Вселенной, а различные космические тела — планеты, звёзды, туманности — формировались в местах уплотнений мощной звуковой волны.

Космическому импульсу в музыке соответствует отдель-

ный звук; энергетическому потоку — звуковые континуальные структуры, расширяющиеся или сужающиеся в пространстве; физическому полю — различные музыкальные поля: точечные, микрополифонические, кластерные. Изображение звуковой среды, различной по амплитуде и форме колебаний, запечатлено в партитурах современных композиторов зачастую в виде синусоид (волнистых линий), аналогичных траекториям движения энергетических потоков, зафиксированных в схемах А. Л. Чижевского. Энергетическая природа звука имеет прямое отношение к энергетической сущности как реального, физического, так и музыкального времени.

В музыке вышеназванных композиторов-космистов, через творчество которых транслируется музыка Вселенной, организация времени несёт на себе отпечаток закономер-

ностей космического хронотопа. Ключом к расшифровке музыкального времени становится энергетическая трактовка его феномена: согласно теории Н. Козырева, время — это удельная плотность энергии материальной системы. Между материальной энергией и течением времени возникает следующая зависимость: чем выше энергонасыщенность материи, тем медленнее течение времени. Эта зависимость обнаруживает себя в пуантилистической музыкальной ткани, энергетическая плотность которой, измеряемая количеством энергетических импульсов на единицу времени, чрезвычайно высока. Музыкальный звук становится самостоятельной информационной единицей, энергетической мерой времени. Он несёт целостную информацию о жизни и структуре Космоса.

Список использованных источников

1. Бандура, А. И. Александр Скрябин — мистика творчества и магия светозвука. Рукопись, 1993. — 8 с.
2. Горячкина, Е. А. Творческая интерпретация космоса в музыке XX века : автореф. дис... канд. иск. : 17.00.02 / Е. А. Горячкина ; Рос. акад. музыки им. Гнесиных. — Москва, 1995. — 14 с.
3. Жаворонкова, Т. П. Музыка и философское осмысление мира : автореф. дис... канд. культурол. наук : 24.00.01 / Т. П. Жаворонкова ; [С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, Каф. теории и истории культуры]. — Санкт-Петербург, 2001. — 24 с.
4. Идеи эстетического воспитания : антология : в 2-х т. Том 1 : Античность. Средние века. Возрождение. — Москва : Искусство, 1973. — 407 с.
5. Михайлов, А. В. Концепция произведения искусства у Теодора В. Адорно // Т. В. Адорно. Избранное. Социология музыки. — Москва ; Санкт-Петербург, 1998. — С. 32–38.
6. Перепелица, А. А. Эмоционально-образная энергетическая составляющая как основа контекстных парадигм музыкального произведения / А. А. Перепелица // Искусство и образование. — 2013. — № 2 (82). — С. 45–60.
7. Перепелица, А. Д. Художественная игра как способ развития эстетического сознания ребёнка : дис... докт. пед. наук [Рукопись] / А. Д. Перепелица. — Москва, 1992. — 563 с.
8. Сабанеев, Л. Воспоминания о А. Скрябине / Л. Сабанеев. — Москва : Музсектор Госиздата, 1925. — 268 с.
9. Хамель, П. М. Через музыку к себе / П. М. Хамель. — Москва : Классика XXI, 2007. — 248 с.
10. Чижевский, А. Л. Проблема материи (электромагнетизма) / А. Л. Чижевский. — Калуга : Мир, 1921. — 44 с.

Материал поступил в редакцию 23.01.2017 г.

Сведения об авторе: Никитин Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, действительный член Академии педагогических и социальных наук (АПСН), профессор кафедры музыкально-инструментального и вокального искусства Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск).

Контактные данные: 680030, Хабаровск, Ленина, 42, кв. 41; тел. 8-914-413-08-89; e-mail: nikitinarts2011@yandex.ru.

ЛОГИНОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ГЕРБОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ И ГОРОДА ХАБАРОВСКА

Статья посвящена гербам одного из субъектов Федерации — Хабаровского края, и дальневосточной столицы — города Хабаровска: истории их возникновения, описанию, причинам замены и корректировки. Также автором приведена историческая справка о появлении геральдики в России.

Ключевые слова: герб, Хабаровск, дальневосточная столица, Хабаровский край, геральдика, белогрудый медведь, тигр.

Keywords: coat of arms, Khabarovsk, the Far Eastern capital, Khabarovsk region, heraldry, white-bearded bear, tiger.

Геральдика со времён Петра I считалась в России «делом нового основания», то есть малоизвестным. Существующие земельные эмблемы представляли собой композиционно сложные, многодельные, многоплановые миниатюры, и, чтобы привести в соответствие геральдическую систему Российской империи, Пётр I приглашает из-за границы француза итальянского происхождения графа Франциска де Санти (1683–1758), с которым он познакомился в 1717 году в Амстердаме. Граф получил прекрасное образование в Париже и занимался генеалогией и геральдикой. Он с удовольствием принимает приглашение русского царя, который тогда был очень популярен в Европе.

В это время европейская геральдика переживала период расцвета. Были отработаны правила составления гербов не только городских, но и родовых. Герб мог иметь булочник и граф, сапожник и король.

В России Франциску де Санти назначают жалование — 1 600 рублей в год и по 2 рубля на краски за каждый нарисованный герб. Он набирает учеников из числа талантливых русских художников. Первое, что сделал французский герольдмейстер, это разослал по губерниям анкеты с вопросами, по ответам на которые можно было составлять герб города. С этого момента в русской геральдике появился щит французской формы.

Не обошлось и без курьёзных случаев, когда город Великие Луки получил герб с тремя большими стрелковыми луками на щите, на самом же деле город стоит на реке с тремя излучинами.

Дальнейшая судьба графа складывалась не совсем удачно. После смерти Петра Великого на престол взошла Екатерина Алексеевна, и по подозрению в заговоре против правительства всесильный Александр Меншиков без суда и следствия ссылает бедолагу француза в Тобольск, а через некоторое время под строжайшим надзором в Якутск. Только через три года Елизавета Петровна возвращает графа в Санкт-Петербург и жалует ему титул действительного тайного советника. История Франциска де Санти заканчивается благополучно, но герботворчеством он больше не занимался.

Продолжая дело Петра

Для проведения единой государственной политики в области геральдики правительством России 20 февраля 1992 года была создана Государственная геральдическая служба; в том же году она была преобразована в Управление геральдики Государственной архивной службы. Позже, 25 июля 1994 года, структура претерпела изменения и стала

называться Государственной герольдией при Президенте Российской Федерации.

В том же году в Хабаровском крае был объявлен открытый конкурс на лучший проект герба и флага территории. Победителем был признан проект герба с белогрудым медведем, держащим в передних лапах новый герб города Хабаровска (автор — Логинов С. Н.).

Спустя четыре года, в 1998-м, Государственной герольдией были подготовлены и изданы «Методические указания по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований». На тот момент 80% российской символики не соответствовало нормам и требованиям вышеупомянутого документа. Герб Хабаровского края не стал исключением и геральдическую экспертизу не выдержал.

В официальном ответе Государственной герольдии от 14 апреля 1998 года сказано: «Общее композиционное решение герба удачно, но малый гербовой щит на груди медведя являет собой настоящее геральдическое бедствие... Наша рекомендация — заменить сложную, при уменьшении почти не просматривающуюся композицию в щите на груди медведя элементом этой же композиции — более простым гербом дореволюционной области»¹. Поэтому возникла необходимость в корректировке герба Хабаровского края². Да, герб остался прежним, главная его фигура не изменилась. В соответствии с требованиями научной геральдики и рекомендацией Государственной герольдии из гербового щита был удалён герб города Хабаровска 1991 года. Его место занял дореволюционный герб, высочайше утверждённый в 1912 году, он является элементом нынешнего герба дальневосточной столицы.

Скорректированный вариант герба успешно прошёл геральдическую экспертизу и 2 ноября 2016 был одобрен Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации (регистрационный номер 11078).

Необходимо заметить, что герб не является графически неизменным. Это не товарный знак. Герб имеет более высокий статус и существует по иным правилам. Допускается его перерисовка в разных стилях, в щитах разных форм и пропорций (изменением герба, как такового, это не считается). Варианты одного и того же герба в разных

¹ Из письма заместителю главы администрации И. И. Стрелковой из Государственной герольдии при Президенте Российской Федерации от 14.04.1998 г. № 130/186.

² «В гербах субъектов Федерации и муниципалитетов не может воспроизводиться государственная символика и иные официальные символы органов государственной федеральной исполнительной власти РФ» [3, с. 10], т. е. новый герб города Хабаровска не может быть включён в состав щита герба Хабаровского края.

Современный герб Хабаровского края.

стилизациях могут параллельно находиться в официальном употреблении. Эталон герба является не рисунок (его роль — пояснительная), а геральдическое описание, запечатлевающее «формулу герба». Описание составляется с применением гербоведческой терминологии.

Герб бывает большой (парадный), средний и малый. Большой используется в особых случаях (праздники, торжества); средний (просто щит с изображением символа) может размещаться на бланках и печатях; малый герб — символ без щита.

Большой герб Хабаровского края также требует сегодня корректировки.

С отменой губернского-уездного деления и введением новой территориальной системы в 1920-х годах все короны лишились своего геральдико-правового основания. Сегодня в гербах субъектов РФ, обладающих собственными органами государственной власти, абсолютно неуместна императорская корона. Если существует старинная «собственная» корона, она вполне может быть использована в гербе нынешнего субъекта Федерации. В нашем случае это старая царская корона, которой был увенчан герб Приморской области.

Андреевская лента, символ ордена Андрея Первозванного, которая ныне присутствует внизу парадного герба края, используется геральдически так же некорректно. Наш край

награжден орденом Октябрьской Революции, соответственно геральдически правильно будет использование орденой ленты этого ордена.

Все эти вопросы уже обсуждались в Государственной герольдии в декабре 2015 года и в дальнейшем будут согласовываться в работе по созданию большого герба Хабаровского края.

Герб Хабаровска: с чего всё начиналось

Первым гербом города Хабаровска был герб, который перешёл, так сказать, по наследству от Приморской области.

5 июля 1878 года император Александр II утвердил герб Приморской области с административным центром в городе Николаевске. Вот его описание:

«В серебряном щите, лазуревый столб, между двух черных сопок, с червлеными пламенами. Щит увенчан древнею, Царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою» [2, с. 198].

Но через два года, в 1880-м, стараниями губернатора М. П. Тихменева селение Хабаровка получило не только статус города. Хабаровск стал новым административным центром области, получив возможность использовать её герб в качестве официального символа.

50-летие Хабаровска власти города решили встретить с новым гербом. Был объявлен конкурс, и в 1907 году газета «Приамурские ведомости» за 2 августа (№ 1133) сообщила, что новый герб создан и одобрен генерал-губернатором. Изображение герба не сохранилось, осталось только его оригинальное описание:

«...щит, разделенный на 2 основных части; верхняя часть, занимающая 2/5 всего щита, зеленого цвета; на ней помещается изображение тигра, из золота с черными полосами, стоящего на четырех лапах в позе готовящегося к нападению. Нижняя часть, занимающая 3/5 всего щита, разделена вертикально на два равных поля: правое золотое и левое серебряное; между ними лазуревая лента в смешанной форме головной части прямого креста и двух нижних частей косоугольного креста. На правом, золотом, поле изображено дерево — ель, зеленого цвета. На левом, серебряном, поле изображена кисть винограда, лазуревого цвета. В верхней же вертикальной части лазуревой полосы помещается серебряное изображение рыбы — осетра, головой вверх» [4].

Автором герба г. Хабаровска стал Александр Васильевич Плюсин, старший сын Василия Фёдоровича Плюстина, гласный городской думы (1898–1902), последний городской голова (1914–1917), почётный гражданин города Хабаровска.

Новый герб после утверждения главой и общественностью города был отправлен на утверждение в Санкт-Петербург и... пропал. А 1 февраля 1912 года хабаровчане получили совершенно другой герб. Вот его описание:

«В золотом щите геральдический вилообразный лазурный крест, сопровождаемый внизу червлёной рыбой. В вольной части щита — герб Приморской области... Щит увенчан серебряною о трёх зубцах башенною короною...» [7].

Тигр и медведь — символы Хабаровска

В начале 1990-х годов в политической и экономической жизни нашей страны произошли кардинальные перемены. Субъекты Российской Федерации после обретения самостоятельности стали уделять большое внимание вопросам собственной символики. В соответствии с указом Президента РФ органы местного самоуправления не вправе были использовать на своих официальных документах и в иных официальных случаях символы Российской Федерации. Так как старый, дореволюционный, герб, утверждённый 1 февраля 1912 года, морально устарел и не соответствовал статусу краевой столицы, появилась необходимость в реконструкции ранее существующих символов и создании новых, согласно нормам и требованиям современной геральдики, и Исполнительным комитетом Хабаровского городского совета народных депутатов было принято решение (от 07.06.1990 г. № 224) «О проведении открытого конкурса на проект герба города Хабаровска».

Конкурс, организаторами которого выступили Хабаровский городской совет народных депутатов, Хабаровская организация Союза художников РСФСР и Хабаровская организация Союза архитекторов РСФСР, проходил с 1 апреля по 27 мая 1991 года.

На него было представлено 14 проектов. В результате подведения итогов жюри отметило работы пяти участников конкурса, как наиболее перспективные. Поскольку победитель не был определён на первом этапе, было принято решение о проведении заказного конкурса. В нём приняли участие пять хабаровских художников: Виктор Артёмов, Евгений Бурлов, Сергей Логинов, Геннадий Павлишин и Михаил Свердлов.

Конкурсные эскизы представлялись до 18 часов 27 мая в Главное управление архитектуры и градостроительства Хабаровского горисполкома.

В состав жюри вошли краеведы, художники, архитекторы, историки и специалисты в области геральдики:

В. И. Симаков, А. С. Ческидов, Н. Е. Заверьяев, И. И. Кандаров, Н. П. Крадин и другие (всего 10 членов).

Общественный просмотр и обсуждение проектов проводились в выставочном зале Картинной галереи им. А. М. Федотова города Хабаровска. Компетентное жюри, учитывая мнение общественности города, отдало предпочтение проекту Сергея Логинова. 13 августа 1991 года Президиум Хабаровского городского совета народных депутатов утвердил новый герб города Хабаровска³.

Сегодня Хабаровск не только политическая столица Дальнего Востока. Это город строителей и корабелов, речников и автомобилистов, портовиков и машиностроителей. Хабаровск — это крупный научный и образовательный центр. У нашей краевой столицы прекрасное будущее. Уже сейчас успешно реализуются масштабные проекты в топливной и электронной промышленности, деревообработке и жилищном строительстве. Особенностью жизни современного Хабаровска стало возрастание роли культуры как одного из факторов, организующих духовную жизнь горожан.

13 мая 2000 года Указом Президента Российской Федерации образован Дальневосточный федеральный округ с базированием его администрации в г. Хабаровске. В настоящее время ДФО — самый крупный федеральный округ России (он состоит из 9 субъектов).

3 ноября 2012 года за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками Хабаровска в борьбе за свободу и независимость Отечества, Указом Президента Российской Федерации городу присвоено почётное звание «Город воинской славы».

На сегодняшний день герб города Хабаровска 1991 года приведён в соответствие с «Методическими рекомендациями по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований»⁴ [утверждены Геральдическим советом при Президенте РФ 28 июня 2006 г.].

³ Вот краткое описание этого герба, составленное его автором С. Н. Логиновым: «Форма щита французская, имеющая широкое распространение в классической российской геральдике. «Щит разделен вертикально на три равных (симметричных) части (в пропорции 1/3, 1/3, 1/3) цветов национального флага России. В правой и левой части (в зеркальном отражении) стоящие на задних лапах стилизованные фигуры золотого цвета буро-медведя и уссурийского тигра с червлеными глазами и языками, высунутыми из пасти, которые поддерживают прежний (старый) герб Хабаровска. В нижней части щита дата образования города — 1858»» [7].

⁴ С современного герба Хабаровска была убрана дата основания города — 1858 год: «Недопустимо помещение в гербе надписей: фраз, словосочетаний, слов, цифр, дат, букв, шифровок, условных буквенных и цифровых обозначений, монограмм, вензелей (на любых языках и алфавитах)» [3, с. 15].

Современный герб города Хабаровска.

Яркие представители дальневосточной фауны — уссурийский тигр и белогрудый медведь — украшают нынеш-

ний герб краевой столицы. Эти символы достойны своего правообладателя! Золотой тигр символизирует отвагу, доблесть и мужество наших земляков в период борьбы против японских интервентов. От берегов Амура ехали на запад дальневосточные дивизии бить фашистов в 1941–1945 годах. Из Хабаровска в Москву был передан текст Акта о капитуляции Японии.

Чёрный азиатский, или белогрудый, медведь (наш эндемик) — символ силы, трудолюбия и предусмотрительности, сродни нашим землякам, которые среди тайги на берегу Амура положили начало будущему городу Хабаровску, городу, которому суждено было стать крупнейшим административно-политическим, промышленным, научным и культурным центром российского Дальнего Востока!

Медведь и тигр в передних лапах удерживают старый, дореволюционный герб 1912 года — щит с лазоревым крестом и червлёной рыбой в оконечности щита. Они — «вооружённые» хранители и защитники истории, традиций и культурного наследия Дальнего Востока.

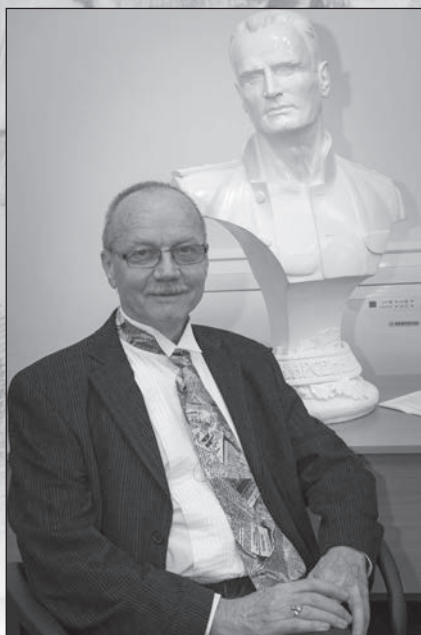
Хабаровчане любят свой герб. Он сопровождает нас повсюду — на зданиях администрации и общественных организаций, на нагрудных знаках и памятных медалях. Его знают не только жители России, но и далёкого зарубежья.

Список использованных источников

1. Борисов, И. В. Гереальдика России / И. В. Борисов, Е. Н. Козина. — Москва : АСТ Астрель, 2006. — 423 с.
2. Геребы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесённые в полное собрание законов с 1649 по 1900 г. / сост. П. П. фон-Винклер. — Санкт-Петербург : изд. книгопродавца Ив. Ив. Иванов, 1900. — [8], 45, [3], XXIX, [3], 222, [3] с., из них 213 с. in recto : ил.
3. Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований : утв. Гереальд. советом при Президенте Рос. Федерации 28 июня 2006 года [Электронный ресурс] // Гереальдика сегодня : науч.-просвет. ресурс о соврем. рос. герботворчестве. — Режим доступа: <https://geraldika.ru/symbols/5061>.
4. [О гербе г. Хабаровска] // Приамур. ведомости. — 1907. — 2 авг. (№ 1133). — С. 4. — (Хроника).
5. Силаев, А. Г. Истоки русской гереальдики / А. Г. Силаев. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2002. — 238 с.
6. Соболева, Н. А. Символы России / Н. А. Соболева, В. А. Артамонов. — Москва : Панорама, 1993. — 207 с.
7. Кандауров, И. Как создавали герб / И. Кандауров // Приамур. ведомости. — 1992. — 28 февр. — С. 2.

Иллюстрации предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 27.04.2017 г.

Сведения об авторе: Логинов Сергей Николаевич, член Союза художников и Союза дизайнеров России, Гереальдической комиссии при губернаторе Хабаровского края, автор гербов и флагов Хабаровского края, г. Хабаровска.

БАБУРОВ ВЛАДИМИР ФИЛИППОВИЧ

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО И КАК ЕГО ПОНИМАТЬ? (Попытка популярного размышления на тему)

Автор монографии пытается разобраться в вопросах творчества, искусства и эстетики и предлагает своё видение данной проблематики. Опираясь на изыскания учёных и философов, выкладки физиологов и психологов, а также собственный опыт, он выстраивает некую модель личности. Настоящая публикация является первой, в следующих номерах журнала будет размещено продолжение.

Ключевые слова: творчество, вдохновение, искусство, гармония, личность, разум и эмоции.

Keywords: creation, inspiration, art, harmony, personality, reason and emotions.

Что такое творчество, вдохновение, эстетика, гармония? Что такое счастье? Как отличить красивое и совершенное от некрасивого и безвкусного, понять, хороший это или дурной вкус? Как разбираться в искусстве и что есть содержание искусства? Чем, кроме умения, отличаются детские рисунки от творчества взрослых? Почему одно и то же произведение вызывает восторг у одних и полное неприятие у других? Чем живопись отличается от раскрашивания и когда рисунок становится графикой, лепка — скульптурой, а изображение — искусством? В чём отличие и что общее у реалистического и абстрактного искусства? Как «понимать» или как принимать «Чёрный квадрат» Малевича? Что такое стиль, мода? Что такое культура? Высокое и низкое, классика и «попса» в искусстве и в жизни... Как одеваться, как выглядеть и как себя вести, чтобы хотя бы не быть смешным?

Эти вопросы в той или иной степени возникают не только у профессионалов искусства, но и у каждого, хотя бы немного мыслящего и неравнодушного к жизни, человека. По каждому из них отдельно и в разнообразнейших сочетаниях написаны за историю человечества горы литературы и идут бесконечные споры между корифеями искусства, литературы и философии. Все споры о творчестве, все битвы искусствоведов и прочих толкователей искусства между собой имеют в своей основе только то, что в их рассуждениях, несмотря на громадное количество написанного и сказанного по этому поводу, нет единой концепции, нет общих понятий, нет общей терминологии, а соответственно, и единого языка общения. Чаще всего такие споры выглядят как диалог слепого с глухим. Из-за отсутствия системного подхода зачастую вместо грамотной, аналитически объективной аргументации мы имеем субъективное безапелляционное мнение, основанное на личностных ограниченных вкусовых пристрастиях либо на идеологических или корыстно рассудочных мотивах, подкреплённых той или иной степенью эрудированности, как основным доказательным аргументом.

До Менделеева в химии творилось примерно то же самое. Было накоплено уже громадное количество знаний по тем или иным химическим веществам, их сочетаниям и свойствам, но пользоваться этим хаосом знаний приходилось, как бы вытаскивая их по одному из громадного, набитого мусором мешка наощупь и наугад. Менделеев в своей периодической таблице не только дал чёткую и понятную систему, не только разложил все химические элементы по полочкам, но и в результате этого предоставил возможность увидеть ещё незаполненные места и таким образом предсказывать открытие новых, до той поры не исследованных веществ. А

главное, он вооружил химию, как науку, единой, доступной для всех посвящённых системой, а значит, и осознанным языком общения.

Возможно ли применить этот опыт к рассуждениям о столь «эффемерной» и, по убеждениям многих, заведомо неподдающейся логическому анализу области, как духовный мир человека, его творческая сфера и все её составляющие?

Как известно из психологии, мы мыслим только в словесной форме. Вне словесно выраженных понятий нет и мышления. «Кто ясно мыслит — тот ясно излагает». То, что мы затрудняемся сформулировать, скорее всего, ещё нами не осознано. Отсюда — все эти отговорки по поводу объяснения тех или иных высоких духовных явлений типа «это от Бога», «о вкусах не спорят» или «чувствую, а сказать не могу». Людям зачастую стыдно признаться в собственном недомыслии, а потому они и оправдывают свою умственную беспомощность ссылками на заведомо непознаваемые «высокие материи».

Я абсолютно не претендую на какие-нибудь открытия в области искусствоведения, а тем более психологии или философии. Во всех своих рассуждениях опираюсь на давно всем известные, хрестоматийные истины и пытаюсь как-то соединить выводы, сделанные авторитетнейшими учёными мужами в отдельных областях вышеназванных наук, касающихся нашей темы, и привести многообразные, отрывочные и часто не связанные между собой понятия в систему, позволяющую осмысленно представить психологические основы эстетики, то есть применить системный подход к предмету, пребывающему и сегодня, на мой взгляд, в хаосе, как это сделал в своё время Менделеев по отношению к химии.

Основой, на которой строятся мои рассуждения, является личность в её психологическом аспекте. Не уяснив, что такое личность, практически невозможно объяснить такие её проявления, как искусство, творчество, вдохновение и т. д. По сути дела, только индивидуальные, личностные качества являются фактором, делающим художниками считанные единицы из громадного количества более или менее успешно заканчивающих художественное образование претендентов на это высокое звание.

Пользуясь своим методом, я, к примеру, не испытывал затруднений объяснять своим студентам не только элементарные понятия о творческих процессах, но и сложные системы их взаимосвязей и закономерностей на доступном для понимания в рамках лекции уровне. Кроме того, «система» работала и на практических занятиях по композиции и скульптуре, а также в смежных областях: архитектуре, скульптуре, дизайне, декоративном искусстве, ювелирном деле, где мне в моей лекционной практике приходилось неоднократно применять её. Правда, несколько пугающий

универсализм моего метода напоминает мне об известном шутилом определении: «Если теория объясняет всё, то, скорее всего, она антинаучна».

Мне и самому было бы интересно узнать её пределы, так как, пользуясь этим методом, я мог объяснить себе истоки основных форм проявления человеческой психики, в том числе и те, которые выходят за рамки проблем творчества. Надеюсь, мои выводы покажутся достойными внимания не только специалистам, имеющим отношение к искусству, но и обыкновенным, неискушённым в проблемах творчества людям, желающим разобраться в таких, столь не простых, вопросах.

Характеристика личности как основы психологической мотивации

Личностная характеристика наряду с мышлением относится к основополагающим свойствам, отличающим человека от остального животного мира.

В наших рассуждениях об истоках личности мы можем выделить три составляющих: эмоции, разум, социум, присутствующих, в большей или меньшей степени, и человеку, и животным. Если рассматривать отдельно каждый из этих факторов как причину творческих мотиваций, мы ещё не получим ответа. Очевидно, человек обладает некоторой особенностью, которая и привела его к тому, что мы определяем как творчество. Ответ на этот вопрос невозможно получить, не исследовав основные составляющие человеческой психики в их соотношении и взаимодействии: разум и эмоции.

Не вдаваясь глубоко в научные формулировки, попробуем дать простое, достаточное для наших рассуждений определение: что это такое?

Дитё рождается «неразумным» (если пользоваться бытовой терминологией), а потом в процессе воспитания, обучения, получения образования, общения с другими людьми получает то, что мы потом называем разумом.

Таким образом, разум, в упрощённой формулировке, не что иное, как прижизненный опыт конкретного человека, приложенный к данной ему природой способности мыслить. Вне активного развития мыслительной способности не может получиться то, что мы называем разумом в общечеловеческом смысле. Есть большое количество примеров, когда дети, выросшие и воспитанные среди животных, не получив в результате этого возможность развить свою способность к мыслительной деятельности в том виде, в каком она проявляется в людях, то есть в виде способности говорить, утрачивали её.

Достаточно широкие и в полной мере развитые мысли-

тельные способности, обогащённые обширными знаниями, мы называем интеллектом. Таким образом, интеллект не есть только сумма знаний. Сумма знаний — это эрудиция. **Интеллект — это эрудиция, приложенная к способности мыслить.**

Но, кроме способности к мышлению, ребёнок рождается с множеством уже готовых навыков: он умеет сосать материнскую грудь, справлять естественные надобности, переваривать пищу, дышать, а также плакать, когда ему что-то хочется, улыбаться или «агукать», когда он доволен, то есть эмоционально реагировать на внешние или внутренние раздражители.

Всё это не что иное, как биологический, физиологический и эмоциональный закреплённый на генетическом уровне опыт, полученный ребёнком от его родителей при рождении и заключающий в себе опыт всей цепочки его биологических предков, в высших своих проявлениях являющийся основой всех дальнейших сложных эмоциональных реакций¹.

Таким образом, в психофизиологическом смысле человек содержит в себе два опыта: генетически обусловленный опыт предков, включающий, кроме физиологических функций, и эмоциональную сферу, и свой индивидуальный, личностный опыт — то, что мы называем разумом. Совокупность этих двух опытов и является тем, что мы определяем как личность. Но как бы это ни казалось оскорбительным для нашего самолюбивого сознания, эмоциональная сфера, как мотивация, превалирует в психике человека, наверное, потому, что за ней стоит многотысячелетний опыт всей чреды наших предков. Не зря в одном из определений в психологии разум — всего лишь инструмент для удовлетворения эмоциональных потребностей.

Сбалансированное сочетание эмоционального, врождённого, и рационального в человеке воспринимается нами как гармоничная личность. Но это идеальный вариант. Как правило, в людях встречаются любые замесы того и другого; отклонение в ту или иную сторону нарушает гармонию, но даёт всё многообразие человеческих индивидуальностей. Отсюда такая злободневная в не столь далёком прошлом дискуссия «физиков» и «лириков». Значительное отклонение от этого баланса — уже патология. Эмоциональный, но с ограниченным умом человек — попросту глупец.

¹ «Эмоции представляют собой одну из важнейших сторон психической деятельности, они отражают переживания человеком действительности. Эмоции — постоянный спутник всяких психических процессов, начиная от простейших и кончая высшими, интеллектуальными. Любое новое впечатление или раздражение, относящееся к органам чувств или исходящее из внутренних органов, сопровождаются приятным или неприятным ощущением» [5, с. 20–21].

Рациональный, но с недоразвитыми эмоциями — сухой и неприятный в общении человек. Он и юмора не понимает, и искусство не приемлет, и сочувствия от него не дождётся.

Однако, на каком этапе эмоциональные реакции, необходимые для простого выживания, превращаются в деятельность, давшую человечеству шедевры мировой культуры?

Человечество творило во все времена. Проявления творчества известны и по наскальным рисункам первобытных людей, чей возраст — десятки тысячелетий, и в самых развитых современных цивилизациях. Люди творят, независимо от расовой, национальной, культурной или социальной принадлежности. Очевидно, способность и потребность к творчеству присуща человеку на психофизиологическом уровне. Что же послужило основой для возникновения такой потребности? Ведь природа не создаёт ничего лишнего и ненужного.

Существеннейшим признаком, выделяющим человечество из животного мира, наряду со способностью активного мышления, является форма его социальной организации.

Тот факт, что цивилизация насчитывает всего 5–6 тысяч лет по сравнению с историей около стотысячелетнего существования уже сложившегося как вида человека разумного, наполненного постоянной тяжёлой борьбой за выживание в условиях дикой природы, определяет наследование современным человеком всех физических, биологических и физиологических (включая эмоциональные реакции) данных его предшественников. То есть практически мгновенно, по историческим меркам, человек, будучи созданным на тысячелетия (природой или Богом) для жизни в дикой природе, попадает в социум. Вся его суть, все инстинкты, вся биология и физиология, формировавшиеся для условий дикой жизни, вдруг вынуждены адаптироваться к социальному способу существования.

Сторонникам неэволюционных теорий возникновения человека, чьё амбициозное самолюбие оскорбляется столь «низким» происхождением, хочу посоветовать проследить стадии эмбрионального развития человеческого зародыша: от одноклеточного через земноводное и хвостатое млекопитающее до новорождённого «гомо сапиенс», наглядней, чем в школьных учебниках по биологии, показывающего именно эволюционный путь его появления на земле. Можно, конечно, спорить: естественный ли отбор привёл к появлению современного человека или вмешательство пришельцев или божественных сил, но факт биологической эволюции, проиллюстрированный как в человеческом эмбрионе, так и в многочисленных рудиментальных проявлениях человеческой психики, очевиден.

Из общего для всего живого биологического эволюционного процесса современного человека выделяет лишь

эволюция социальная. Человек объединяется в сообщество, повинуюсь не только инстинкту и голосу крови, а и руководствуясь соображениями высшего порядка: необходимостью, долгом, патриотизмом, чувством безопасности и т. д.

Образ жизни «гомо сапиенс» резко отличается от дикого, полного звериного эгоизма существования его предшественников, у которых все поступки подчинялись в основном инстинктивным влечениям. Качества, которые тогда являлись, безусловно, необходимыми и оправданными, во многих случаях оказываются ненужными, вредными и даже социально опасными в жизни человека, вступившего в стадию общественного развития.

...Всё другое. Всё не так. Раньше жил в джунглях, а теперь — в городе. Хотел раньше человек есть — охотился, добывал птицу или животное и ел, находясь в полном согласии со своими желаниями, а теперь нельзя. Курица — соседская, баран — колхозный. Хотел раньше человек жениться и, не мудрствуя лукаво, «женился» на любой из попавших в поле его зрения женщин, правда, иногда отставив своё право в бою с таким же претендентом, но опять же в согласии с самим собой, а теперь нельзя: понравившаяся женщина — жена соседа. То нельзя, это нельзя. А инстинкты-то куда деть? А с эмоциями-то что делать? Так недолго какой-нибудь невроз получить, а то и вообще «с катушек съехать». А тут ещё общество со своей моралью, родители со своим воспитанием, религия со своими заповедями, государство со своими законами и, наконец, как производное от всего этого — собственная мораль, ставшая личным убеждением. Короче, жил человек счастливо, а стал жить несчастно. Вот где социум себя проявляет.

Проблема ещё и в том, что в каждом конкретном человеке соотношение, как и диапазон, эмоционального и рационального очень индивидуально, то есть у каждого индивидуума свои заморочки, обусловленные многовековым опытом его личных предков. У одних в подсознании преобладают сексуальные инстинкты. У других — агрессивные комплексы. А у третьих — гремучий замес и того и другого. И спокойно жить каждому человеку не дают его собственные индивидуальные особенности.

Хорошо, если пришла пора жениться и тебя полюбила свободная девушка. Вот где счастье-то! Вот где медовый-то месяц! Беспокоят человека формировавшиеся тысячелетиями инстинкты воина и охотника, а тут война: враг напал. Вот где ощущение счастья! «Есть упоение в бою — великой бездны на краю...». Вместо потенциального агрессивного задиры, драчуна, разбойника, а то и убийцы мы имеем героя — защитника Отечества.

Какой же напрашивается вывод? Есть возможность выплеснуть инстинкты и эмоции — человек счастлив (вот

вам ответ на сакраментальный вопрос: что такое счастье?). Нет возможности — хоть в петлю лезь. А как выплеснуть, если жизнь не даёт такой возможности? Не выплеснуть нельзя, очень уж беспокоят. Жить спокойно не дают. А тут ещё собственная мораль: это некультурно, это грех, а за это и посадить могут! Хорошо — природа побеспокоилась: целый день инстинкты конфликтовали с убеждениями, к вечеру пар из головы от перегрева, а вечером-то — сон, а во сне-то сознание — надсмотрщик над эмоциями да инстинктами, засыпает. Тут-то наши страдальцы — задавленные эмоции, раскрепощённые без надсмотрщика, на полную катушку себя и проявляют, да так, что наутро свой сон не только маме рассказать, а и самому-то стыдно бывает вспомнить. А пар-то выпущен. А на душе-то полегчало, но только до следующего вечера!

Человек во сне или фантазируя наяву представляет себя в тех или иных ситуациях, позволяющих изжить подсознательные комплексы, которые не находят выхода в действительности. Таким образом, пользуясь отсутствием контроля сознания или намеренным снижением его цензуры, человек приводит в равновесие соотношение подсознательных влечений и их реализации, открывая клапан и спуская вредное для психики давление².

Содержание сновидений только подтверждает факт наследования нами подсознательных влечений от далёких, диких ещё предков:

«Не случайно, при всем разнообразии сновидений у человека в них, по сути, всегда повторяется несколько основных тем: влечение к женщине, агрессивность и защита от нее, питье, разговор. В этом заключена наша генетическая программа, и сновидения всё время «напоминают» о ней нашему организму, сохраняя, если хотите, само наше существо, нашу личность, вид *Homo sapiens* на планете» [4, с. 13].

Но сон, при всей его оздоровительной функции, не всегда может полностью освободить человека от гнёта подсознания. Так хорошо бывает, если инстинкты ваши успели одомашниться и эмоции не одичали, а сознание достаточно развито, чтобы правильно их контролировать. А если вы

натура эмоциональная? Если вы не физик, а лирик? Если в вас страсти кипят, как в перегретом чайнике? Сон с ними не совладевает, а стресс копится. Копится неделю, копится вторую, в конце второй недели — аванс. Можно позволить утомлённому стрессом организму расслабиться — «через магазин». Алкоголь выполняет ту же функцию, что и сон: контролирующей надсмотрщик расслабляется и не так ревностно тиранит ваши эмоции. Вы ещё и не пьяны вовсе, а вам уже хорошо. Ещё чуть-чуть добавить, и инстинкты с эмоциями полезли наружу. Всё как во сне. Из вас прорывается всё то, что вы так тщательно давили в себе целых две недели. Хороший способ, но чреват риском: обнаружить всю вашу животную подноготную, столь тщательно скрываемую вашим культурным сознанием от людей и себя самого, а также опасностью впасть в неуправляемую зависимость от такого лёгкого и доступного способа достижения комфортного состояния.

Разум человека социального, повинуюсь морали общества, пытается удерживать под контролем инстинкты, но контроль этот не во всех случаях оказывается достаточно эффективным.

«Нередко случается, что под влиянием какого-нибудь неожиданного возбуждения человек приходит в состояние сильного гнева и, не будучи в силах удержаться, производит действия, в совершении которых он тотчас же начинает раскаиваться. Обыкновенно говорят, что в эти минуты в человеке пробуждается зверь. Это мнение — более чем простая метафора. Вероятно, под влиянием какой-нибудь необычайной причины здесь приходит в действие нервный механизм кого-нибудь из наших животных или животного-образных предков» [3, с. 194].

Мотивация творчества (что такое вдохновение)

Чем ярче личность и чем выше её внутренняя энергетика, тем менее возможности её проявления и самовыражения могут пробиться в узкие, усреднённые «под всех» двери общепринятых культурных норм реальной повседневности.

Именно ограниченность этих возможностей влечёт яркую неординарную личность к творчеству, как социально возможному средству реализации своего требующего выхода внутреннего конфликта.

«...Неосознаваемая психическая деятельность является составным элементом любого акта человеческого поведения. Особенно велика ее роль в творческих процессах, проявляющихся в развитии науки, искусства, языка» [7, с. 13].

Этим же объясняется и факт малого интереса к искусству или полное отсутствие такового у людей низкой культуры и

² «Подобно тому как во всей природе осуществившаяся часть жизни есть ничтожная часть всей жизни, которая могла бы зародиться, подобно тому как каждая родившаяся жизнь оплачена миллионами неродившихся, так же точно и в нервной системе осуществившаяся часть жизни есть меньшая часть реально заключённой в нас. ... Совершенно понятно, что эта неосуществившаяся часть жизни, не прошедшая через узкое отверстие часть нашего поведения, должна быть так или иначе изжита. Организм приведён в какое-то равновесие со средой, баланс необходимо сгладить, как необходимо открыть клапан в котле, в котором давление пара превышает сопротивление его тела» [1, с. 187–188].

узкого личностного диапазона. Их не обременённая высокой культурой эмоциональность, не считаясь ни с какими нормами, свободно выплёскивается на окружающих в поступках и поведении, а потому и не нуждается в каких-то других, в том числе и творческих, способах самовыражения. Более того, такие люди ищут возможности для подобного анти-социального поведения, как единственного доступного им способа получить разрядку своего внутреннего конфликта. Достаточно вспомнить поведение «трамвайных хамов» или вызывающие умиление у разночинной интеллигенции так называемые народные забавы типа многолюдных драк «стенка на стенку». Сюда же можно отнести и агрессивный ажиотаж необременённых культурой граждан вокруг спортивных соревнований, сопровождаемый массовыми побоищами «болельщиков».

Так как же быть нашему эмоциональному, но высоко-моральному страдальцу? Как освободиться от постоянного дискомфорта чувства неудовлетворённости, если реальная жизнь и собственные моральные принципы такую возможность не представляют? Можно, конечно, пометать. Рисую в своих грёзах яркие картины тех или иных воплощений своих страстных желаний, человек в значительной степени освобождает свою психику от гнетущего стресса неудовлетворённого желания. Это, кстати, является основной мотивацией детских игр и их (условно говоря) творчества. Дети в самом процессе рисования попросту мечтают, зримо воплощая свои мечты на бумаге.

Мальчишки очень любят рисовать войну. При этом, рисуя, они звуками и жестами сопровождают процесс, тем самым приближая к реалии свои фантазии присущего им генетически унаследованного от предков комплекса воина-защитника.

Девчонки же по природному назначению, как правило, наследуют другие факторы и играют в «дочки-матери», а рисуют куколок и принцесс.

Так природа позаботилась о человеке, дав ему путь социально адаптированного удовлетворения эмоций, не нашедших выхода в реальности. Это — игра у детей и творчество у взрослых.

Очевидно, что творчество относится к незыблемым потребностям человечества, как-то связанным с его биологической сутью³.

Психоаналитики утверждают, «что искусство занимает среднее место между сновидением и неврозом и что в основе его лежит конфликт, который уже “перезрел для сновидения, но ещё не сделался патогенным”... “Поэт делает то же, что и играющее дитя; он создаёт мир, к которому относится очень серьёзно, то есть вносит много увлечения, в то же время резко отделяя его от действительности”... ребёнок никогда не стыдится своей игры и не скрывает своих игр от взрослых, а взрослый стыдится своих фантазий и прячет их от других, он скрывает их, как свои сокровеннейшие тайны, и охотнее признается в своих проступках, чем откроет свои

Задачи искусства по такой теории сводятся к практической функции — служить средством отправления религиозного культа, и основой происхождения искусства объявляются религиозные побуждения.

Если бы эта точка зрения была верна, искусство прекратило бы существование в тот момент, как только люди избавились от наивного убеждения, что колдовством и магией можно влиять на внешний мир. Кроме того, мы имеем массу примеров и в прошлом, и тем более в настоящем, когда произведения искусства не решают никаких религиозных задач. Тот факт, что искусство всегда сопровождало религию, объясняется лишь тем, что она активно использует искусство как средство воздействия на сознание верующих.

Психолог и искусствовед Л. С. Выготский в своей книге «Психология искусства» присоединяется к теории о трудовом начале происхождения искусства: «Как известно, Бюхер установил, что музыка и поэзия возникают из общего начала, из тяжёлой физической работы и что они имели задачу катартически разрешить тяжёлое напряжение труда... “Ведь народы древности считали песни необходимым аккомпанементом при всякой тяжёлой работе”» [1, с. 185–186].

Как и в предыдущем случае, причиной возникновения искусства объявляется сфера, лишь использующая его. Исходя из приведённой теории, можно сделать вывод, что наиболее тонкими ценителями искусства и поэзии были бы люди тяжёлого физического труда, в то время как эти люди как раз наиболее далеки от всякого искусства. Кроме того, теория «трудового» происхождения искусства совершенно не объясняет возникновения изобразительного и других сложносодержательных форм искусства. Использование простейших форм музыки и поэзии в процессе тяжёлого физического труда объясняется, скорее, способностью искусства облегчить душу человека и в какой-то степени организовать трудовой процесс.

Существуют ещё мнения о двигательных предпосылках возникновения искусства. Сторонники этой теории ссылаются на исследования Дарвина, который говорит: «...некоторые душевные состояния влекут за собой определённые привычные движения... мы увидим, что при возникновении прямо противоположного душевного состояния появляется сильная и в то же время произвольная тенденция к выполнению движений прямо противоположного характера, хотя бы они никогда не приносили никакой пользы» [2, с. 50].

В данном примере уважаемый Ч. Дарвин несколько попутал причину и следствие. Не искусство возникло от «произвольных стремлений к выполнению движений», а движения сопровождают некоторые из очень сильных эмоциональных реакций, наряду с прочими проявлениями человеком своего эмоционального состояния, в том числе и через искусство.

³ *Одни учёные утверждают, что искусство рождено магическими, религиозными ритуалами охотников ледниковой эпохи, другие — что оно продукт чисто эстетического отражения мира, третьи видят причину возникновения искусства в тяжёлом труде: «...искусство возникло у охотников ледниковой эпохи не из подражания формам природы и поисков удовольствий, а из стремления подчинить себе любыми средствами, включая магию и колдовство, стихийные силы природы...» [8, с. 34].*

фантазии, «поэтому [они] вытесняются в область бессознательного» [1, с. 92, 93, 94].

В этом, очевидно, и заключается тайна талантливой поэзии: чем более поэт откровенен в своём творчестве, тем более его стихи проникают в душу читателя.

Так происходит именно потому, что у взрослого появляется то, чего нет у ребёнка: это одновременно и резкая активизация сексуального инстинкта в переходном возрасте, и возникшая на возрастной переоценке собственного «Я» и полученных при воспитании убеждениях морально нравственная цензура собственного сознания. Собственные моральные устои не позволяют свободно и открыто реализовать (тем не менее активно бушующие) сексуальные фантазии в тех или иных проявлениях творчества. Человек ищет способы опосредованного, замаскированного для цензуры сознания выплеска запретных фантазий. В этом и заключается существенное и принципиальное отличие детских игр, сопровождаемых рисованием, от подлинно творческого процесса,

Нужно сказать, что фантазирует отнюдь не счастливый, а только неудовлетворённый. Неудовлетворённые желания — побудительные стимулы фантазии. Каждая фантазия — это осуществление желания, корректив к неудовлетворяющей действительности. В творчестве человек как бы мечтает о несбывшемся, как бы восполняет недостающее. Вот откуда родилось: «Удовлетворённые не творят», или совсем уже одиозное: «Художник должен быть голодным». Правда, при этом не уточняется, какой голод имеется в виду: физический или духовный? У каждого человека своя мера голода, в зависимости от диапазона его психики и культуры сознания. Одному для сытости достаточно женщины, полкило колбасы и пол-литра водки, а другой остаётся неудовлетворённым, а значит, и творчески вдохновенным, находясь на пике славы и будучи владельцем замков и миллионных состояний. Третий же, в силу предельной ограниченности своих потребностей (вспомним Диогена с его теорией счастья), пребывая фактически в состоянии иллюзорного самообмана, как бы всем и всегда доволен, а потому редко испытывает чувство вдохновения и какие-либо мотивации для активной деятельности.

В этом мы можем найти объяснение такому феномену проявления человеческой природы, как лень. Ведь и в животном мире сытое и удовлетворившее сексуальный инстинкт животное предпочитает отлёживаться где-нибудь в укромном месте, экономя свои жизненные ресурсы, пока вновь возникшее чувство неудовлетворённости не нарушит его внутреннюю гармонию.

Таким образом, первопричиной творчества является не разумная деятельность, не эмоциональная сфера и не

социальная организация человека, а взаимоотношение этих составляющих, имеющих в своей основе конфликт, являющийся продуктом необходимости соизмерять свои эмоциональные потребности с жизненными реалиями, социумом, а главное — с цензурой собственного, воспитанного на общественной морали самосознания.

Конфликт этот не осознаётся человеком как таковой ввиду того, что эмоциональная сфера находится вне пределов сознания, и переживается им, как чувство неосознаваемого дискомфорта и беспокойства. Творческими людьми это состояние определяется как **вдохновение**. Изживая своё вдохновение в творчестве, человек достигает катарсиса, а попросту — снимает стресс от затянувшегося психологического конфликта в себе самом.

Так что всем известная поэтическая «Муза» не есть нечто существующее вне художника и произвольно навещающее его время от времени. Она находится в самом художнике и обнаруживает себя только умеющим услышать её иногда очень слабый голос и дать ей выход в творчестве.

Мы знаем знаменитое признание Гоголя, который утверждал, что он избавляется от собственных недостатков и других влечений, наделяя ими героев и отщепляя таким образом в своих комических персонажах собственные пороки. Такие же признания засвидетельствованы целым рядом других художников. По свидетельству психоаналитиков, Шекспир и Достоевский потому не сделали преступниками, что изображали убийц в своих произведениях и таким образом изживали свои преступные наклонности. При этом искусство является чем-то вроде терапевтического лечения для художника и одновременно для зрителя — средством уладить конфликт с бессознательным, не впадая в невроз⁴.

Эти признания дорогого стоят... Не может художник создать что-либо значимое, не будучи предельно искренним перед самим собой, не обнажив и не вывернув наизнанку все глубинные, сокровеннейшие закоулки своей души. Наиболее «правильные» и актуальные с позиций здравого смысла умозаключения не могут быть основой для создания по-настоящему художественного произведения, если они не пропущены через глубины собственного переживания. Даже самые «реалистические» шедевры мирового искус-

⁴ «Если потеряны равновесие и гармония души, то следовало танцевать в такт певцу — такой был рецепт их [допифагорейской] врачебной науки.

...опьянение и живость аффектов достигали при этом [в танце] высшего своего напряжения, и бешенствующий обращался в безумного, а ищущий мести упивался этой мезью...

Без стиха человек был ничтожеством, при помощи же стиха он становится почти самим богом» [6, с. 97, 98].

ства, рассчитанные самими авторами, казалось бы, только на рациональное восприятие, именно в силу **врождённого** таланта художника оказываются носителями того самого подсознательного содержания, выраженного в композиционном строе, языке, колорите, ритмике и других формальных проявлениях, позволяющих говорить о неповторимости индивидуального творческого языка автора. Это даёт право отделять их от громадного количества умозрительно таких же по смысловому содержанию, но не «шедевров». В хорошем реалистическом искусстве подсознательное содержание проявляется через наслаждение великолепной формой и подтекстовый эмоциональный образ, но отнюдь не только через смысловое содержание. В противном случае мы будем иметь пусть даже высокопрофессионально исполненное, но «мёртвое» произведение, удовлетворяющее лишь такие же умозрительно-рациональные запросы возможного зрителя или читателя.

«Нецензурность» и неосознанность сексуальных побуждений человека к творчеству, как правило, не дают возможности для приверженного определённым культурным традициям автора выразить их в ясной для сознания форме — в виде смыслового содержания (за исключением эротических и порнографических форм творчества, подвергаемых, как правило, осуждению общественной моралью). Именно поэтому запретные желания при помощи искусства достигают своего удовлетворения опосредованно: в наслаждении художественной формой. Подобно тому, как во сне подавленные желания проявляются в сильно искажённом виде, так же точно в художественном произведении они проявляются замаскированные от цензуры нашего сознания формой.

И вот эта возможность изживать величайшие страсти, которые не нашли себе исхода в нормальной жизни, видимо, и составляет область биофизиологической основы искусства.

Очевидно, что исследовать природу творчества невозможно без анализа этой основы, определяющей выразительные возможности языка искусства, — художественной формы, и истоков появления таких возможностей в психике человека.

Психофизиологическая основа чувства гармонии как определяющего эстетического компонента искусства

Природа не создаёт ничего неоправданного. Если необходим человеку генетический опыт — он есть. Это подсознание. Если стал необходим разум — он и появился,

как инструмент, резко повысивший конкурентоспособность человека в борьбе за биологическое выживание.

Существование человека невозможно без способностей адаптироваться к изменяющейся среде обитания. Обе составляющие человеческой психики — разум и эмоции — являются в своём единстве средством такой адаптации. Причём эмоции здесь — консервативное начало, сохраняющее биологическую суть человека, а разум — инструмент, помогающий приспосабливаться к изменяющимся условиям внешней среды.

Взаимодействие разума и эмоций позволяет человеку гармонически соответствовать среде обитания, не теряя своей биологически предопределённой сути. При любой дезорганизации этого соответствия, либо со стороны природы (стихийные бедствия, землетрясения и прочие катаклизмы), либо со стороны человека (психофизические патологии или отклонения в равновесии между разумом и эмоциями), нарушаются благоприятные условия для его существования, что определяется нами как дисгармония.

Природа существует сама по себе. Она — никакая: ни хорошая и ни плохая. Только в субъективной оценке человека природа наделяется либо хорошими, либо плохими качествами. То, что благоприятно для человека, оценивается им рационально как полезное, а эмоционально — как приятное. И вместе — как **гармоничное**.

Человек и действительность воспринимает одновременно по двум каналам: эмоциональному и рациональному, то есть эмоциями и разумом. Эмоциям приятно или неприятно то, что хорошо или не хорошо по отношению к его генетической памяти, а разуму хорошо или плохо то, что кажется ему полезным или вредным с позиций его прижизненного опыта.

Представьте себе влюблённую девушку. Естественно, её чувства глубоко эмоциональны. Причём, чем более они сильны, тем более глубокий генетический опыт задействован в процессе и тем меньше здравого смысла в её предпочтении. Она полюбила видного из себя красавца. Высокого, сильного, смелого, здорового. А то, что он не окончил и средней школы да ещё, к примеру, в тюрьме сидел, для нашей Джульетты не столь существенно: «Сердцу не прикажешь». Или того круче: «Любовь зла — полюбишь и козла». Мама девушки, как правило (хотя бывают исключения), в него не влюблена и воспринимает парня по естественному в такой ситуации каналу: рационально. Для неё имеет значение, где он работает, из какой семьи, сможет ли материально содержать её дочь. А то, что у него ноги прямые или кривые и пузо висит или поджато — это для неё не столь существенно. Вот тут вам конфликт между эмоциями и разумом — и нет мира в семье.

И, напротив, если дочь полюбила красавца, да он ещё

и нобелевский лауреат, то тут и мама довольна, и гармония в доме.

Напрашивается вывод, что соответствие наших эмоциональных желаний с нашим же здравым смыслом, воспри-

нимаемое нами как глубоко положительное переживание, и является тем, чему человечество дало название «гармония».

Продолжение в следующих номерах.

Список использованных источников

1. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Современ. гуманитар. ин-т, 2001. — 211 с.
2. Дарвин, Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 384 с.
3. Мечников, И. И. Этюды оптимизма / И. И. Мечников. — Москва : Наука, 1964. — 339 с.
4. Милес, К. Разгадка тайны Морфея? / К. Милес // Лит. газ. — 1974. — № 40. — С. 13. — (Из югославской газеты «Виесник»).
5. Морозов, Г. В. Нервные и психические болезни с основами медицинской психологии / Г. В. Морозов, В. А. Ромасенко. — Москва : Медицина, 1976. — 329 с.
6. Ницше, Ф. Весёлая наука: Философская проза / Ф. Ницше ; пер. с нем. А. Николаева. — Санкт-Петербург : ООО «Изд. дом «Кристалл», 2002. — 288 с.
7. Прангишвили, А. Психология: сознание и бессознательное / А. Прангишвили // Лит. газ. — 1977. — № 48. — С. 13.
8. Фролов, Б. А. Откуда пошло искусство? / Б. А. Фролов // Атеистические чтения. — Москва, 1976. — Вып. 8. — С. 30–44.

Материал поступил в редакцию 16.12.2016 г.

Сведения об авторе: *Бабуров Владимир Филиппович, ювелир, эмальер, график, скульптор, член Союза художников России.*
Контактные данные: e-mail: *baburov.vf@mail.ru*; тел. *8-962-501-09-40*.

КИРПИЧЕНКО ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СУДЬБЕ ПЕТРА ПРОСКУРИНА

Статья посвящена началу творческого пути известного советского и российского писателя П. Л. Проскурина, годам его жизни на Дальнем Востоке. Автор называет первые произведения Петра Лукича, их темы, перечисляет периодические издания, публиковавшие на своих страницах дальневосточные рассказы и романы прозаика. Приводятся воспоминания Проскурина, относящиеся к этому периоду творчества.

Ключевые слова: Пётр Проскурин, Дальний Восток, Камчатка, Хабаровск, Сергей Рослый, журнал «Дальний Восток», «Тайга», «Корни обнажаются в бурю», «Горькие травы».

Keywords: Peter Proskurin, Far East, Kamchatka, Khabarovsk, Sergey Rosly, magazine "Far East", "Taiga", "Roots are exposed in a storm", "Bitter grass".

Признание в том, что писателем его сделал Дальний Восток, вслед за Александром Фадеевым, пожалуй, мог сделать и Пётр Проскурин, автор знаменитой трилогии — романов «Судьба», «Любовь земная» и «Отречение», лауреат Государственных премий СССР и РСФСР за сценарии всенародно любимых фильмов «Любовь земная» и «Судьба».

*П. Л. Проскурин.
Москва, 1963 год.*

Имя П. Л. Проскурина хорошо знакомо российскому старшему поколению, его книгами зачитывались. Признан он был и официальными литературоведами и критиками. За свои романы Пётр Проскурин был награждён престижными литературными премиями: Международной имени М. А. Шолохова (1999), имени Александра Невского (2002), имени В. К. Тредиаковского (1998), имени Дмитрия Кедрина (1998), имени Льва Толстого (1995) и многими другими. Герой Социалистического Труда (1988), кавалер орденов и медалей, Проскурин был знаменит в нашей стране. Но немногие знали, что первые шаги на литературном поприще популярный писатель сделал на Дальнем Востоке.

Родился Пётр Проскурин в 1928 году в небольшом посёлке Брянской области. Он часто вспоминал трудное и голодное военное детство на оккупированной фашистами Брянщине, сложные обстоятельства послевоенной жизни, тяготы сельского труда в местном колхозе. Пётр Лукич любил родные места, но жить в селе, где все помнили о предательстве его отца, который во время немецкой оккупации служил старостой, а потом ушёл с немцами во время отступления, ему не хотелось. Поэтому после службы в армии Проскурин уехал на Дальний Восток. В те годы в стране был организован набор рабочей силы для освоения слабозаселённых территорий. Изучив список мест, куда требовались рабочие, он выбрал самое отдалённое — Камчатку, хотя минутой ранее ни о какой Камчатке и не помышлял.

«Поехал так наугад и влюбился в эту землю», — писал П. Проскурин [2, с. 75]. В 1954 году будущий писатель оказался на далёком полуострове, где работал сплавщиком, лесорубом, шофёром. Самое большое потрясение он испытал от северной природы Камчатки. Спустя много лет Пётр Лукич так вспоминал об этом в журнале «Юность»: «Прекрасна природа Дальнего Востока, а моя Камчатка просто невероятна. О ней, о непостижимой Камчатке, я написал повесть «Тайга». Сейчас я работаю над новой книгой «Словом не убий». Это автобиографический роман, где очень много сказано о Дальнем Востоке, о Камчатке, о тех людях, которые не потускнеют для меня никогда. Это всё живёт во мне, и впечатления, мотивы моей дальневосточной эпопеи до сих пор прорываются на страницы рукописей. И до сих пор моя мечта: проехать по тем давнишним, дорогим мне дорогам...» [2].

Три года он работал на Камчатке. В свободное время писал стихи, рассказы. А в конце 1957 года он впервые появился в Хабаровске.

Именно этот город стал для начинающего автора тем местом, где его поддержали. В своей автобиографической книге «Порог любви. Повесть встреч и дорог» он вспоминает, как решил проездом с Камчатки несколько дней «отдохнуть, погулять, познакомиться с городом». «Но после разгульной недели мне смертельно хотелось писать. Возможно, я поэтому сразу и не ринулся дальше в дорогу на свою Брянщину и несколько дней мучился над рассказами, и вот эти несколько дней и повернули круто мою судьбу» [3, с. 600]. В канун нового 1958 года Проскурин, наконец, решился зайти в редакцию журнала «Дальний Восток» с тщательно перепечатанной рукописью своих рассказов. Эти первые опыты попали в руки редактора Сергея Леонтьевича Рослого, который поверил в его талант и поддержал молодого автора, сумел убедить в этом других и в редакциях газеты «Тихоокеанская звезда» и журнала «Дальний Восток», и в Хабаровском комитете радиовещания. «Необходимый толчок был совершён, — писал П. Проскурин, — и ком покатился, обрастая новыми слоями и утяжеляясь... В один из дней газета «Тихоокеанская звезда» вышла с первым моим рассказом «Цена хлеба» и Сергей Леонтьевич, счастливый не менее, чем сам автор рассказа, улыбаясь, говорил: Ну вот, лиха беда начало...» [3, с. 603].

Жена Проскурина Лилиана Рустамовна Агишева, дочь хабаровского писателя Р. К. Агишева, журналистка и писатель, в своей автобиографической книге «Вселенная летит со скоростью любви» вспоминает, каким был литературный Хабаровск, когда там появился Пётр Проскурин. В эти годы здесь проявило себя много талантливых молодых литераторов, в основном приезжих: Борис Можаев, Римма Казакова,

Пётр Проскурин со своей женой Лилианой Агишевой на Камчатке, 1980-е годы.

Игорь Золотусский, Анатолий Ткаченко, чуть ранее Николай Шундик, прогремевший на всю страну своим «Быстроногим оленем». Все они, кто раньше, кто позже, уехали с Дальнего Востока, но оставались в Хабаровске свои молодые таланты: Александр Грачёв, Степан Смоляков, Николай Наволочкин, Павел Халов, Григорий Ходжер, Андрей Пассар, Владимир Клипель, Михаил Асламов, Вячеслав Сукачёв, Людмила Миланич и другие. Были и мэтры: Виктор Александровский, Николай Рогаль, Юлия Шестакова, Андрей Пришвин. И среди них особое место занимал вернувшийся из эмиграции, потому что не мыслил себя без России, писатель Всеволод Никанорович Иванов — блестящий публицист, его перу принадлежит лучшее исследование о Рерихе, философ, человек, общавшийся с Чан Кайши, владевший несколькими языками, знавший Вертинского и Шаляпина. Л. Р. Агишева пишет: «Помню, как пытливо и строго, ненавязчиво и неотпускающе присматривался Иванов к только что появившемуся у нас, в Хабаровске Петру Проскурину. Длинный, нескладный, очень худой, в вытертом до ржавости долгополом, чёрном пальто, на все времена года и случаи жизни, застенчивый до грубости Проскурин трудно входил в хабаровскую жизнь. Таёжные камчатские рассказы его один за другим появлялись в краевой газете, о нём всё чаще говорили, как о таланте-самородке, но сам Проскурин приживался в новой для него среде литераторов очень тяжело. Чуткостью большого умного сердца Иванов угадал в угловатом парне обещание таланта» [1, с. 171].

При поддержке Вс. Н. Иванова и С. Л. Рослого, который настойчиво рекомендовал Петру Проскурину закончить

роман, начатый ещё на Камчатке, молодой автор взялся за работу. Вспоминаю, как трудился над своим первым романом, он писал: «Шло лето 1958 года; было пыльно, ветрено и жарко, и я при первой же возможности уходил к Амуру, в парк или уезжал на другой берег, где в чаще тальника, привольно разросшегося на наносных песках, можно было найти тень и даже уединение; именно в это время я решил пойти ва-банк и, последовав совету Сергея Леонтьевича Рослого, корпел над завершением романа; кроме того, чтобы иметь возможность как-то жить, писал попутно рассказ за рассказом; правда, это уже по ночам, так сказать, в свободное от основной работы время. В основном я писал в то время ночами и ложился часа в три-четыре утра и часто, когда работа не шла, отправлялся бродить по ночному городу и иногда встречал рассвет над Амуром, на скамейке в парке, или на днище опрокинутой лодки, а то и просто на утёсе...» [3, с. 603–604].

«Вот с этого, я считаю, и начался мой литературный путь. Дальний Восток, Камчатка дали мне необычайно значительные для писателя встречи с неординарными людьми — ведь в такие отдалённые места попадают необычные люди, беспокойные» [2].

В 1958 году в газете «Тихоокеанская звезда» были опубликованы рассказы П. Проскурина «Залом» и «Таёжная песня». Следом и журнал «Дальний Восток» напечатал рассказы, в которых отражались новые жизненные впечатления от встреч с интересными людьми и от Камчатки с её удивительной природой. А затем в этом же журнале появился и роман молодого писателя «Корни обнажаются в бурю» о жизни камчатских лесорубов, главная мысль которого выражена в словах автора: «Буря обнажает не только высокую истинность настоящего характера, но и поражённые червоточиной души».

В Хабаровске же в 1960 году вышла в свет и первая книга Петра Проскурина — роман «Глубокие раны». А в 1964-м она была уже переиздана. Это книга о первом годе Великой Отечественной войны, о борьбе непокорённого народа на территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками.

В 1960 году в Москве издали небольшую книжечку рассказов П. Проскурина «Таёжная песня», а уже на следующий год Хабаровское книжное издательство выпустило сборник рассказов и повестей «Цена хлеба». Герои П. Л. Проскурина — геологи и лесорубы, сплавщики и строители, простые люди, нередко с яркими, сильными характерами, судьбой заброшенные в самые далёкие и суровые уголки страны. Эти первые публикации стали актом настоящего признания таланта начинающего писателя.

По рекомендации Хабаровской писательской организа-

ции П. Л. Проскурин был принят в Союз писателей РСФСР, правлением которого было рекомендовано направить его, как не имеющего даже семилетнего образования, на двухгодичные Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького в Москве [1, с. 115].

Учась на литературных курсах, Пётр Проскурин продолжал писать задуманный в Хабаровске новый роман «Горькие травы». В нём автор рассказал о первых десяти годах жизни страны после Великой Отечественной войны, описал трудные судьбы людей, вернувшихся с фронтов, из партизанских отрядов, плена и восстанавливавших разрушенные войной хозяйства центральных областей России. Роман впервые был издан в 1964 году в журнале «Сибирские огни».

Окончив Высшие литературные курсы, П. Л. Проскурин задумался о переезде в Центральную Россию. «Мне стукнуло тридцать шесть лет, — писал он, — было уже написано три романа, много рассказов, но по тематике всё больше намечался крен в сторону исконной срединной России, с её болью и неурядицами, которых после войны не убавилось. Для меня что-то главное должно было решиться именно здесь, и я пока ещё смутно чувствовал это, и, хотя первые наброски, заметки к романам «Судьба» и «Имя твоё» относятся ещё к 1961 году, я уже понимал, что в отрыве от Центральной России такого романа, тогда объединённого в одно название «Тень», я не подниму» [3, с. 611].

Вернувшись в Хабаровск, Пётр Лукич решил перебраться с Дальнего Востока в Орёл, где ему выделили трёхкомнатную квартиру, ведь к этому времени в его семье уже было двое детей. «...Не так просто было рвать с Хабаровском, с Амуром, где началась твоя литературная судьба, где родились дети, где люди во многом иные, ближе друг к другу и к природе, чем, допустим, в городах по эту сторону Волги», — читаем мы [3, с. 612]. Переезд состоялся, и на Дальний Восток теперь П. Л. Проскурин прилетал изредка по делам.

«Как-то, соскучившись по молодости, отмахнувшись от всех неотложных и необходимых дел, имеющих особенность прибавляться и прибавляться, мы с женой решили поехать, вернее, улететь в Хабаровск. Я очень соскучился по Амуру; щемящее чувство грусти и даже растерянности перед мгновенно пролетающим временем, перед тем, что люди стареют, а город остаётся всё тем же или, наоборот, молодеет, сразу же охватило меня... Действительно, стало как-то странно и не по себе: вчера только, кажется, ходил в начинающих, подающих надежды, а вот уже и за пятьдесят перевалило, и дети взрослые, а только всё кажется, что главное так и не сделано», — вспоминал писатель [3, с. 593].

В Хабаровске, городе счастливой молодости, его тепло

Пётр Проскурин (второй слева) стал участником Дней советской литературы на Дальнем Востоке. Николаевск-на-Амуре, 1982 год.

встретили друзья и добрые знакомые. «Старый, испытанный друг, человек редчайшего дружелюбия и оптимизма Виктор Николаевич Александровский — секретарь отделения Союза писателей, встретил нас на аэродроме и привёз в гостиницу «Дальний Восток»... Почти сразу же пришёл Николай Митрофанович Рогаль — ныне уже давно покойный, а тогда — редактор журнала «Дальний Восток» — человек в литературной жизни Хабаровска и всего Дальнего Востока совершенно уникальный — без него эту жизнь невозможно представить», — писал П. Л. Проскурин [3, с. 593].

Они сидели за столом, вспоминали прошедшие годы, друзей и знакомых. Пётр Лукич вышел из гостиницы на пустынную Комсомольскую площадь уже ночью, почти двенадцать. И нахлынули воспоминания, стала проступать уже полузабытая жизнь, окружили тени множества людей. И тех, что родились здесь в его воображении и стали героями первых рассказов, повестей и романов, и тех, с кем свела его жизнь на берегах Амура, кто оставил глубокий след в его душе, стал образцом в отношении к жизни.

«В эти дни, казалось бы, бесцельных блужданий по знакомым улицам и набережным, город на Амуре стал для меня по многим причинам ещё дороже. Здесь я не только получил как литератор профессиональную помощь и стал, по сути дела, впервые публиковаться, здесь я женился, здесь родились сын и дочь. И здесь я оказался приобщён душою к подлинному чувству русской истории, к её неисчерпаемому, сказочному богатству» [3, с. 599].

Прожив много лет в Москве, П. Л. Проскурин никогда не забывал Дальний Восток. Насколько глубокий след в его жизни оставили наши северные края, говорит хотя бы тот факт, что, работая над романом «Судьба», монументаль-

ным произведением, отображающим несколько десятилетий советской истории, писатель, почувствовав огромную усталость от процесса медленной и мучительной работы, забросил роман. «И вот теперь, уже через много лет... ко мне вернулось неповторимое ощущение далёкой камчатской, таёжной ночи, беспредельность жизни, ощущение ежеминутного риска...

За месяц я написал повесть «Тайга» о пропавших в сопках миллионах; когда поставил последнюю точку в повести, сразу пришло и завершение «Судьбы»; многие узлы и ситуации романа стали на свои места естественно и просто, и я только недоумевал, как этого не видел раньше» [3, с. 522].

Годы жизни на Дальнем Востоке были очень плодотворными для писателя. Здесь опубликованы его первые

произведения, написаны многие рассказы, романы и повести, которые позднее вошли во все собрания сочинений П. Л. Проскурина как образец его раннего творчества.

Чтобы напомнить молодым читателям о талантливом русском писателе Петре Лукиче Проскурине, истинном патриоте своей Родины, показать значимость и актуальность его творчества, Центральная городская библиотека имени П. Л. Проскурина города Брянска с 2013 года начала проводить Межрегиональные Проскуринские чтения. Это необычный литературный проект. Каждый год чтения проводятся в тех местах, где жил и писал свои книги П. Л. Проскурин. В январе 2017 года V Проскуринские чтения проходили в Дальневосточной государственной научной библиотеке (г. Хабаровск), в городе, который стал знаковым в судьбе замечательного советского и российского писателя.

Приложение

Книги, написанные П. Л. Проскуриным на Дальнем Востоке и о Дальнем Востоке (первые издания)

1. Глубокие раны : роман. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1960. — 416 с. : ил.
2. Таёжная песня : рассказы. — Москва : Совет. Россия, 1960. — 40 с. : ил. — (Короткие повести и рассказы).
3. Цена хлеба : рассказы и повести. — Хабаровск : Кн. изд-во. — 1961. — 167 с. : ил.
4. Корни обнажаются в бурю : роман. — Москва : Совет. писатель, 1962. — 284 с.
5. Роса на рельсах : [рассказы] — Хабаровск : Кн. изд-во, 1962. — 94 с. — (Б-чка дальневост. рассказа).
6. Горькие травы : роман. — Москва : Совет. писатель, 1964. — 524 с. : ил.
7. Тихий, тихий звон : повесть, рассказы. — Москва : Профиздат, 1970. — 240 с.
8. Черта : повести и рассказы. — Москва : Современник, 1972. — 367 с. : ил.
9. Тайга : повесть. — Москва : Современник, 1985. — 61 с.

Список использованных источников

1. Гвоздева-Проскурина, А. Вселенная летит со скоростью любви : (книга жизни) / А. Гвоздева-Проскурина. — Москва : [б. и.], 2010. — 210 с.
2. Проскурин, П. Моя Камчатка просто невероятна... / П. Проскурин // Юность. — 1982. — № 10. — С. 75.
3. Проскурин, П. Порог любви : повести / П. Проскурин. — Москва : Совет. писатель, 1986. — 637 с.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 23.05.2017 г.

Сведения об авторе: Кирпиченко Татьяна Васильевна, заслуженный работник культуры РФ, главный библиотекарь Центра информационно-библиографического обслуживания, библиографии и краеведения Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: tanya.kirpichenko@yandex.ru; тел. 8-924-292-19-17.

ВОЛКОТРУБОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

БУМАЖНАЯ КНИГА — ПРИМЕТА БУДУЩЕГО

В статье рассказывается о знаковом региональном событии в области книгоиздания — V Краевой книжной выставке-ярмарке «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития». Названы программные мероприятия, подробно освещена работа круглого стола «Тенденции и перспективы развития литературного процесса в Хабаровском крае», обозначены болевые моменты отрасли, приведены мнения участников.

Ключевые слова: краевая книжная выставка-ярмарка, ДВГНБ, научное книгоиздание, Хабаровский край.

Keywords: regional book exhibition-fair, FESSL, scientific book publishing, Khabarovsk region.

В Дальневосточной государственной научной библиотеке 23–24 марта 2017 года прошла V Краевая книжная выставка-ярмарка «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития», посвящённая Году экологии.

Её организаторами стали министерство культуры Хабаровского края и Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ). Соорганизаторами выступили крупнейшие вузы края: Тихоокеанский государственный университет и Хабаровский государственный университет экономики и права.

Свои издательские проекты (а это 1 080 книг) представили 34 участника, из них 30 издательских центров и издательств и 4 автора. Это: Хабаровская краевая типография, издательские дома «Частная коллекция», «Арно», издательство Хворова А. Ю., Дальневосточное аэрогеодезическое предприятие, учреждения образования, науки, культуры, архивного дела, общественные организации из Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре, Магадана, Хабаровска.

Заведующий библиографическим отделом Магаданской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина Н. О. Старикова.

Все желающие могли в эти дни ознакомиться с лучшими образцами интеллектуальной литературы, выпущенной в 2014–2017 годах, встретиться с известными учёными, издателями, писателями, журналистами, краеведами.

Помимо презентаций наиболее ярких издательских проектов, в рамках выставки-ярмарки состоялись лекции известных учёных, автограф-сессии с участием дальневосточных авторов, экспозиция изданий, посвящённая Году экологии в России, выставка документов из фонда Государственного архива Хабаровского края, приуроченная к юбилею Комсомольска-на-Амуре, и торжественная церемония чествования дарителей научных изданий в фонд ДВГНБ.

Мнение участника: **Т. И. Ивашкина, и. о. главного редактора редакционно-издательского отдела Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета:** «Участие в выставке-ярмарке, которая проходила 23–24 марта, для нашего редакционно-издательского отдела явилось ярким событием. Во всех выступлениях, высказываниях неоднократно звучали слова о незаменимости, значимости бумажной книги в современных условиях, и почувствовалась необходимость обсуждения данной проблемы для сохранения и приумножения культуры в целом. Эта мысль прозвучала как одна из главных на конференции. Будущее у бумажной книги есть! И мы считаем, что такие мероприятия необходимы».

Немного истории

Первая краевая выставка-ярмарка, представившая объёмную панораму научного книгоиздания в Хабаровском крае, прошла в 2005 году. Инициатива в её проведении исходила от сотрудников ДВГНБ, по роду своей деятельности изучающих развитие и состояние этой отрасли экономики региона. До сей поры ничего подобного у нас в городе не проходило! Библиотека представила свои площадки для всех желающих экспонентов, выступила координатором презентаций, пригласила гостей, в том числе и из других регионов, тем самым дав возможность авторам, книгоиздателям и читателям встретиться и пообщаться. И проект пошёл! Он действительно стал необходим и востребован.

С тех пор каждые три года в Хабаровском крае проводится своя книгоиздательская выставка.

Мнение участника: **А. В. Пасмурцев, главный редактор журнала «Мой университет» (ТОГУ):** «Книжная выставка-ярмарка, которая прошла 23–24 марта 2017 года в ДВГНБ, очень важна тем, что это интересная и важная площадка для общения тех, кто создаёт и выпускает книжную продукцию. Приятно удивили многие коллеги-энтузиасты, которые в сложнейших финансовых условиях продолжают

выпускать нужные и важные книги. Это относится прежде всего к Издательскому дому «Частная коллекция», который возглавляет Виктор Петрович Буря, к книгоиздательской работе, которую в ЕАО проводит Валерий Соломонович Гуревич, а в Хабаровске — издатель Александр Юрьевич Хворов, да и многие другие. Лично для меня открытием стала плодотворнейшая деятельность государственных и особенно частных издательств Магадана, обилие выпускаемой ими очень нужной сегодня высокоинтеллектуальной краеведческой и мемуарной литературы».

С 2011 года появилась традиция присваивать иногородним участникам статус почётных гостей. Тогда ими стала делегация деятелей культуры под эгидой Комитета по культуре правительства Санкт-Петербурга. Почётными гостями юбилейной V выставки-ярмарки были названы представители Магаданской области, впервые представившие репертуар печатной продукции, Еврейской автономной области и Комсомольска-на-Амуре.

Заведующий сектором научного использования документов Государственного архива Хабаровского края Л. В. Салеева.

Мнение участника: **В. С. Гуревич, заведующий лабораторией истории еврейской культуры и еврейского миграционного движения Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН:** «Наш институт уже второй раз принял участие в работе краевой выставки-ярмарки, представив, помимо своих издаваемых научных журналов и работ, также работы Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, Издательского дома «Биробиджан» и ряда общественных организаций Еврейской автономной области.

На мой взгляд, было бы целесообразным правительству Хабаровского края войти с предложением в Министерст-

во культуры РФ и Полпредство Президента РФ в ДФО о придании в последующем этой выставке-ярмарке статуса дальневосточной, с привлечением к участию в ней всех регионов Дальневосточного федерального округа, что позволит обеспечить обмен передовым опытом работы в этом направлении».

Изюминкой нынешнего мероприятия стало проведение в его рамках круглого стола «Тенденции и перспективы развития литературного процесса в Хабаровском крае».

Хабаровский край: литературный срез

Участниками открытого диалога, посвящённого особенностям и болевым точкам литературного процесса в регионе, стали Александра Николашина и Тамара Савельева, главный редактор и редактор отдела прозы российского литературного журнала «Дальний Восток»; Ирина Филаткина, научный сотрудник ДВГНБ; Александр Пасмурцев, главный редактор журнала «Мой университет» (ТОГУ); Марина Балашова, заведующий отделом краеведения ДВГНБ; Виктор Буря, главный редактор Издательского дома «Частная коллекция»; Александр Хворов, издатель; Наталья Гребенюкова, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова; Владимир Иванов-Ордашев, публицист, и другие.

М. Л. Балашова привела неутешительные цифры: за последние три года лишь 3–4% из всего количества обязательных экземпляров книг, предоставленных в ДВГНБ краевыми издателями, приходится на художественную литературу. Для примера: 37% — книги технической направленности, 39% — общественно-политической, 18% посвящены культуре. Больше всего изданий сегодня поступает от вузовских издательств (лидирует здесь ТОГУ), много выходит самиздатовской литературы.

Конечно, в настоящее время, как никогда остро, стоит финансовый вопрос, и кто может его решить, тот и продолжает книгоиздательскую деятельность и зачастую выпускает в свет, мягко говоря, не совсем качественный продукт.

— Сегодня всё буквально заполнено низкокачественной и низкопробной литературой, — рассказывает Т. Н. Савельева, — просто какое-то засилье книг без редактур, корректуры, демонстрирующих очень плохое знание авторами элементарного русского языка!

Кстати, А. Ю. Хворов также коснулся этого болезненного момента, но с другой стороны: он отметил низкую подготовку (либо её отсутствие) полиграфических кадров, отчего страдает качество книгоиздания, и привёл свежие

Редактор отдела прозы Т. Н. Савельева и главный редактор журнала «Дальний Восток» А. В. Николашина.

примеры — одну из книг Владимира Иванова-Ордашева и монографию Марии Буриловой.

Вариантом выхода из финансовых затруднений может стать поиск иностранных партнёров. Именно это было предложено другим участником круглого стола, А. В. Пасмурцевым. По просьбе собравшихся он подробно остановился на интересном издательском проекте ТОГУ — «Литературном альманахе», в котором публикуются не только талантливые студенты и преподаватели политеха, но и школьники, а также одарённая молодёжь из других городов.

Как позже в приватной беседе отметила Тамара Савельева, этот альманах мог бы стать основой будущего краевого издания для детей и юношества, которого так не хватает сегодня в культурной жизни региона.

Участниками круглого стола единодушно было отмечено, что в настоящее время литература выходит за рамки территорий, её тоже захватил процесс глобализации. А. В. Николашина подчеркнула неуместность деления литературы на региональную и всероссийскую, есть хорошая и плохая литература.

Сегодня необходимо делать ставку на новых авторов и новые жанры, как, например, это делает редакция журнала «Дальний Восток» (кстати, презентация новых номеров 2 и 3 журнала во второй день выставки-ярмарки вызвала тёплые отклики).

— Такие дискуссии, которые собирают вместе авторов, издателей, полиграфистов, крайне необходимы, — делится впечатлениями Т. Н. Савельева. — Они дают возможность высказать взаимные претензии и... увидеть широкий диапазон, весь процесс появления печатного продукта в целом, а не замыкаться только на своём; найти точки соприкосновения и выстроить общий вектор движения.

Книга, бумажная книга

Так или иначе, на площадке V Краевой книжной выставки-ярмарки звучал вопрос и чувствовались некоторые сомнения в прежней востребованности традиционной книги в электронный век, в эпоху Интернета...

Как отметила в своём приветственном слове Татьяна Якуба, генеральный директор ДВГНБ, по данным Российской книжной палаты, наблюдается отрицательная тенденция — падение суммарных тиражей книг, связанное со снижением спроса на них. Нет, мы не стали меньше читать, просто мы стали делать это по-другому (по крайней мере, часть из нас). Кто не видел в общественном транспорте в утренний час-пик пассажиров, читающих с экранов различных электронных устройств? Да, это не всегда тексты книг, но и они попадают. С другой стороны, кто не слышал о набирающем всё большие обороты движении «буккроссинг»? В Хабаровске есть несколько полок и шкафов, откуда каждый желающий может взять любую понравившуюся бумажную книгу. Здесь соседствуют Фицджеральд и Лондон, Горький и Драйзер и многие другие классики разных эпох и стран... С одного такого шкафа я прошлым летом взяла сборник научно-фантастических романов Кларка и Азимова — так вот, там герои, живущие в середине XXI века, читают бумажные книжки... Лично мне импонирует мнение, что в далёком будущем книга станет настолько редкой и ценной, что вернёт себе статус лучшего подарка.

Мнение участника: **В. Б. Ампилогова, директор Магаданской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина:** «Отрадно, что подобных мероприятий год от года становится всё больше. Тема выставки-ярмарки

Главный специалист отдела общего образования министерства образования и науки Хабаровского края В. А. Ончукова представляет первый негидальский букварь.

выразила актуальность и злободневность мероприятия. Что касается будущего бумажной книги, скажу коротко и емко: «Будущее однозначно имеет место быть!» Пусть непростое будущее, но оттого — интригующее, замысловатое, как сюжет увлекательной, но ещё не написанной книги, интерес к которой не ослабевает с годами».

Издания же, презентация которых состоялась в наше время, 23–24 марта, без сомнения, порадовали всех посетителей выставки-ярмарки и содержанием, и исполнением. Среди них: «Первый художественный музей на Дальнем Востоке России (1901–1941 гг.)» и «Рассказы нашего музея» (оба проекта приурочены к 85-летию Дальневосточного художественного музея, которое широко отмечалось в октябре 2016 г.); первый негидальский букварь; «Декоративно-прикладное искусство айнов: очерки о духовной культуре»; сборники архивных документов Государственного архива Хабаровского края «Николаевск-на-Амуре. Страницы истории» (2015) и «БАМ: через годы, через расстояния...» (2014); книга В. Кялундзюга и Н. Кимонко «Мир хозяина воды Лунгиэ» (в декабре 2016 года этот проект был отмечен премией губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства) и другие. Также собравшимся свои издательские проекты представили Тихоокеанский государственный университет, Хабаровский государственный университет экономики и права, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет и зоосад «Приамурский» им. В. П. Сысоева. Об издательской деятельности в своих регионах рассказали заведующий библиографическим отделом

Магаданской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина Н. О. Старикова и заведующий лабораторией истории еврейской культуры и еврейского миграционного движения Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН В. С. Гуревич.

Мнение участника: **Ю. В. Потехина, директор библиотеки Хабаровского государственного университета экономики и права:** «Все мы — люди книжной культуры. Сколько удивительного я узнала об уникальных изданиях, авторах и событиях, о процессе рождения Книги, о нашей дальневосточной природе, проблемах её сохранения... Абсолютно все выступающие были для меня открытием самых удивительных вещей, главное из которых — КНИГА, не потерявшая в наш век электронной и экранной культуры своей духовности, интимности, многомерности и интерактивности. Именно поэтому она органично живёт и будет жить в среде электронных коммуникаций, оставаясь любимой и востребованной молодёжью. А в этом можете быть уверены — мы изучаем мнение своих студентов».

Осталось только добавить, что из всех, более чем тысячи изданий, представленных в рамках V Краевой книжной выставки-ярмарки «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития» порядка 300 книг в торжественной обстановке были подарены Дальневосточной государственной научной библиотеке. И теперь они доступны для всех желающих... Желающих прочитать бумажную книгу и узнать немного больше о родном крае.

*Фотографии из архива ДВГНБ.
Материал поступил в редакцию 28.03.2017 г.*

Сведения об авторе: Волкотрубова Ольга Николаевна, главный редактор Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

ФЕОКТИСТОВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА

МОСКОВСКИЕ РОДНИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВОЕНКОРА СЕРГЕЯ ФЕОКТИСТОВА

Настоящий библиографический очерк, подготовленный дочерью поэта, посвящён 75-летию Победы Красной армии под Москвой (1941–1942) в годы Великой Отечественной войны и влиянию этого исторического события на политический и творческий рост дальневосточного военкора — политрука Сергея Георгиевича Феоктистова (1913–1999).

Ключевые слова: Сергей Феоктистов, Великая Отечественная война, Москва, Дальний Восток, дальневосточные поэты, газета «Тревога».

Keywords: Sergey Feoktistov, The Great Patriotic War, Moscow, Far East, Far Eastern poets, The newspaper "Trevoga".

Сегодня, когда мало кто из молодых знает историю своей страны, а старшее поколение ещё помнит события тех военных лет, знакомство и встреча с творчеством спецкора газеты Дальневосточного фронта «Тревога», летописца-репортёра исторических событий, могут послужить развитию гражданского самосознания и патриотической гордости дальневосточников, раскрыть солдатский подвиг земляков-амурцев, участников Великой Отечественной войны, укрепить связи поколений — защитников дальних рубежей нашей Родины.

Сергей Феоктистов выступает перед пограничниками.

Часть 1. Юность поэта

Священно-трепетное отношение к Москве, столице русского государства, каждый россиянин впитывает с молоком матери. Песенки в детском саду и на школьных праздниках, первые картинки и стишки в букваре формируют мечту побывать в Москве, увидеть Кремль и Красную площадь. Все подростки стремятся подняться на Поклонную гору, преклонить колени перед подвигом защитников столицы в Великой Отечественной войне...

Учащийся подмосковного Егорьевска Сергей Феоктистов был пятым сыном из одиннадцати детей шумного

семейства. С детства он собирал стихи о Москве в толстую тетрадку так же, как школьники коллекционируют картинки о своей мечте. Став студентом педагогического техникума, старательно писал в стенгазету свои песни о краснозвёздной столице. Во время педагогической практики в школе ликвидации безграмотности (ликбез) рабочих Коломенского паровозного завода юный романтик Феоктистов посещал субботние занятия в секции рабочих поэтов. Московский руководитель кружка «Поэты — ударники первой пятилетки» Михаил Светлов наставлял «поэтов от станка» слышать не только собственное сердцебиение и дыхание весны. Он заточивал творчество юных стихотворцев на пульс большой державы, строящей социализм. Это судьбоносная встреча со всесоюзным комсомольским запевалой надолго определила темы стихов и песен Сергея Феоктистова, а первые публикации в районных и московских комсомольских газетах стимулировали настойчивость и честолюбие студента-филолога («Песнь о первой трактористке», 1931).

Рабочие планы сельского учителя литературы, поездки рязанских школьников по Подмосковию с праздничными концертами, сочинения выпускников с. Ильинка посвящались столице, о которой грезили все деревенские мечтатели.

И директорская, и корреспондентская работа активиста С. Феоктистова всюду и всегда равнялась на звёзды Московского Кремля.

Призыв в Красную армию (1935), в Военную школу морских лётчиков и лётчиков-наблюдателей ВВС РККА им. Сталина в Ейске [с 2004 г. — Ейское высшее военное авиационное ордена Ленина училище имени дважды Героя Советского Союза лётчика-космонавта СССР В. М. Комарова, ныне не существует], не изменил мечтаний поэта-самородка, лишь мобилизовал поэтические устремления С. Феоктистова. Ейское училище курировал сам вождь, и в элитное аэроучилище Краснодарского края направлялись самые подготовленные и закалённые юноши.

Сначала над сельским учителем Феоктистовым в училище посмеивались за «распевный говор москаля». Но педагогическая и физическая подготовка курсанта, его музыкальные и литературные способности скоро укрепили «авторитет московского запевалы»: его куплеты, песни и частушки становились ротными запевками и речёвками. «Москвича» ввели в ансамбль училища «Аэроджаз» для подготовки сценариев и стихов к окружным и столичным художественным смотрам.

Город горит в знамёнах,
Как за рекой закат.
Строит страна колонны
На боевой парад:
— Слушай, моя держава!

Слушай, моя земля!
 — Смирно! Равнение направо!
 Маршал идёт из Кремля!..
 С гулом стальные птицы
 Кружатся над Москвой —
 В крепких руках границы.
 Люди готовы в бой...
 («Парад», 1936.)

По субботам Сергея Феоктистова, ответственного за литературную программу ансамбля, командировали на окружные семинары политработников, чтобы курсант-филолог сочинял «правильные стихи и ответственные песни, посвящённые столице». Будущий штурман слагал куплеты увлечённо и вдохновенно, талантливо и быстро:

— Боевая, грозная,
 Сила краснозвёздная,
 Сталинская гвардия,
 Вперёд, вперед!!!

Стихи курсанта С. Феоктистова печатали многотиражка училища «Лётчик-Сталинец», районная и окружная газеты, его награждали денежными премиями.

Её краснокрылые птицы
 Просторы страны берегут,
 Спокойствие нашей границы
 И песни, и радость, и труд!
 («Родине смелых», 1936.)

А после окончания Военной школы стихи лейтенанта-авиатора Сергея Феоктистова появились в поэтических краевых сборниках и московских журналах («Наша юность», 1937; «Культработа в РККА», 1937; «Красный кавалерист», 1938; «Краснофлотское творчество», 1939; «О Ленине», 1939).

Отличник элитного военного училища стал инструктором Харьковского высшего военного авиационного училища лётчиков им. С. И. Грицевца [ныне — Харьковский национальный университет Воздушных Сил им. И. Кожедуба], где между полётами вдохновенно писал стихи о священном долге пограничников в небесах, на земле и на море, о Красной армии и о краснозвёздной Москве. Героями стихов комсомольского поэта были его современники — лётчики, рекордсмены сверхдальних перелётов:

...Сквозь снежные хлопья буранов,
 Сквозь грозную тьму облаков
 Повёл корабли Водопьянов
 За тайной арктических льдов.
 Под нами сурово и строго
 Легли ледяные поля,
 Им путь освещали в дороге
 Горячие звёзды Кремля...
 («Песня о героях полюса», 1937.)

В чёрные времена рыковских и ежёвских чисток, в ответственные дни конфликтов на западной границе, напряжённых вахт и ночных дежурств лейтенант Сергей Феоктистов искренне верил программе партии: «Подготовить 100 тысяч краснозвёздных орлов на охрану границ, готовых к выполнению любого задания Родины».

...Лежат недоступно границы,
 Шумят урожаем поля.
 И ярко горят над столицей
 Чудесные звёзды Кремля...
 («Песня пилота», 1937.)

С поющей романтической музой поэт-штурман покорял воздушные высоты, завоёвывал сердца молодых аэронавтов, сверял их маршруты по огням кремлёвских окон, посвящал свои рекорды матери и любимой:

...И если границы наши
 Нарушат враги войной,
 Я первым пойду бесстрашно
 В опасный, последний бой...
 В родной и любимой столице,
 Где звёзды-рубины горят.
 Я зорко стою на границе,
 Моя дорогая мать!
 («Стихи о матери», 1938.)

Воин-педагог подчёркивал преемственность военных традиций и династий, передающих эстафету защитников Отечества следующим поколениям и призывам:

Ты прошёл сквозь суровые годы
 Под горячей свинцовой пургой,
 Ты устал от военных походов,
 Ты седеешь, мой друг дорогой.
 Старший сын создаёт турбины,
 Средний строит в степи города.
 На фуражке у младшего сына —
 Пятикрылая наша звезда.
 Про него поднимается слава
 Выше солнца и шире морей.
 Он спокойно обходит заставы
 В темноте приамурских ночей...
 («Отец», 1936.)

Многие сочинения поэтического штурмана посвящены рекордам и подвигам выпускников Военной школы морских лётчиков в Ейске, авторам трансконтинентальных беспосадочных перелётов и героических эпопей: В. П. Чкалову, М. М. Громову, М. В. Водопьянову, В. С. Молокову, героям-добровольцам испанской войны:

...Москва подставляет солнцу
 Железобетонное тело.
 Бегут по столичным улицам

Трамваи под шум и гром.
Несёт легковая машина
Троих отважных и смелых
На самой последней скорости
На Щёлковский аэродром.
Садится в кабину Чкалов,
Горит отвага во взоре.
Уверенно и привычно
Легла на штурвал рука.
Качнулись широкие крылья
Под рокот стального мотора,
Рванулась чудесная птица
И плавно ушла в облака...

(Баллада «Сталинские питомцы», 1937.)

Стихотворения С. Феоктистова, посвящённые истории и героям родной альма-матер, навсегда остались в активе библиотеки Высшего авиационного училища имени дважды Героя Советского Союза В. М. Комарова (Ейск, 2006). Несмотря на невзгоды и лихолетья военной эвакуации, боевые и возрастные потери, эти стихи были сохранены, использовались в пропагандистской и воспитательной работе прославленного коллектива ейских соколов, чьё боевое братство не знало географических и национальных границ:

Звено за звеном
Краснозвёздные птицы
Высоко летят
Над родимой Москвой.
Их грозною славой
Всегда мы гордимся,
Их мир называет
Надёжной рукой.

(«Сталинские соколы», 1937.)

Архивные стихотворения курсантского творчества Сергея Феоктистова без подписи и выходных данных по форме и по содержанию имели повторяющиеся строки и подражательный характер. «Искренние слова про духовные скрепы крылатого племени продолжали жить — звучать в художественной самодеятельности училища, передавались по памяти и хранились на слуху нескольких поколений преподавателей, курсантов, стажёров и даже их детей, которые тоже грезили о столице» (из личной переписки автора с начальником Ейского высшего военного авиационного училища Е. Кругликовым, 2009 г.).

Исторические баллады и песни о советской авиации лейтенант С. Феоктистов включил в конкурсный сценарий к 10-летию Харьковского училища и был награждён первой премией за поэтическую мечту авиаторов о космических полётах.

Военная судьба даровитого поэта была милостива: политуправление Харьковского военного округа командировало штурмана лейтенанта на учёбу в столицу, проставило все зачёты за патриотическую лирику и активное участие в воспитании молодой смены лётчиков.

После опубликования авторского сборника стихов «Крылатая Родина» (Краснодар, 1939) сбылась юношеская мечта лейтенанта Сергея Феоктистова — его направили на стационарную учёбу в Московское военно-политическое училище имени В. И. Ленина, на курс «Газетное дело».

За окном кипит столица
Шумным радостным прибором.
За окном знакомый говор
Загорелых москвичей.
И приветливо сверкают
Над ликующей Москвою
Переливами рубинов
Звёзды Родины моей....

(«Разговор с сыном», 1939.)

В напряжённые предвоенные годы политрук посещал лекции, политические и строевые занятия, выступал на поэтических факультативных семинарах Литературного института имени М. Горького на Тверском бульваре, вечерах поэзии в студенческих и рабочих клубах, заряжался столичным энтузиазмом и темпом.

Я вижу улыбки
И радость во взорах.
Я слышу
Согретые сердцем слова.
Цветёт и ликует
Прославленный город —
Столица Союза,
Родная Москва...

(«Шестнадцать республик — шестнадцать сестёр», 1940.)

В публикациях 1940 года, выступлениях в политехническом институте с поэмой «Владимир Маяковский» Сергей Феоктистов сформулировал авторское кредо поэта, которому оставался верен в суровые годы войны, годы послевоенных испытаний и в последующие лихие времена — до конца трудного XX века:

Он думал о том,
Чтобы каждая фраза,
Любая
Рождённая сердцем строка
Лежала в стихах
Самоцветным алмазом,
Ничуть не ржавея
В грядущих веках...

(Из поэмы «Маяковский», 1940.)

«Самое трудное в поэтическом творчестве — в каждом новом произведении быть лучше самого себя», — признавался позднее военкор. В автобиографии (1940) главными своими талантами поэт-летописец назвал работоспособность и целеустремлённость, которые помогали ему служить в годы Великой Отечественной войны на амурской границе, в редакции газеты Дальневосточного фронта «Тревога».

Часть 2. Великая битва за Москву

Отечественная война стремительно захватывала советские города и селения. Отборные части вермахта спешили до дождей смести с географических карт крупные населённые пункты Союза.

Осенью 1941 года моторизированные фашистские войска захватили советские территории, пленили миллионы красноармейцев, рвались к Москве. Уже были отпечатаны пригласительные билеты на немецкий парад победителей на Красной площади 7 ноября, и вдруг в октябрьской грязи забуксовал германский «Тайфун» — операция захвата советской столицы...

Далеко от западных границ и боёв поэты взывали к сердцам людей, ковали решимость и верность Кремлю краснозвёздных войск, морально готовили резервы для ключевых сражений за Отечество, за Москву:

В родные светлые края,
В наш солнечный простор
Вползла гремучая змея,
Забрался подлый вор.
Он оставляет на траве
След кованых сапог.
Паучий знак на рукаве
От свежей крови взмок...
Средневековый изувер,
Обезумевший гад —
Он тянет щупальцы к Москве,
Он лезет в Ленинград.
Грозу и тучи над страной
Мы видели не раз,
Но силы нет ещё такой,
Чтоб одолела нас.

(«В родные светлые края...», 1941.)

По данным радиосводок Совинформбюро военкоры создавали образы диких врагов, воспитывали лютую ненависть к захватчикам и жажду мщения, утверждали веру земляков в Победу Красной армии:

Кровавый изверг над Москвой —
Суров и грозен час!
Товарищ Воин! За тобой —

Весь мир следит сейчас!
Тебе доверила, боец,
Свою судьбу страна.
Тебя благословил отец,
С Победой ждёт жена...
Они зовут тебя на бой!

(«Товарищ Воин», 10 ноября 1941.)

Центральные газеты сообщали, как Москва задекорировала исторические городские силуэты от бомбардировщиков люфтваффе, замаскировала аэростатами и фанерными скафандрами сооружения Кремля, защитила, оцетинила город противотанковыми ежами и баррикадами. Но в памяти советских людей оставались кремлёвские звезды — символы свободы и маяки, призывающие к борьбе:

...Как не изменит никогда
Движения земля,
Так не померкнет и звезда
Над башнями Кремля.
Орёл останется орлом,
И никогда вовек
Не станет пленником, рабом
Советский человек...

(«Отрубим голову змее!», август 1941.)

В кровавые месяцы смертельного противостояния врагу дальневосточные поэты откликались на каждое сообщение о подвигах красноармейцев на Западном фронте.

Сергей Феоктистов прибыл на дальневосточную границу.

Звенящие, почти документальные строки военных стихотворений, география и хроника боёв и военных дорог, образы фронтовых командиров и солдат газеты называли «репортажами из воюющих окопов» (Сергей Феоктистов. «Пулемётчик Мери»: Посвящение первому эстонцу — Герою Советского Союза, 1941).

Атакующие строки хабаровских политплакатов ТАСС «Удар по врагу» рапортовали о патриотизме, боевом ма-

стерстве и дерзости дальневосточных солдат на западных фронтах.

Острая боевая сатира хабаровских «Окон ТАСС» на века сохранена во «Всесоюзной книжной летописи» (периодическое библиографическое издание) как образец и документ, как демонстративно-исторический материал:

Гebbельс в гневе шлёт угрозы
 На российские морозы:
 Трудно стало врать плуту —
 Мёрзнут «утки» на лету... [Прил. 2, 10]
 (1941)

В трагические дни все силы Красной армии были брошены на поединок с ударными фашистскими соединениями под Москвой.

Лучшие дальневосточные дивизии направлялись к Москве в товарных эшелонах с курьерской скоростью, оставив на амурском рубеже подготовленные соединения с теми же номерами. В пути бойцы готовили оружие, коллективно читали дорожные марши и куплеты военкора Феоктистова, которые звучали как приказы, как плакатные призывы, формировали душевный подъём и самосознание защитника и добровольца:

— «Поспешим», — стучат-стучат колёса,
 — «Тороплюсь», — выводит паровоз.
 — «Ждём с победой», — машут вслед берёзы,
 — «Больше злости — меньше вдов и слёз».
 (1941)

Первой великой моральной победой Красной армии и СССР был военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, о котором страна и европейское сообщество узнало из сообщений Московского радио.

Через полгода советская кинохроника показала миру, как готовился и был проведён тот исторический парад, переломивший ход немецкого наступления «Тайфун». Эта легендарная киножурнальная лента была награждена в 1945 году первым Оскаром в истории советского Госкино.

Советские дальневосточники услышали о параде в Москве по радио 7 ноября в 15.00 (8.00 московского времени), а 8 ноября утренние местные газеты рассказали об этом. В тот же день Сергей Феоктистов написал стихотворение «На Красной площади», посвящённое этому знаменательному событию.

Каждый выпуск «Тревоги» 1941 года открывался сводкой Информбюро о ситуациях на фронтах. Поэзия, как «самая короткая тропа от сердца к сердцу», стреляла патристическими и сатирическими строками кучно и точно в цель. Скорострельные призывы, как приказы, личностные обращения, лозунги и куплеты, баллады и марши, перепевы старых песен и частушки военкора С. Феоктистова выражали

Спецкор газеты Дальневосточного фронта «Тревога»
 С. Г. Феоктистов.

напряжённость момента, чёткое пружинистое ощущение времени — «здесь и сейчас», несокрушимую веру поэта в Победу Красной армии:

Закрой дорогу на Москву,
 Останови врагов!
 Как мразь, как сорную траву,
 Дави поганых псов!
 За чистый воздух над Москвой,
 За гордый Ленинград,
 Товарищ Воин! За тобой —
 Народы все следят!
 Добудь Победу под Москвой —
 Для каждого из нас!
 Товарищ Воин! За тобой —
 Весь мир следит сейчас!

(«Товарищ Воин!», 10 ноября 1941.)

Страстные марши «Трубача Дальневосточного фронта», созданные в грозные дни московской битвы, красноармейцы вырезали из газет, носили в карманах гимнастёрки до полного распада на изгибах, переписывали в тетрадки,

заучивали наизусть. «Среди стихов Сергея Феокистова, несмотря на их риторичность, есть стихи, исполненные искреннего волнения» [Прил. 2, 2].

На поле битвы провожая сына,
Мать говорит горячие слова:
— Заклятый враг ворвался в Украину.
Сражайся, сын мой, яростнее льва.
Орлицу-мать не выдадут орлята!
И в бой идут решимости полны
Непобедимые богатыри народа
Великой героической страны!
(«За Родину!», 1941.)

Поэтические репортажи политрука закаляли веру и силу красноармейцев и соотечественников для службы и борьбы в осаде вражеского окружения, для работы в горячих цехах и даже для творчества в условиях постоянного дефицита, в аду доносов и подозрений.

...Земля горит,
Земля взывает к мести,
Народный гнев и страшен, и суров.
Отныне мы
Считаем делом чести
Любое истребление врагов.
В лихих всё сокрушающих атаках,
Ни юности, ни жизни не щадя,
Мы истребим поганых вурдалаков!
Мы победим под звёздами Кремля!
(«Мы победим!», 5 декабря 1941.)

Искренние и проникновенные баллады о подвигах бойцов Дальневосточного фронта в освобождении Подмосковья завоевали гордость и любовь земляков от мала до велика:

Был в отряде лётчик Миша Пирогов,
Ненасытный в драке,
Цепкий до врагов...
Лихо бил фашистов молодой орёл,
Счёт убитым немцам аккуратно вёл.
Прилетит, бывало, сядет на виду
И рисует гордо красную звезду.
И по этим звёздам
Узнавал любой,
Сколько мерзких гадов схоронил герой...
У широкой Волги, у кавказских скал
Свой Амур любимый
Парень защищал...
(«Баллада о Мише Пирогове», 1941.)

Концентрированная, очищенная от словесной шелухи боевая поэзия политрука Сергея Феокистова раскрывала суть исторических событий, славил мужество каждого

фронтového героя и каждого труженика тыла, кто боролся с врагом.

Шинель бойца гремит, как жестяная,
И мягкой кажется подушка ледяная,
И сладкой каша, если штык пробьёт...
И никаких простуд или гастритов,
И только старшина дымит сердито:
— Придёт сегодня почта — не придёт?
Политработа — трудная работа,
Без выходных и до седьмого пота —
В окопах я или спешу в обход...
Я на войне даже во сне воюю,
А на работе, словно в том бою я:
— Земля моя, клянусь! Враг не пройдёт!
(«Амурская молитва», 1941.)

Эти драгоценные реликвии дальневосточной истории и культуры работали на мемориализацию народного подвига Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны в стихах, балладах, рапортах и заметках.

Для роста, поддержки и эффективности народного сопротивления были необходимы произведения о героях-одиночках и поэтические примеры массового героизма.

17 ноября 1941 года Совинформбюро сообщило о подвиге под Москвой и героической гибели 28 смельчаков из дивизии генерала И. В. Панфилова, которые ценой жизни остановили у разъезда Дубосеково дивизию фашистских танков.

Уже в декабре дальневосточники декламировали на политинформациях «Балладу о подвиге панфиловцев» (под таким общим названием в дальневосточных газетах с декабря 1941 г. выходили поэтические и прозаические произведения, посвящённые этому событию), а в январе 1942 года пионеры славили воинов-гвардейцев в литературном монтаже из стихов политрука С. Феокистова:

Отныне мы даём святое слово:
Ни жалости, ни милости к врагу!
Учиться у панфиловца Клочкова,
Равняться — по гвардейскому штыку!
(«Истребим врагов!», декабрь 1941.)

Комиссар Клочков кричал сильнее гуда:
— Велика Россия, да отступать нам некуда!
— За спиной — Москва, гвардейцы!
Ею дышит, живёт земля.
Все умрём, но не пустим немца
К лучезарным звёздам Кремля!..
И бойцы не дрогнули, не сдали,
Ни на шаг не сдвинулись назад.

Крепче скал и крупповской стали
Воля несгибаемых солдат.

(«Баллада о 28 панфиловцах», январь 1942.)

Друзья мои! За нами Дон и Волга,
Могучий непокорный Сталинград.
Святая клятва воинского долга
Нам все пути отрезала назад!..
Так поклянемся доблестным героям,
Что мы в огне, в пороховом дыму
Не омрачим их светлого покоя,
Не отдадим России никому!

(«Не отдадим России никому!», 1942.)

Посмотри и навеки запомни —
Этот холм на земле родной.
Здесь погиб наш герой-полковник,
Здесь кипел беспощадный бой.
Но солдаты-рубаки не верят,
Что погиб командир, замолк...
Он и мёртвый ведёт к Победе
Свой железный гвардейский полк.

(«Бессмертие», памяти генерала И. Панфилова, 1942.)

Когда утренняя радиоинформация с западных фронтов в трагические часы войны не вдохновляла советских агитаторов, радиоведущий Хабаровского краевого радио С. Феоктистов читал для воинов Дальневосточного фронта канонические стихи о подвигах русских воинов в Отечественной войне 1812 года (например, «Бородино» М. Ю. Лермонтова).

Бывший учитель словесности обладал завидной памятью и харизмой, способностью мастера художественного слова ощущать чужое горе и сострадание, умением зажечь, повести слушателей с помощью поэзии к высоким задачам и целям.

К субботним радиоконцертам для воинов Дальневосточного фронта литсотрудник фронтовой «Тревоги» С. Феоктистов вооружался стихами дальневосточных собратьев по перу, читал послания столице уходящим на фронт красноармейцам.

...Когда, громыхая тяжёлой бронёй,
Пруссаки лютовали под Москвою,
В те дни и родился гвардеец-герой,
Готовый к смертельному бою.
И словно былинный потомок Бовы,
Он с немцем померился силой.
И стало для немца
Предместье Москвы
Холодной, бесславной могилой...

(«Гвардеец», март 1942.)

Советские поэты, корреспонденты военных газет создали поэтизированные образы героев-гвардейцев для примера и подражания молодыми призывниками:

...И гостем желанным в любую из хат
Войдёт наш защитник народа.
Простой, сероглазый советский солдат,
Овеянный славой походов...
Согретый дыханьем Орлицы-страны,
В добротной армейской шинели
Идёт он суровой дорогой войны
К Победной желанной цели...

(«Гвардеец», 1942.)

Патетический звон поэтических колоколов Дальнего Востока возносил историческое прошлое региона, его героическое настоящее, укреплял веру и патриотизм земляков — защитников «Восточного порога Отечества».

Сергей Феоктистов был интересен для читателей всех возрастов и профессий, его печатали советские (гражданские) и военные газеты различного ранга, популярные московские журналы «Красноармеец» и «Краснофлотец», «Советский воин» и «Пограничник», «Московский комсомолец» и «На рубеже».

В самые напряжённые военные времена поэт следовал своему выбору, продолжал самообразование. Вчерашний выпускник Московского военно-политического училища по ночам листал факультативные рефераты и лекции цикла «Газетное дело», скрупулёзно просматривал каждое своё сочинение, добивался соответствия заданным установкам Москвы. «Основные характеристики творчества военно-полевых репортёров и военной поэзии: 1. оперативность, 2. патриотизм, 3. интернационализм, 4. доходчивость, 5. эмоциональность, 6. лиризм» [Прил. 2, 16].

Жанры поэзии Великой Отечественной войны были отшлифованы довоенным творчеством военных литераторов, но в боевых условиях усилились яркость и адресность, краткость и острота выступлений.

Послевоенные литературоведы выделили следующие группы поэтических произведений о войне:

1. Лироэпический эпос: стихи и баллады об отдельных героях, поэмы о коллективных подвигах красноармейцев во имя Родины.

2. Сатирические жанры для развенчания врагов: басни, эпиграммы, куплеты к плакатам, памфлеты, частушки, сказки, сценки и даже сценарии [Прил. 2, 16].

3. Гражданская авторская лирика: элегия, ода, песня. Основные темы: Родина, большая и малая — в час испытания, в час ожидания; ненависть к врагу и мечта о Победе, боевое братство и товарищество, любовь и верность родным

и близким, детям и старикам, раздумья о судьбе народа и Родины после войны.

В литературном наследии военного журналиста Сергея Феоктистова можно и нужно отследить и изучить все названные поэтические жанры и формы в разных объёмах и в разные периоды войны. Боевые стихи поэта-политрука выделялись особым дальневосточным кодом, в котором патриотизм, как «готовность голову за Родину сложить», был насыщен оптимизмом и романтизмом, верой в Победу...

Его гражданская лирика, наполненная верностью и нежностью, достигала высот коллективной, общественной клятвы и была не менее популярна в Восточном округе, чем на западных фронтах стихотворения К. Симонова «Жди меня» или А. Суркова «В землянке».

Мы выдержим адский буран огня,
Мы с честью закончим бой.
И я на заре молодого дня
С победой вернусь домой.
Приду, расцелую до боли всех
И крикну, раскрывши дверь:
— Дочурка, родная, твой звонкий смех
Никто не прервёт теперь!

(«Маленькой дочери Светлане», 1942.)

Москва выстояла в тяжелейшей и изнурительной борьбе (30 сентября 1941 – 20 апреля 1942), одной из самых кровавых битв Второй мировой войны. Послевоенные историки, изучив все события той грозовой зимы, разделили битву за Москву на два периода: первый — победное оборонительное противостояние (ноябрь – 10 декабря 1941 г.) и второй — наступательные операции на западных фронтах (10 декабря 1941 — 20 апреля 1942), отбросившие немецкие войска на 30–100 км от столицы.

Общие безвозвратные потери в этом сражении составили: СССР — 926,2 тысячи человек, Германия — 581,9 тысячи. «Все жертвы и усилия Германии оказались напрасными... В немецком наступлении наступил кризис, моральный дух и силы немецкой армии надломлены...». Эти слова принадлежат командующему 2-й танковой армией Германии Гудериану (1942).

В защите столицы весомую роль сыграли резервные амурские дивизии. В октябре – декабре 1941 года они удержали рубеж в районе Можайска и Волоколамска. Здесь за талант организатора-аналитика полковник А. П. Белобородов получил звание генерала и первую Золотую Звезду Героя Советского Союза, а 78-й стрелковой дивизии, сформированной на Дальнем Востоке, присвоили звание 9-й гвардейской.

Они за честь, за честь амурскую
Не раз ходили в бой.

За волю нашу, волю русскую
Стояли насмерть под Москвой.
(С. Феоктистов — В. Румянцев.
«Амур-батюшка», октябрь 1942.)

По мере наступления дивизий амурских богатырей на запад в песне-гимне добавились новые куплеты:

У самой Волги — Волги-матушки,
У синего Днепра
Гремело их, да их отважное,
Гвардейское «ура»...

(1943)

Сама Нева, Нева-красавица,
И тихий вольный Дон
Далёкому, да эх, товарищу,
Шлют ласковый поклон.

(1944)

Песня стала знаменем и талисманом амурских соединений, освобождающих порабощённую Европу, служила общей Победой:

...«Амур» шумел в поверженном Берлине
И возрождал из праха города...

(1946–1948)

Популярный амурский распев разносили по стране демобилизованные солдаты и военные ансамбли, прежде всего бригады ансамбля Дальневосточного военного округа (художественный руководитель — В. Румянцев). В 1950-е годы песню-символ заказывали по радио по первой строчке запева «Шуми, Амур, шуми, наш батюшка...», что характерно для народных песен¹. В разделе библиографического каталога Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге «Антология песен Великой Отечественной войны» «Амур-батюшка» занял достойное место между «Катюшей» и «Соловьями»².

Международное признание песня получила в репертуаре Государственного хора русской песни (художественный руководитель — профессор А. В. Свешников), Краснознамённого ансамбля Советской армии (художественный руководитель — профессор А. В. Александров) и других прославленных советских хоровых коллективов от Благовещенска до Магнитогорска и Архангельска. Во славу русскому солдату «Шуми, Амур» исполняли мужские и смешанные хоры в сопровождении оркестра и без него, и даже совсем

1 См., например, Сохор, А. Н. Советская песенная лирика в годы Великой Отечественной войны // Вопросы музыковедения. Ежегодник. — Том II. — Москва: Музгиз, 1956. — С. 79–111; и Сохор, А. Н. Русская советская песня. — Ленинград: «Сов. композитор», 1959. — 508 с. — [О песне «Шуми, Амур» — С. 432–433].

2 О создании ставшей хрестоматийной песни «Шуми, Амур» см. Феоктистова С. С. Народная песня отца // История и культура Приамурья. — 2009. — № 1. — С. 154–157.

Работа над песней с композитором В. Румянцевым.

без слов — на фестивалях оркестровой музыки, открытиях военных мемориалов и памятников.

Авторский сборник стихов «Гнев» тридцатилетний политрук С. Феоктистов завершил поэтической клятвой: «НЕ отдадим России никому» (1942), и амурцы сдержали боевую клятву своего полкового запевалы на полях Великой Отечественной войны. Служилые пограничники Дальнего Востока уважительно называли поэта «ГНЕВ Героич», а на боевых привалах зазывали ближе к костру и котелку. Коллега военкора — поэт Пётр Степанович Комаров, называл его «самым популярным поэтом Дальневосточного фронта» (из хабаровской краевой газеты «Тихоокеанская звезда» за 1943 г.).

Обширный поэтический материал только о битве под Москвой свидетельствует, что литературный обозреватель и поэт фронтовой «Тревоги» жил в окопах и на заставах, работал на линии огня, а спал в пути, на фронтовых дорогах, на ящиках с патронами или на рулонах проволоки. На протяжении всей войны он обобщал военный и созидательный опыт земляков-фронтовиков, был рупором поколения, отвечал вызовам и требованиям истории, нацеливал своё творчество на будущее Дальнего Востока.

Сергей Феоктистов помнил боевых талантливых коллег, погибших на войне или умерших от ран в госпиталях. «Жертвенная доблесть наших отцов и товарищей должна призывать новых бойцов... Об их гражданском подвиге нельзя писать стихи вполголоса, вполнакала или в полдуши... Каждая строка должна быть обдуманной, каждое слово чётко и предельно обоснованным и незаменимым», — наставлял он молодых военкоров (из дневниковых записей С. Феоктистова). Сам военный журналист до конца века отдавал долг памяти, величал подвиги земляков, сражавшихся на фронтах той войны.

Послесловие

«...Из отдельных эпизодов и сюжетов складывалась история Великой Отечественной войны. Обрубки великого войска и подранки великого тыла поднимали страну из руин... Возрождались школы и больницы, храмы и музеи боевой славы — правдоподобие невероятной Победы, но ещё долго налаживалась мирная жизнь...» (из дневниковых записей С. Феоктистов, 1946).

Не очень далёкие коллеги и завистливые сослуживцы не прощали «московской выскочке» Сергею Феоктистову «жизненной и творческой удачливости при его худородстве», разносторонних дарований и успехов, выросших из щедрости и бескорыстия, целеустремлённости и трудолюбия. Сколько могли, литературные столоначальники Приамурья препятствовали изданию итогового сборника стихов военкора «Моя восточная война», тормозили его приём в Союз писателей СССР [Прил. 2, 8].

В военные годы родился слоган Сергея Георгиевича, которым он отвечал на критику коллег и который завещал своим детям: «Если мечтаете стать лучше других, обгоняйте время и события. Не страшась синяков и шишек, каждое утро продолжайте строить лестницу к успеху и славе...» (1942).

После войны политическая и литературная подготовка, грамотность и опыт военного журналиста помогли понять, а старшие московские коллеги подсказали, что пора майору сменить служебную обстановку, если надо, формы и тематику поэтического творчества.

Задумки и планы новых сочинений реализовались у него в сахалинский период службы (1946–1951), теперь уже спецкором центральных военных газет «На страже Родины», «Советская авиация», «Красная звезда», «Красный воин».

Литературный сотрудник С. Феоктистов был инициативен, неутомим и плодовит; идеи рождались в его голове, как в генераторе, и днём и ночью...

В послевоенные годы усилилось воздействие поэта на литературный процесс Дальнего Востока: он участвовал в творческих конференциях литераторов региона, «поэтических пятницах» Хабаровской писательской организации и был избран председателем её поэтической секции (1950–1959).

А. Т. Твардовский представил цикл стихов островного военкора читателям журнала «Новый мир» (1950) и тем раскрыл двери в столичный литературный круг. Тогда же по рекомендации Александра Трифоновича майор с тремя специальными образованиями поступил в Литературный

институт им. М. Горького³ и дважды в год летал на продолжительные экзаменационные сессии в Москву. Этот период (1950–1955) богат новыми знакомствами с ведущими поэтами — преподавателями института, редакторами московских журналов и газет. Столица стала ближе, роднее, но строже к дальневосточному литератору-самородку, воспевающему подвиги земляков, «...Героев Нарвы и Июнь-Корани, И волжских, и днепровских канонад, Всех, павших на Мамаевом кургане, Всех, заслонивших грудью Ленинград...» («Здесь был пожар», 1947).

Председатель Бюро по шефской работе Союза писателей в армии (1953–1967), одарённый организаторскими талантами педагог, подполковник запаса С. Г. Феоктистов активно участвовал в формировании азов и традиций многонациональной дальневосточной культуры (сценарии городских праздников песни и краевых фестивалей, музыкальная комедия и песенные ассамблеи). А легендарная баллада «Шуми, Амур» служила музыкальным посланцем советского Дальнего Востока в тех странах, с которыми у нас не было дипломатических отношений (Индонезия, Камбоджа и др.).

В 1990-е годы, когда развалились государственные и общественные институты России, на смену патетическим стихам соцреализма в дальневосточную поэзию пришли богоискательство и богостроительство, стариковская обида и горечь разочарования, досада и злость за все потери августовских событий. В стихах и сонетах С. Феоктисто-

ва звучали тревоги общества и собственные настроения поэта:

Амур, как бог, покажет и накажет,
Если отступников допустят на порог.
(«Амурский сонет», 1993.)

Литераторы-коллеги понимали ностальгические кризисы и мотивы творчества фронтовика, но не разделяли его настроений. В 1990-е каждый выживал в одиночку, лишь изредка приезжал на костерок и уху к старому певцу Амура. Когда ветераны-дальневосточники вспоминали на встречах свою молодость, в памяти всплывали песни и стихи Сергея Феоктистова, которые объединяли их в годы испытаний и побед.

В дальневосточной культурной и литературной жизни, пожалуй, не было другого поэта, длительно вызывавшего столько интереса и понимания земляков от Тихого океана и Читы до острова Врангеля. Но в конце XX века, как по команде, издатели и читатели забыли о нём, сочинения его не печатались.

По мнению хабаровских краеведов, поэзия Сергея Феоктистова остаётся хрестоматийным эталоном для воспитательной работы с призывниками, участниками военных конфликтов в Афганистане, на Кавказе, в Украине. И это не случайно. На каждую балладу или басню поэт тратил полную силу таланта и меру времени, и его стихи на долгие годы сохранили эмоции и страсти, запахи и эффекты соприсутствия.

— Да, это волк, — рассказчик умолк,
И горный ветер не стал возражать.
— Нет, то старый шакал, — сказал аксакал.
— Как нам удержать тот перевал?
(«Перевал», 1988.)

³ А. Твардовский дал такую рекомендацию после публикации цикла стихов С. Феоктистова «Сахалинское утро» в газетах «Тихоокеанская звезда» (1946), «Советский Сахалин» (1946), «Молодая гвардия» (1948), журнале «Дальний Восток» (1949); также он написал рабочую рецензию к авторскому сборнику стихов С. Феоктистова «Сахалинское утро» (1952).

Приложение 1.

Стихи и распевки политрука Сергея Феоктистова (размещены в хронологическом порядке)

1. ОТЕЦ («Ты прошёл сквозь суровые годы...») // Лётчик-сталинец. — Ейск, 1936. — 11 окт. — С. 2. ; Красный кавалерист. — Ростов-на-Дону, 1936. — 23 окт. — С. 4. ; Ейская правда. — 1937. — 4 сент. — С. 3. ; Большевик. — Краснодар, 1938. — 6 сент. — С. 3. ; Феоктистов С. Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар. — 1939. — С. 25–27.

2. ПЕСНЯ О ГЕРОЯХ ПОЛЮСА («Сквозь снежные хлопья туманов...») : песня // Ейская правда. — 1937. — 26 июня. — С. 1. — Карта дрейфа станции «Северный полюс-1» и полёта к ней воздушной эскадры Водопьянова.

3. СТАЛИНСКИЕ ПИТОМЦЫ («Встаёт над странною утро...») : стихи // Ейская правда. — 1937. — 29 июля. — С. 2.

4. ГОРДЫЕ СОКОЛЫ («Над городами и сёлами...») : стихи // Ейская правда. — 1937. — 18 авг. — С. 4.

5. ПЕСНЯ ПИЛОТА («В далёкие степи и горы...») : песня / муз. М. Блантера // Культработа в РККА. — 1937. — № 6. — С. 27–30. — Нотное прилож. ; Красноармеец. — 1940. — № 15. — С. 9.— Стихи.

6. ПЕСНЯ ПИЛОТА («С заводов, окраин и пашен...») : 5 куплетов и припев // Большевик. — Краснодар, 1938. — 27

февраля. — С. 3. ; Большеви́стская смена. — Ростов-на-Дону, 1938. — 4 апреля. — С. 3. ; Комсомольская правда. — 1938. — 28 мая. — С. 3. ; Феоктистов С. Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 61–62.

7. СТИХИ О МАТЕРИ («Ты встретишь песню приветом...») // Красный кавалерист. — Ростов-на-Дону, 1938. — 6 апр. — С. 4. ; Ейская правда. — 1938. — 18 июля. — С. 3. ; Комсомолец. — Краснодар, 1938. — 8 авг. — С. 4. ; Феоктистов С. Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 13–15. — [«Те дни растрепали бури...»].

8. ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ («И слов для тебя отыскать не просто...») : стихи // Красная звезда. — 1938. — 14 апр. — С. 3. ; Большевик: Краснодар. — 1938. — 14 апр. — С. 3. ; Большеви́стская смена. — Ростов-на-Дону, 1938. — 14 апр. — С. 3. ; Ейская правда. — 1938. — 14 апр. — С. 2. ; Феоктистов С. Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 80–82. — [«Певцу революции»].

9. НОВОГОДНЯЯ МЕЧТА («Друзья! Я имею право...») : стихи // Красный флот. — Москва, 1939. — 1 янв. — С. 2. ; Ейская правда. — 1939. — 1 янв. — С. 1. ; Феоктистов С. Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 55–56.

10. ПАРАД («Льются над родиной песни...») // Феоктистов С. Крылатая родина : сб. стихов. — Краснодар, 1939. — С. 20–21.

11. Я ПРИСЯГАЮ («Со всех сторон глядят на нас...») : стихи // Красный флот. — Москва, 1939. — 23 февраля. — С. 4. ; Красный путь. — Егорьевск (Моск. обл.), 1939. — 23 февр. — С. 3. — [«Клятва»].

12. РАЗГОВОР С СЫНОМ («За окном кипит столица...») // Краснофлотское творчество : сб. стихов и рассказов / сост. Н. Флеров, Ю. Зельвенский. — Москва ; Ленинград, 1939. — С. 46–47.

13. МАЯКОВСКИЙ («Уверенным шагом, как гордый хозяин») : отрывок из поэмы // Красноармеец. — 1940. — № 8. — С. 15. ; Красный флот. — 1940. — 14 апр. — С. 3. — [«Певец площадей и окраин...»].

14. ШЕСТНАДЦАТЬ РЕСПУБЛИК — ШЕСТНАДЦАТЬ СЕСТЁР («Я вижу улыбки на радостных лицах...») : стихи // Моск. комсомолец. — 1940. — 8 авг. — С. 1. ; Красный воин. — 1940. — 8 авг. — С. 4.

15. ВОЗДУШНЫЙ НАЛЁТ («Унося с собою звёзды...») : стихи // На рубеже. — Хабаровск, 1941. — Кн. 1. — С. 177.

16. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ («Когда я прохожу по ней...») : стихи // Тихоокеан. звезда — Хабаровск, 1941. — 12 янв. — С. 3.

17. ЗА РОДИНУ («На поле битвы провожая сына...») : стихи // Тревога. — Хабаровск, 1941. — 5 июля (№ 156 (3563)). — С. 2. ; «ЗА РОДИНУ» : сб. стихов дальневост.

поэтов о войне. — Хабаровск, 1941. — С. 30–42. — Содерж.: Боевая походная («Горнисты играют тревогу...») : песня. ; За Родину («На поле битвы провожая сына...») : стихи. ; Мститель («Мне гнев покоя не даёт...») : стихи. ; Бессмертие : Памяти генерала И. Панфилова («Посмотри и навеки запомни...») : стихи. ; Сын («Есть под Полтавой в чистом поле...») : стихи. ; То же СТИХИ О ВОЙНЕ [Электронный ресурс] : «За Родину», «Клятва амурцев» и др. / Б-ка им. Н. Островского. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — Режим доступа: kmslib.ru/stihi-o-voyne. — [К 100-летию юбилею поэта].

18. КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ («Мы грозную клятву и волю народа...») [Ноты] : песня / муз. Г. Буденного // Тревога. — 1941. — 26 июля. — С. 3. ; ЗА РОДИНУ! : сб. стихов дальневост. поэтов о войне. — Хабаровск, 1941. — С. 33–34.

19. БОЕВАЯ ПОХОДНАЯ («Горнисты играют тревогу...») : песня [Ноты] / муз. Г. Буденного // Тревога — Хабаровск, 1941. — 16 авг. — С. 4.

20. ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА! («Дни мужества и подвигов настали...») : плакат // Тихоокеан. звезда. — 1941. — 17 авг. — С. 3. ; ЗА РОДИНУ! : сб. стихов хабаров. поэтов об Отечественной войне. — Хабаровск, 1941. — С. 39–40. — [«В атаку, воины!»].

21. ОТРУБИМ ГОЛОВУ ЗМЕЕ! («В родные светлые края...») : стихи // Тревога. — 1941. — 23 авг. — С. 4. ; Красноармеец — Москва, 1941. — № 21. — С. 8. ; ЗА РОДИНУ! : сб. стихов дальневост. поэтов о ВОВ. — Хабаровск, 1941. — С. 30–31. ; С. Феоктистов. Стихи о войне [Электронный ресурс] / Б-ка им. Н. Островского. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — Режим доступа: kmslib.ru/stihi-o-voyne. — [К 100-летию юбилею поэта].

22. ПРОСЛАВЬ ОРУЖИЕ СВОЁ! («Пожар войны идёт по нашим сёлам») : плакат // Тревога. — 1941. — 7 сентября. — С. 3.

23. ПУЛЕМЁТЧИК МЕРИ («Под волчий вой и гул свинца...») : баллада // Тревога. — 1941. — 14 сент. — С. 3. — [Первому эстонцу — Герою Советского Союза Арнольду Мери посвящается].

24. МУЖЕСТВО («Последний выпущен патрон...») : стихи // Тихоокеан. звезда. — Хабаровск, 1941. — 21 сентября. — С. 2.

25. КЛЯТВА АМУРЦЕВ («Мы тебя отстоим, дорогая Москва!») // Листовка ДВ фронта. — 1941. — 20 окт. ; [Электронный ресурс] / Б-ка им. Н. Островского. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — июль. — Режим доступа: kmslib.ru/stihi-o-voyne. — [К 100-летию юбилею поэта].

26. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ («В огне боёв мы закалили волю...») : стихи // Тревога. — 1941. — 8 нояб. — С. 3.

; Тревога. — 1942. — 21 янв. — С. 2. ; Феоктистов С. Гнев : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — С. 27–28.

27. ТОВАРИЩ ВОИН! («Кровавый изверг — под Москвой...») // Тревога. — 1941. — 10 нояб. — С. 3. ; Стихи о войне [Электронный ресурс] / Б-ка им. Н. Островского. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — июль. — Режим доступа: kmslib.ru/stihi-o-voyne. — [К 100-летию юбилею поэта] ; Дальневосточный поэт Феоктистов Сергей Георгиевич (1913–1999) : ВСЁ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ : конспект лекции по лит. краеведению [Электронный ресурс] / сост. С. С. Феоктистова. — Санкт-Петербург ; Хабаровск, 2013. — Режим доступа: <http://add.coolreferat.com/docs/index-2654.html>.

28. МЫ ПОБЕДИМ! («Земля горит, земля взывает к мести...») : стихи // Тревога. — 1941. — 5 дек. — С. 2. ; Феоктистов С. Стихи о войне [Электронный ресурс] / Б-ка им. Н. Островского. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — июль. — Режим доступа: kmslib.ru/stihi-o-voyne. — [К 100-летию юбилею поэта].

29. МЫ — РУССКИЕ ЛЮДИ («До самых небес поднимаю знамена...») : стихи // Феоктистов С. Гнев : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — С. 3–4.

30. НЕ ОТДАДИМ РОССИИ НИКОМУ! («Друзья мои! За нами Дон и Волга...») : стихи : [Памяти 28 панфиловцев] // Феоктистов С. Гнев : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — С. 45–46.

31. БЕССМЕРТИЕ («Посмотри и навеки запомни...») : [посвящается памяти генерала И. Панфилова] // Тревога. — 1942. — 23 февр. — С. 3. ; Феоктистов С. Гнев : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — С. 36–38.

32. ГВАРДЕЕЦ («Закончив поход у чужого холма...») : стихи / рис. И. Елкина // Тревога. — 1942. — 14 марта. — С. 4. ; Феоктистов С. Гнев : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — («Последнего фрица сразив у холма...»).

33. МАЛЕНЬКОЙ ДОЧЕРИ СВЕТЛАНЕ («Когда за окном наступает ночь...») : стихи // Тихоокеан. звезда. — 1942. — 12 апр. — С. 3. ; Феоктистов С. Гнев : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — С. 38–39. — [«Дочери Светлане»]. ; Дальневосточный поэт Феоктистов Сергей Георгиевич (1913–1999) : ВСЁ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ : конспект лекции по лит. краеведению

[Электронный ресурс] / сост. С. С. Феоктистова. — Санкт-Петербург ; Хабаровск, 2013. — Режим доступа: <http://add.coolreferat.com/docs/index-2654.html>.

34. КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ («Боец погиб в сраженьи за Калугу») : баллада : [памяти комсомольца Пети Галайды] // Комсом. правда. — 1942. — 15 мая. — С. 2. ; Тревога. — 1942. — 30 марта. — С. 3. ; Феоктистов С. Гнев : сб. стихов. — Хабаровск, 1942. — С. 35. ; Молодой дальневосточник. — Хабаровск, 1946. — 3 сент. — С. 2. — («Застывши, как в почётном карауле...») : баллада // Антология поэзии Дальнего Востока. — Хабаровск, 1967. — С. 317–318.

35. БЕССМЕРТИЕ («Кругом леса да буйные покосы...») : баллада : [посвящение подвигу Александра Матросова] // Тревога. — 1943. — 29 сент. — С. 3.

36. СЫН («Есть под Полтавой в чистом поле...») : баллада // Тревога. — 1944. — 30 апр. ; Пограничник. — 1945. — № 23. — С. 59. ; Литературный путеводитель, 1934–2004 : Хабаровские писатели: судьба и творчество : библиогр., проза, поэзия / под общ. ред. М. Ф. Асламова. — Хабаровск, 2004. — С. 291. ; Слово о матери : антология сиб. поэзии. Т. 2 / ред.-сост. Ю. П. Перминов. — Тобольск, 2011. — С. 556.

37. КРЕМЛЁВСКИЙ ОГОНЁК («Спят холмы и перелески...») : песня / муз. В. Рейнарт-Румянцева // Совет. Сахалин. — 1947. — 26 июля. — С. 3. ; Тревога. — 1948. — 8 февр. — С. 3.

38. ЗДЕСЬ БЫЛ ПОЖАР [«Тайга гудела...») : стихи // Совет. Сахалин. — 1947. — 31 августа. — С. 4. ; Тихоокеан. звезда. — Хабаровск, 1964. — 1 нояб. — С. 4. ; Тихоокеан. звезда. — 1974. — 19 мая. — С. 4. — [«Иду по хмурым, выжженной чащобе...»].

39. АМУРСКИЙ СОНЕТ («Сюда стремятся в молодые годы...») [Электронный ресурс] : сонет. — [к 75-й годовщине КЗ ДВВО]. — Режим доступа: <http://www.debri-dv.ru/article/8099>. ; Дальневосточный поэт Феоктистов Сергей Георгиевич (1913–1999) : ВСЁ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ : конспект лекции по лит. краеведению [Электронный ресурс] / сост. С. С. Феоктистова. — Санкт-Петербург ; Хабаровск, 2013. — Режим доступа: <http://add.coolreferat.com/docs/index-2654.html>.

Литература о военных произведениях дальневосточных поэтов

1. Амур человека того не забыл... : [лит. обзор редакции о военкоре Дальневосточного фронта Феокистове С. Г.] // Биробидж. звезда. — 2015. — 1 июля. ; То же [Электронный ресурс] // Издательский дом «Биробиджан». «Лежит в земле печальной пехотный взвод...». — Биробиджан, 2015. — Режим доступа: www.gazetaeao.ru/lezhit-v-zemle-rechalnoj-pehotnyj-vzvod...; — [70-летию Великой Победы, поэтам-дальневосточникам, участникам Великой Отечественной войны посвящается].
2. Власова, Т. Стихи о войне : Библиография // Тихоокеан. звезда. — 1941. — 5 нояб. — С. 4. — № 263 (4938). — [Рец. на первую за время Великой Отечественной войны книгу стихов дальневосточных поэтов «За родину», выпущенную Дальгизом].
3. Григорьева, О. А музы не молчали... / О. А. Григорьева // Аргументы времени : воен.-патриот. изд. — Хабаровск, 2015. — 13 мая : фото поэтов-фронтовиков ; То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svgbdvr.ru/tvorchestvo/muzy-ne-molchali?destination=node%2F1125>.
4. Дальневосточный поэт Феокистов Сергей Георгиевич (1913–1999) : ВСЁ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ : конспект лекции по лит. краеведению [Электронный ресурс] / сост. С. С. Феокистова. — Санкт-Петербург ; Хабаровск, 2013. — Режим доступа: <http://add.coolreferat.com/docs/index-2654.html>.
5. Добровольская, И. Когда говорят музы, пушки молчат. Искусство на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // Словесница Искусств / Хабаров. фонд культуры. — 2006. — № 2 (18). — С. 112–114. ; То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/1748>.
6. Комаров, П. С. Боевая традиция : [к 50-летию со дня рождения В. А. Маяковского] / П. С. Комаров // Тихоокеан. звезда. — 1943. — 18 июля. — С. 3.
7. Комаров, П. С. За создание большой дальневосточной литературы : доклад на краевом собрании литературного актива / П. С. Комаров // Тихоокеан. звезда. — 1945. — 8 июля. — С. 3.
8. Комаров, П. С. Письма С. Феокистову, 1946–1949 гг. / П. С. Комаров ; ред. А. С. Кашиной // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2011. — Вып. 25. — С. 166–170. — [Из фондов собрания Гродековского музея].
9. Красноштанов, С. И. О святости добрых начал / С. И. Красноштанов // Дальний Восток. — 2013. — № 3. — С. 179–183. — [К 90-летию со дня рождения поэта-фронтовика Сергея Феокистова].
10. [Подписи к плакатам военных лет С. Г. Феокистова] // Сороковые роковые : Хабаровский край в годы Второй мировой войны : 70-летию Великой Победы посвящается / авт. текста: В. Ю. Пылаев. — Хабаровск, 2015. — С. 57.
11. Пронякин, К. История одной песни / К. Пронякин // Суворов. натиск. — 2016. — 23 сент. — С. 7 : фото политрука С. Феокистова у рояля. — [Армия и культура] ; То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [//debri-dv.ru/filedata/files.1726/pdf](http://debri-dv.ru/filedata/files.1726/pdf).
12. Твардовский, А. Т. Кремль зимней ночью над Москвою... [Электронный ресурс] / А. Т. Твардовский // Методическая копилка от Агеевой И. Д. Стихи о Москве. — Режим доступа: [//www.zanimatika.narod.ru/RF9.html](http://www.zanimatika.narod.ru/RF9.html).
13. Феокистова, С. С. Дала нам родина наказ — беречь границу у Амура! Довоенный песенник военкора Сергея Феокистова [Электронный ресурс] / С. С. Феокистова. — Режим доступа: www.debri-dv.com/article/13871/dala_nam_rodina_nakaz_berech_granicu_u_amura.
14. Феокистова, С. С. Долгая горькая дорога к Победе в поэзии фронтовика-дальневосточника Сергея Феокистова. Ч. 1 [Электронный ресурс] / С. С. Феокистова. — Режим доступа: [// debri-dv.com/article/10325/dolgaya_gorkaya_doroga_k_pobede_v_poezii_frontovika-dalnevostochnika-sergeya_feokistova](http://debri-dv.com/article/10325/dolgaya_gorkaya_doroga_k_pobede_v_poezii_frontovika-dalnevostochnika-sergeya_feokistova).
15. Феокистова, С. С. Они презрели смерть : дальневосточная война в поэзии военкора Сергея Феокистова / С. С. Феокистова // Граница России. — 2015. — № 33. — 2–8 сент. — С. 9–10.
16. Феокистова, С. С. Эзоп в солдатской шинели : сатирическое наследие воина-фронтовика [Электронный ресурс] / С. С. Феокистова // Аргументы времени : военно-патриот. изд.. — Хабаровск, 2013. — май. — Режим доступа: [//svgbdvr.ru > tvorchestvo/Ezop-v-soldatskoi-shineli](http://svgbdvr.ru/tvorchestvo/Ezop-v-soldatskoi-shineli). — [К 100-летию со дня рождения дальневосточного журналиста и поэта Сергея Феокистова (1913–1999)].
17. Фолина, А. И. Писатель и журналист С. Г. Феокистов в культурно-созидательном освоении Дальнего Востока России [Электронный ресурс] / А. И. Фолина, С. И. Якимова // Учёные заметки ТОГУ. — 2015. — № 6. — Режим доступа: [//http://ejournal/articles](http://ejournal/articles) — 2015. — TGU_6_73.pdf.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 23.01.2017 г.

Сведения об авторе: Феокистова Светлана Сергеевна, кандидат медицинских наук; имеет филологическое образование (окончила Иркутский педагогический институт иностранных языков, ныне — Иркутский государственный лингвистический университет).
Контактные данные: e-mail: feosvetlana@mail.ru.

МОСКВИТИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

РАБОТА НАД АВТОРСКИМ СЛОВОМ НА ЗАНЯТИЯХ СЦЕНИЧЕСКОЙ РЕЧИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ АКТЁРА И РЕЖИССЁРА

В статье автор, опираясь на свой многолетний опыт преподавания речевых дисциплин в Хабаровском государственном институте культуры и на корифеев этой области театрального искусства, обосновывает основные принципы, которые необходимо соблюдать при инсценировании прозы и стихов на сцене.

Ключевые слова: современный театр, речевые дисциплины, инсценировка, драматургия, театр чтеца.

Keywords: modern theatre, speech disciplines, staging, dramaturgy, theater reader.

Современный российский театр — это театр экспериментов в режиссуре, сценографии, работе над словом, музыкальном оформлении и т. д. Вероятно, поэтому в последнее время всё чаще можно увидеть на подмостках спектакли в жанре литературного театра. Например, спектакль П. Фоменко «Война и мир» по роману Л. Толстого. Не исключение и театры Хабаровска с такими спектаклями, как «Широколобый» Ф. Искандера (Хабаровский краевой театр драмы, режиссёр — В. Б. Оронов), «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова («Камерный театр “Триада”», режиссёр — В. С. Гогольков), «Детство» Л. Толстого (театр юного зрителя, режиссёр — К. Н. Кучикин).

Сегодня художественная проза входит в репертуар практически каждого театра. В связи с этим повышается значение этапа работы над литературной инсценировкой прозы в воспитании и обучении студента режиссёрского отделения. Очень важно, чтобы студент, педагог не начинали эту работу с нуля, не изобретали в муках свой «велосипед», а подробно и глубоко знакомились со всеми практическими и теоретическими достижениями русского театра в этой области, причём делать это надо совсем не в театроведческом плане.

Процесс обучения речевым дисциплинам («Сценическая речь», «Искусство звучащего слова», «Сценическая речь в драматическом театре и кино» и др.) в театральной школе выстроен по принципу «от простого к сложному». Студент приобретает навыки работы над авторским словом сначала на пословицах, поговорках, затем на небольших текстах описательного характера. На втором курсе это поэзия и классическая проза, на третьем году обучения уже монологи, а включает процесс работа над крупными произведениями, отрывками, позднее — над композицией или в жанре литературного театра. На четвёртом курсе подводятся итоги обучения: речь в дипломных спектаклях или на праздниках и представлениях. Для большинства выпускников театральных вузов речь является неотъемлемой частью профессии, либо как исполнителя, либо постановщика театрализованных действий. Получив в институте базу (теоретические и практические навыки работы над словом), люди творческих профессий совершенствуют свои умения всю жизнь.

Отношение к поэзии, глубина и тонкость поэтического восприятия шедевров мировой литературы издавна считались важнейшими критериями в оценке духовной жизни, культуры отдельного человека и всего общества в целом. В деле воспитания молодого поколения без пополнения рядов настоящих читателей и ценителей высокой литературы жизнь наша тускнеет и суживается до предела. «Люди без лирики, как столбы», — писал И. Сельвинский в стихотво-

рении 1960 года «Человек выше своей судьбы!». Значение слова, звучащего со сцены, в эфире, трудно переоценить. «Оживление» слова великого писателя рождает творческое соучастие в душе слушателя и, возможно, желание прочесть произведение, исполненное мастерски.

Кроме актёрского мастерства, сам выход исполнителя на сцену (на экран, к микрофону) предполагает определённое высказывание. Исполняя произвольный набор стихов, актёр не может направить восприятие слушателя в точно заданное русло, хотя каждое из произведений может иметь интересное решение. Изучение и осмысление многолетнего опыта театра чтеца В. Яхонтова, С. Кочаряна, С. Юрского, А. Шагиняна и других, их исполнения и гармоничного соединения актёрских и чтецких средств выразительности позволяют студенту, будущему актёру или режиссёру, выработать за время обучения профессиональные ориентиры в работе над литературно-художественным произведением.

При выборе литературного материала возникают вопросы: что исполнять, зачем и кому читать? Последний из них не менее важен: в разной аудитории по-разному воспринимается одно и то же произведение. Иногда выбор материала диктует так называемый социальный заказ (памятные даты, события в стране и мире). Переработка авторского текста, написанного для «чтения», в композицию для «слушания» рождает настоящую «драматургию», когда из авторского текста выбирается то, что может быть воспринято на слух. И, конечно, репертуар артиста — это зеркало его личности, его эрудиция, исполнительское мастерство в эффекте слияния авторского «Я» с актёрским.

Иногда приходится слышать, что инсценировка прозы и стихов — процесс противоестественный, ибо проза, стихи и драматургия — два художественных мира, живущих каждый по своим собственным законам. Однако практика театральной педагогики и театра в целом опровергает этот тезис. Общеизвестно, что существуют «драматургичные» и «недраматургичные» авторы, есть добросовестные инсценировщики, а есть наделённые даром взглянуть на прозу и стихи в драматургическом ракурсе, есть, наконец, режиссёры, либо умеющие ставить прозу и стихи, либо не умеющие это делать.

Хорошая драматургия сама предлагает развитие и законченность сцены, ступени развития действия. Инсценировка прозаических и стихотворных произведений возлагает на плечи режиссёра огромный тяжёлый труд строить эти ступени самому. В то время как при работе с драмой её прежде всего нужно «опрокинуть в жизнь» (по выражению Г. А. Товстоногова), в прозаических произведениях, в авторском тексте эта жизнь содержится часто в таких точных и неожиданных подробностях, которые не подскажут

никакие смелые и дотошные режиссёрская и актёрская фантазии.

При поисках сценического эквивалента прозы и стиха и театральному режиссёру, и режиссёру театрализованных представлений и праздников, и театральному педагогу надо быть готовыми к тому, что останется чувство неудовлетворённости. Оно неизбежно, ибо неизбежны потери, купюры в тексте. Но и приобретения велики. Во-первых, потому, что круги жизни шире даются автором прозы, а концентрация чувств, эмоций острее в стихотворном слове. Кроме того, проза, стихи очень часто опережают драматургию по остроте проблем, по охвату процессов действительности.

Литературный театр, как жанр мышления, родился на стыке искусства театра и художественного чтения. Цель его — поиски зримого эквивалента литературного произведения через рассказывание и театрализацию (без превращения повествовательного произведения в драматургическое). К тому же литературный театр стал способом организации разнообразного литературного и документального материала в одно целое в динамическом процессе постижения конкретной проблемы, идеи.

Главным организатором идеи выступает, как правило, режиссёр или театральный педагог, в частности, этим занимаются преподаватели сценической речи на заключительном этапе освоения речевых дисциплин. Его видение материала при выстраивании одного произведения или группы произведений в единый литературный спектакль становится решающим в выборе темы. Точка зрения режиссёра на проблему — цементирующее начало спектакля в целом. Она складывается из системы аргументов, извлекаемых из различных источников: литературных, документальных, публицистических. Режиссёр черпает в них свои доказательства, сопоставляет, сталкивает их, чтобы обосновать свою мысль. Его человеческое «Я», личность, приобретает некоторую самооценку. Режиссёр становится дирижёром и композитором, как образно определил функцию создателя композиций актёр, мастер художественного слова Владимир Иванович Яхонтов. Это очень заманчиво, ибо открывает широкое поле для проявления инициативы режиссёра, его фантазии, самовыражения. Но если режиссёр, как человек, не обладает творческими способностями, зрелым миропониманием, значительным духовным горизонтом, писательским пристрастием к затронутой теме, то, кроме набора звонких цитат великих мыслителей и поэтов, зритель ничего более не услышит и не увидит. Ещё одна опасность — чрезмерное вольное обращение с творениями писателей. Сегодня по отношению к авторскому тексту в театре наметилась тенденция некоторой пренебрежительности. Например, современная режиссура «не любит» монологи

и часто сокращает их до одной-двух фраз или убирает совсем. Используемый в композиции литературного спектакля принцип многоголосья, полифонии, как и в музыке, требует особого бережного отношения к каждому голосу в отдельности. Только на таком основании можно добиться гармоничного звучания темы.

Существует уже целое направление в чтецком искусстве со своей драматургией и «условиями игры» (литературный спектакль, моноспектакль), которое одновременно синтезирует в себе и черты, ставшие классическими для художественного чтения, — рассказ или воспоминание о случившемся, и законы театра с представлением человеческого поступка в процессе, движении, так сказать, во времени и в пространстве.

Чтецкая и актёрская позиции сочетаются здесь в равной степени («действую в данную секунду» и «рассказываю о действии, которое было»), хотя рассказывается в литературном театре гораздо больше. Здесь особенно важен эффект присутствия личности исполнителя, пристрастное отношение к материалу. Но порой это пристрастие превращается в стремление охватить как можно больше, отсюда в композиции переизбыток информации, отсутствие чёткого её временного расположения, невразумительное пространственное решение, избыточная иллюстративность.

Очень важно при подборе материала для литературного театра определить для себя: что я хочу сказать сегодня? Выбор же исполнительского приёма, решение того, какими средствами будет исполняться данный литературный материал, зависит прежде всего от рода литературы, степени его действенности. Преподаватели сценической речи знают из опыта, что самое трудное — воплотить в жанре литературного театра рассказ описательного характера или рассказ, состоящий из одних диалогов. При компоновке произведения очень важно найти режиссёрский ход, решение материала в целом, а в каком ключе оно будет, зависит от текста и видения режиссёра.

Литературный (особенно поэтический) театр использует выразительные возможности пластики, музыки, кино- и фотомонтажа. Ему доступны сложные задачи театра переживания и театра представления. Их решение не даётся легко, но доступно тем, кто готов к неутомимому познанию, поиску, к раздвижению творческих горизонтов своей личности, оттачиванию высокого эстетического вкуса и режиссёрских навыков и поэтому может сказать слово, которого ждут в зрительном зале.

В создании композиций не может быть оправдано произвольное соединение фрагментов разных авторов. Процесс работы над материалом должен соответствовать творческим исканиям автора, тем более что в «переводе

литературного текста в сценический» необходим новый взгляд на отображаемую писателем или поэтом жизнь.

Поиск сценического эквивалента литературному произведению мучителен и требует вдохновения. Замысел возникает из контекста, настроения, внутреннего, подсудного видения, из умения читать между строк, в рождении подтекста. Чувства и мысли автора должны быть восприняты исполнителем как личные, а его стиль, ритм, знаки препинания необходимо понимать как задание автора читателю, и тем более исполнителю. Из изобилия материала надо скрупулёзно отобрать фрагменты для развития действия и основной мысли композиции. Далее по всем законам драматургии выстраивается монолог или диалог с поворотами действия и развитием мысли, кульминацией и разрешением ситуации.

При поиске сценического эквивалента прозы у автора инсценировки возникает ряд проблем. Достроить недостающие ступени развития конфликта очень сложно. Можно создать прекрасную атмосферу и настроение, схватить психологию и этнографическую сторону произведения. На материале инсценировки труднее, чем в драматургическом произведении, получить живого, действующего человека — актёра. Уложить большое произведение в два-три часа сценического времени — задача невероятно трудная, требующая огромного вкуса и такта. Инсценировщики часто берут основную сюжетную линию романа или повести и отсекают всё, что остаётся за её пределами. А остаётся многое: авторские описания, характеристики персонажей, пейзажи, философские отступления — всё то, что составляет подчас неповторимое своеобразие авторского стиля и мироощущения, что даёт произведению объём и жизненную глубину. Можно понять Н. В. Гоголя, который писал из Рима П. А. Плетнёву: «До меня дошли слухи, что из «Мертвых душ» таскают целыми страницами на театр. Я едва мог верить... Ради бога, вступитесь за это дело: оно слишком близко моему сердцу...» [2, с. 6].

В 1910 году в письме к К. С. Станиславскому В. И. Немирович-Данченко наметил основные принципы подхода к литературному произведению при его инсценировании для театра. Первая установка — борьба против «дурно понятой сценичности», против насильственного, прямолинейного

подчинения автора так называемым законам сцены. Законы сцены, полагал Владимир Иванович, должны быть подчинены литературе, их горизонты и возможности расширены, если этого требует литература, идею произведения надо уметь найти в действии, в чертах поведения и характера всех без исключения героев, «иначе сказать, понять, куда, на какой объект направлен их темперамент, чем захвачены их чувства и мысль...» [1, с. 70]. Первое и важное условие инсценировки, по Немировичу-Данченко, — охват и подробное изучение не только данного произведения, но творчества писателя в целом в одном определённом аспекте — поиске его «драматургичности», которая понимается им как установление широкой внутренней природы конфликта данного автора.

Второе условие Немировича-Данченко: для всего этого авторского круга должна быть найдена своя особая форма выражения, может быть, даже шокирующая кого-то на первых порах. В поисках такой формы он ввёл фигуру чтеца — человека от автора. В дальнейшем Владимир Иванович расширил этот приём, распределив авторский материал уже не для одного специального «лица от автора», а для нескольких исполнителей главных ролей. Это родило необыкновенное существование актёра на сцене — на грани между чтением и игрой, что ещё более увеличивает амплитуду звучания авторских образов.

Итак, сегодня при инсценировании прозы на сцене должна происходить не иллюстрация известного романа, повести или рассказа, не выборка выигрышных для театра сцен, не голый сюжет, а самостоятельное творческое воплощение литературного произведения. Выявление «лица автора», всех тонкостей его образного строя, воплощение его социальной и общественной идеи, но при этом свободное, творческое, не буквалистское следование духу великого художника. Создатель, автор сценариев литературных спектаклей и композиций должен учитывать индивидуальные внешние и внутренние творческие данные артиста, является ли он сам исполнителем или нет. Выбор темы и конкретного материала, его соответствие личностным устремлениям исполнителя, заинтересованности — это начало пути к осуществлению замысла. Личность автора и исполнителя должны сливаться в единое целое.

Список использованных источников

1. Дикий, А. Д. Повесть о театральной юности / А. Д. Дикий ; [вступ. статья А. Мацина]. — Москва : Искусство, 1957. — 359 с.
2. Рудницкий, К. Л. Проза и сцена / К. Л. Рудницкий. — Москва : Знание, 1981. — 111 с.

Материал поступил в редакцию 12.05.2017 г.

Сведения об авторе: Москвитина Наталья Владимировна, доцент, заведующий кафедрой сценической речи Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск).

ЛАГУНОВА
АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,
ЯКИМОВА
СВЕТЛАНА ИВАНОВНА

ТЕМА ИЗГНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ (1920–е годы)

В статье на основе материалов редких зарубежных периодических изданий русской западноевропейской и восточной эмиграции, отечественных и зарубежных исследований выявляется «пафос общности», объединивший представителей первой волны русской эмиграции, оказавшихся на Западе и Востоке. Тема изгнания и сопутствующий ей мотив тоски рассматриваются авторами как специфическая черта русской духовной культуры, во все драматические моменты российской истории обеспечивавшей позитивную перспективу на сохранение и укрепление национально-государственного единства России.

Ключевые слова: первая волна эмиграции, западноевропейская и восточная эмиграции, литература русского зарубежья, поэты-эмигранты, тема Родины, тема изгнания, мотив тоски.

Keywords: the first wave of emigration, Western European and Eastern emigration, Literature of the Russian diaspora, poets-emigrants, the theme of the Motherland, the theme of exile, the motive of melancholy.

*Поэт в изгнаныи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен, и далёк.*

*Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаныи
Остановился на пути...*

А. Блок [2, с. 24]

В XX веке история русской литературы пережила три волны эмиграции. Первая начала формироваться после Октября 1917 года и росла до окончания Гражданской войны (1918–1922), вторая образовалась в конце Второй мировой войны, а третья берёт свои истоки после хрущёвской «оттепели».

Понятие «русское зарубежье» возникло в период первой волны, когда Россию начали покидать соотечественники, не принявшие идеалов большевизма. Особенность этой волны эмиграции заключалась в том, что она была самой массовой — более двух миллионов человек покинули страну. Во-вторых, она была почти одномоментной, в короткий срок, с 1917-го по 1922 год, люди добровольно или принудительно покидали бывшую империю, причём большую часть эмигрантов составляла интеллигенция. Это были историки, философы, писатели, юристы, художники и другие представители культуры того времени и той России.

Многие беженцы теряли семьи, теряли всё, что связывало их с прошлым, что оставалось вне зоны досягаемости, у них не было возможности в скором времени вернуться на Родину. Прежней России больше не существовало. Необходимость начинать новую жизнь, ностальгия лежали непосильным грузом на плечах беженцев. Мотив утраты занял главное место в их сознании. А выразилось это в слове, в поэзии.

После революции вмешательство идеологии правящего класса в дела искусства привело к утрате свободы слова, что вынудило несогласных с властью писателей эмигрировать. Среди них были И. Бунин, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Дм. Мережковский, А. Куприн, А. Ремизов, И. Северянин, А. Толстой, М. Цветаева, М. Алданов, Г. Адамович, Г. Иванов, В. Ходасевич и многие другие. Россия за рубежом концентрировалась в основном вокруг трёх центров: Берлина, Парижа и Харбина.

Проблемным вопросам литературы русского зарубежья первой волны, в частности поэзии, литературоведы в разное время посвящали свои труды. Среди наших современников это В. В. Агеносов, А. И. Ванюков, С. Р. Федякин, А. И. Чагин и другие [6, с. 15, 36, 182, 190].

В начале 1920-х годов литературной столицей русской эмиграции стал Берлин. В Германию ненадолго выезжают и многие советские писатели: М. Горький, В. Маяковский, Ю. Тынянов, К. Федин. Именно в такую культурную среду окунулась Марина Цветаева. В мае 1922 года она покинула страну, вместе с дочерью уехав в Берлин. Два месяца, проведённых в Германии, стали временем её интенсивного общения с писателями-эмигрантами. Там же началась эпистолярная дружба с Борисом Пастернаком, о которой она рассказала в одном из самых известных стихотворений-посвящений «Рас-стояние: вёрсты, мили...». Разрывающие слова дефисы олицетворяют необратимость разлуки писателей, разведённых по разные стороны границы, утрату связи русской эмиграции с Родиной, с писателями-единомышленниками, оставшимися в России. Произошедший из-за смены власти идейный раскол был показателен и географически. Писателей «рас-ставили, рас-садили, чтобы тихо себя вели», но голоса поэтов не заглушить даже этим расстоянием. Цветаева пишет:

Рас-стояние: вёрсты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили — рассорили,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас как орлов-
Заговорщиков: вёрсты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трупобам земных широт
Рассовали нас, как сирот [1, с. 285].

В контексте идеи раскола особой художественной выразительности исполнен образ креста. Это символ жертвенности тех, кто покинул Родину, кто оставил всё, что ему дорого и свято. Два писателя как орлы-заговорщики. Эта аллегория включает в себе символ приверженности традициям (гербом Российской империи был двуглавый орёл), родство душ, неделимость «сплава вдохновений». Писатели-эмигранты стали сиротами, утратив связь с Россией. Личное в стихотворении обретает общий, глобальный характер. Полтора десятка слов, обозначающих разрыв (расстояние, расклеили, распаяли, разбили и др.), мощно концентрируются в единый мотив разлуки, ностальгии по утраченной Родине, по родственным душам, общий для писателей-эмигрантов. Из ряда этих слов выделяются глаголы «рассорили» и «растеряли».

В рукописи после четвёртой строфы были следующие строки:

Ты — не я ли? И я — не ты ли?
 Не рассорили — рассорили,
 Расслоили: магнит, игла —
 Расслоившаяся скала [10, с. 515].

Революция рассорила писателей по всей земле, власть не придавала значения ни их творчеству, ни дальнейшей жизни вообще. Страна потеряла своих лучших сынов и дочерей. Погибла царская Россия, и осиротевшие деятели культуры стали ненужными и негодными новой власти. Рефреном звучат глаголы «не рассорили — рассорили», усиливая ощущение трагизма эпохи.

В 1937 году Марина Цветаева вернулась в СССР вслед за мужем и дочерью, предчувствуя своё будущее в Советской России: «...Там мне не только заткнут рот непечатаем моих вещей — там мне их и писать не дадут» [9, с. 83]. Неизвестно, как сложилась бы судьба поэта, останься она за рубежом. Новая власть мешала её творчеству, но на чужбине Цветаева остро ощущала разлуку с Родиной: «Моя неудача в эмиграции — в том, что я не-эмигрант, что я по духу, т. е. по воздуху и по размаху — там, туда, оттуда» [11, с. 601]. Жизнь не сломала Цветаеву-поэта, но забрала веру и надежду на светлое будущее. Трагический итог известен.

Несмотря на то что М. Цветаева говорит о своей неудаче в эмиграции, именно там она переживает творческий взлёт. В Чехии и Франции ею написаны такие поэмы, как «Царь-девица», «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Поэма Воздуха», «Крысолов», «Поэма лестницы», «Новогоднее», «Попытка комнаты», «С моря», «Перекоп», а также ряд прозаических произведений, очерки.

Восточным центром русского рассеяния стал Харбин. Имена писателей-эмигрантов, выехавших сюда, не столь хорошо известны широкому кругу читателей, но литературная жизнь не останавливалась и там в своём развитии. Она проявляла много общего с жизнью русских эмигрантов на Западе.

В 1926 году Алексеем Ачаиром в Харбине была создана литературная организация «Молодая Чураевка». Писатель говорил: «Мы — тоже кусок России и призваны сохранить то, что осталось от её культуры» [12, с. 114]. А вот характерные для духа «Чураевки» строки из стихотворения А. Ачаира «По странам рассеяния»:

Не смела нас кручина, не выгнула,
 Хоть согнула до самой земли,
 И за то, что нас Родина выгнала,
 Мы по свету её разнесли [12, с. 114].

И здесь, на другом конце земли, в русской поэзии эмигрантов звучит мотив изгнания, цветаевского «рассорения» по свету, но эмоциональный окрас стихотворения позитивен, строки наполнены высоким долгом служения

Родине. Каждый поэт за рубежом хранил часть России в своей душе, внешняя сила «согнула» их, но «не выгнула», не сломила духа и силы воли, сохраняя надежду на светлое будущее, веру в то, что впереди — новая жизнь.

Восточная ветвь эмиграции ощущала заметное влияние западного настроения в литературной жизни эмигрантов. В числе печатных изданий Парижа в 1930–1934 годах выходил литературный журнал «Числа». В среде эмигрантов было «принято говорить о “Числах” как о наиболее законченном выражении так называемой “парижской ноты” в поэзии» [8, с. 128]. Писатели, признававшие эту «ноту», как направление в лирике, считали поэтом того, кто наиболее полно выражал в своём творчестве трагический опыт изгнания. Критика не принимала позицию «Чисел» из-за главенствующих мотивов безысходности и отчаяния, которые звучали в стихах русских поэтов-парижан. Нельзя отрицать тот факт, что этого движения в литературе придерживалось большинство молодых поэтов-изгнанников, у которых были на то свои основания. Поэт-эмигрант Г. Газданов писал об этом поколении: «Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв... всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует — оно было обречено» [3, с. 303]. Но если это и было так, «парижская нота» не могла быть оправдана этими условиями.

Чувство безысходности молодых поэтов-эмигрантов нашло выражение в «тоске самоубийства», пронизывающей их стихи. Влияние «парижской ноты» выходило за пределы западного эмигрантского круга. «Чураевке» долгое время удавалось придерживаться своего пути, отличного от пессимизма «ноты». Но конец «Чураевки» во многом приблизил то, что два молодых поэта, Георгий Гранин и Сергей Сергин, в ночь на 5 декабря 1934 года совершили двойное самоубийство в харбинской гостинице «Нанкин». Поэт М. Волин считал, что на их смерть могла повлиять поэзия парижан — Владимира Смоленского, Бориса Поплавского и Георгия Иванова [12, с. 122]. Вот что писала по этому поводу Ларисса Андерсен: «Я думаю: правильно сказал Николай Петерек, один из поэтов нашего кружка, что Г. И. Гранина погубила поэзия» [12, с. 122]. Того же мнения придерживался Арсений Несмелов. «...В одной из книг “Чисел” было напечатано стихотворение о гимназисте, кончающем жизнь самоубийством, — писал он. — Фамилию автора я, к сожалению, забыл. Этому поэту удалось написать вещь, изображающую лёгкость ухода из жизни, простоту этого акта, и к тому же весьма тонко всё это эстетически припудрить. Несколько молодых харбинских поэтов показали мне это

стихотворение: они были от него в восторге. Спросили и моего мнения о нём. Я сказал, что нахожу его ужасным, ибо чувствую всю губительную силу, заключающуюся в нём: это электрический заряд, могущий многих убить! К несчастью, я не ошибся. Двое из тех молодых поэтов, что восторженно указали мне на стихотворение о юноше-самоубийце, через месяц, кажется, покончили с собой, тоже застрелившись, Гранин и Сергин... И никто не разубедит меня в том, что среди причин, облегчивших приближение смерти к этим двум молодым людям, не было и того страшного стихотворения из «Чисел» [4, с. 74].

В стихотворениях С. Сергина и Г. Гранина тема изгнания дополнялась мотивом тоски, сопряжённым с надеждой. Поэтому никто не мог предугадать трагедии. С. Сергин в стихотворении «Заветные слова» писал:

О Родина, с тобою розно
Чем я живу, как жить могу?
Печалью, дрящущейся годами,
Иль памятью?.. Я берегу
Её, как выцветшее знамя,
Впитавшее сражений дым,
Как щит, с надеждою несомый, —
Когда-нибудь, немолодым,
Сквозь слёзы улыбнуться — дома [7, с. 500].

Казалось бы, слово «надежда» говорит само за себя, но стихотворение пропитано грустью и тоской. Мотив безысходности усиливают риторические вопросы, а фрагментарность, спутанность мыслей и переживаний лирического героя передаются с помощью тире. Образ щита, как памяти, играет роль духовной защиты лирического героя от тягот эмигрантской жизни. Вместе с тем в стихотворении отсутствует однозначный позитив, ясность перспективы лирического героя на возвращение домой. Призрачность надежды на обретение Родины передаётся посредством неопределённого наречия «когда-нибудь». Теряющая яркость память ставит «заветные слова» в позицию, близкую пессимизму.

Творчество Г. Гранина также неоднозначно в контексте охватившей молодых поэтов «парижской ноты». В стихотворении «Россия», наполненном характерными для этой темы символами, ключевую роль играет мотив народного единства:

А вдруг и — вправду была Россия,
Россия: пламя, вихрь, огонь!
Обожжённых степей парусина,
Табунов длинногривых разгон? [7, с. 133].

В стихотворении возникают атрибуты Древней Руси: степи, табуны, реки, полынь, золотой звон, тайга, озёра, моря, берёзы, опушки, журавли и т. д. В то же время лирический

герой полон сомнений в том, что такая Россия есть. Сомнение заключено и в анафоре «а — вдруг», которая переходит из строфы в строфу, в обилии риторических вопросов. Мотив бессилия в этом стихотворении передаёт характерное для поэтов-эмигрантов начала XX века состояние души. В конце Г. Гранин восклицает:

Но если вправду была Россия
В пшенице, во ржи и в овсе,
Ведь тогда ж мы семья, мы — родные —
Родные — ты слышишь ли — все! [7, с. 133].

Несмотря ни на что, та Россия вечна, она была и есть, и она способна объединить «семью» эмигрантов, где бы они не находились. Идея родства писателей русского зарубежья выражена в форме кричащего на первый взгляд восклицания, заключающего в себе крайнюю степень отчаяния. Семья должна быть дома, в России, в каком бы состоянии та не находилась.

Самосознание эмигрантов 1920-х годов точно сформулировал В. Набоков: «В этой особенной России, которая невидимо окружает нас, оживляет и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и никакой силы, кроме нашей совести... Не будем проклинать изгнание. Будем повторять в эти дни слова античного воина, о котором писал Плутарх: “Ночью в пустынной земле, вдалеке от Рима, я разбивал палатку, и палатка была моим Римом”» [5, с. 439].

Поэзия эмигрантов первой волны сложна и драматична тем, что источником вдохновения для поэтов выступала разлука с Родиной. За рубежом выходили многочисленные русские газеты, журналы, альманахи, писатели объединялись в кружки и группы, там были написаны многие их лучшие произведения. Несмотря на материально трудную, духовно напряжённую жизнь в изгнании, именно благодаря ставшей основной для поэтов русского зарубежья теме отчаяния, тоски, безысходности, творчество поэтов-эмигрантов пережило взлёт. А русская мировая литература существенно обогатилась бесценным опытом жизни человеческого сердца.

Критик Г. В. Адамович говорил о том, что у эмигрантской литературы нет «пафоса общности» [8, с. 120]. Отчасти не соглашаясь с этой точкой зрения, отдаём ей должное. Действительно, этот пафос не был главенствующим, но всё же присутствовал в поэзии эмигрантов 1920-х годов. Мотив тоски по оставленной Родине драматически осложнялся мотивом изгнания. Трагический пафос, главенствуя, не отрицал других, более светлых и позитивных настроений. В условиях эмиграции этот эмоционально-психологический «пафос общности», неразрывности с Родиной наполнял души и сердца изгнанников духовным и душевным светом.

Список использованных источников

1. Ахматова, А. А. Стихотворения. Поэмы / А. А. Ахматова. Цветаева, М. И. Стихотворения. Эссе / М. И. Цветаева / сост. Л. Д. Страхова. — Москва : АСТ ; «Олимп», 2001. — 752 с.
2. Блок, А. А. Избранные сочинения / А. А. Блок ; вступ. ст. и сост. А. Туркова. — Москва : Худож. лит., 1988. — 687 с.
3. Газданов, Г. И. Собрание сочинений : В 5 т. Т. 5 : Письма. Poleмика. Современники о Газданове / Г. И. Газданов ; под общ. ред. Т. Н. Кравченко; сост., подгот. текста, коммент. Л. Диенеша, Т. Н. Кравченко, С. С. Никоненко. — Москва : Эллис Лак, 2009. — 736 с.
4. Их дальний путь лежал в изгнание... : антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока / авт.-сост. С. И. Якимова, Е. С. Бабкина, Н. А. Выхованец и др. ; под науч. ред. проф. С. И. Якимовой ; вступ. статья С. И. Якимовой. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. — 275 с.
5. Костиков, В. В. Не будем проклинать изгнание... / В. В. Костиков. — Москва : Вагриус, 2004. — 464 с.
6. Кто есть кто в российском литературоведении = Who is who in russian literary studies : библиогр. словарь-справ. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по обществ. наукам, [Центр гуманит. науч.-информ. исслед.]; [сост.: Т. Н. Красавченко и др. ; гл. ред.: А. Н. Николюкин]. — Москва : ИНИОН, 2011. — 406 с.
7. Русская поэзия Китая : антология / сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. — Москва : Время, 2001. — 720 с.
8. Струве, Г. П. Русская литература в изгнании : краткий биограф. словарь рус. зарубежья / Г. П. Струве ; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — 3-е изд., испр. и доп. — Париж ; Москва : УМСА-Press ; Русский путь, 1996. — 448 с.
9. Цветаева, М. И. Письма к Анне Тесковой / М. И. Цветаева ; подгот. изд., предисл. и коммент. И. Кудровой. — Санкт-Петербург : Внешторгиздат, С.-Петербург. отд-ние, 1991. — 189 с.
10. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 2 : Стихотворения и переводы / М. И. Цветаева. — Москва : Эллис Лак, 1994. — 560 с.
11. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 4 : Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / М. И. Цветаева ; сост., подгот. текста и коммент. А. Саакаянц и Л. Мнухина — Москва : Эллис Лак, 1994. — 688 с.
12. Якимова, С. И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист / С. И. Якимова. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. — 216 с.

Материал поступил в редакцию 15.05.2017 г.

Сведения об авторах:

Лагунова Алина Владимировна, студентка 1-го курса кафедры «Журналистика» института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: lagunova2503@mail.ru; тел. 8-996-389-23-82.

Якимова Светлана Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Журналистика» института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: 005563@pnu.edu.ru; тел. 8-914-777-73-71.

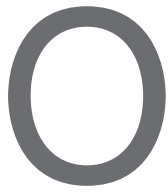
МУН
ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА,
ЯКИМОВА
СВЕТЛАНА ИВАНОВНА

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ И ЖУРНАЛИСТА ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

В статье рассматриваются очерки русского писателя и журналиста Всеволода Никаноровича Иванова, посвящённые осмыслению событий Октября 1917 года и Гражданской войны 1918–1922 годов, публиковавшиеся в преддверии эмиграции во владивостокской печати, оппозиционной советской власти (газета «Русский край», 1921 г.), остававшиеся неизвестными советскому читателю до 1991 года («Кровь царя», «Туман над Россией», «Во что обошлась русская революция»), а также его поэтические исследования эпохи идейного раскола России в жанре социально-политического сонета («Трупы», «Междоусобие»).

Ключевые слова: Вс. Н. Иванов, писатель, журналист, Октябрьская революция 1917 года, очерк, социально-политический сонет, проблемы культуры.

Keywords: Vs. N. Ivanov, writer, journalist, the October Revolution of 1917, feature article, socio-political sonnet, problems of culture.

Октябрьская революция стала одним из важных исторических событий XX века, в результате чего Россия оказалась расколота на два противоборствующих идейных лагеря — противников и сторонников большевизма.

Представители русской интеллигенции в течение долгих десятилетий обращались к теме тех кровавых событий.

Одним из них был Всеволод Никанорович Иванов (7 ноября 1888 г., Волковыск — 9 октября 1971 г., Хабаровск) — писатель и журналист, философ, историк, член Союза писателей СССР. Был известен также под псевдонимом доктор Финк. В 1906 году Иванов окончил Костромскую гимназию, а в 1911-м — историко-философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в газетах Омска, Владивостока и Харбина. В 1922 году эмигрировал в Китай. Был редактором газеты «Гун-Бао», одним из основателей кружка китаеведения (позднее — Общество изучения Китая) в Тяньцзине, первым редактором китаеведческого журнала «Вестник Китая» (№ 1 — март 1936 г.), редактором газеты «Наш путь». В Шанхае тесно сотрудничал с журналистом и редактором Василием Александровичем Чиликиным. В 1931 году принял гражданство СССР, а в мае 1936-го окончательно перешёл на просоветские позиции. Работал в газете China Daily Herard (до 12 октября 1937 г.), публиковался в газете «Новости дня» (1936–1937 гг.), затем стал главным редактором журнала «Мой журнал» (с 7 ноября 1937 г.), выступал на шанхайской радиостанции «Голос Родины». В феврале 1945 года вернулся в СССР, жил в Хабаровске, занимался литературной деятельностью [8, с. 291].

Революция 1917 года оказала большое влияние на жизнь и творчество Вс. Н. Иванова. Он говорил: «У меня было три жизни. Первая — в дореволюционной России, вторая — за границей, третья — в Советском Союзе. И каждую я начинал с ничего — уходил в чём был, даже зубной щётки не прихватывал» [2].

Вс. Н. Иванов не принял большевизма. В послеэмигрантских «Воспоминаниях» писатель так выразил свои зрелые суждения о революции: «Россия сожгла себя в гари, на костре своей революции, спасая мир, проливая свою кровь, борясь сама с собою внутри себя, истощая себя ради других. Октябрь — механизирование морали» [3].

Мироощущение эпохи нашло отражение в его журналистских публикациях. Иванов был знаком и состоял в переписке с художником, сценографом, писателем Николаем Рерихом. Работа Иванова «Огни в тумане. Рерих — художник-мыслитель» стала центральным произведением самой крупной монографии о Николае Рерихе — «Рерих» [7].

«Огни в тумане» — собрание очерков знаменитого

русского писателя и журналиста Всеволода Никаноровича Иванова, выпущенных им в 1932 году в Харбине. Название сборника имеет символический характер. Образ тумана передаёт ощущение зыбкости, неустойчивости, спутанности мыслей и представлений, сомнение в прежних устоях, неясность будущего. Мотивом тумана пронизаны и многие очерки этого сборника Иванова.

Открывает «Огни в тумане» очерк под названием «Туман над Россией». В нём программно заявлен мотив тумана, утраты гуманистических ценностей. Иванов отмечает, что «туман» охватывает Россию не сразу, он наплывает и распространяется постепенно, проникая до восточных окраин страны, Дальнего Востока.

«Гуще мрак моря, солнце всё дальше, и вот через сопки, перегнувшись, как огромная гусеница, брюхом шурша по лесистым, аметистовым острым вершинам, ползёт странный туман. Он распространяется над водами залива, где тараканами ползают «юли-юли», и скоро вступит как победитель в город» [4, с. 5], — так ощущает наступление тумана Иванов.

Вместе с тем туман не абсолютен, его прорезывают огни, передающие сохраняющуюся надежду на приближающийся рассвет, на то, что «туман рассеется». Поэтому можно сказать, что писатель не был абсолютным сторонником полного исключения перспективы изменения российского уклада.

В очерке Вс. Н. Иванова «Кровь царя», опубликованном в 1921 году во владивостокской газете «Русский край», воссоздана одна из самых страшных страниц русской истории — казнь большевиками российского императора Николая II, помазанника Божия. Оценивая эти события поистине исторического масштаба, Иванов извлекает для будущих поколений урок гуманизма: «Мы не знаем долга. Мы знаем только грех и его покаянное искупление. И этот великий грех русского народа — путь к его искуплению» [4, с. 19].

Он побуждал людей остановиться и предотвратить ту несправедливость и жестокость, которые происходят на земле. «Много крови было не омыто за это время, но выше всех кровей, выше миллиона пурпурных столбов курится кровь русского царя. Уже теперь, через три года после этой беспримерной жертвы царей за Россию, начинает все ярче и ярче вставать сознание — да что же мы сделали?» [4, с. 18]. В этих строках ощущается неразрывная связь автора со всей жизнью России, его глубокие переживания, личная ответственность за произошедшие события. Вс. Н. Иванов предстаёт истинным гражданином своей Родины, причастным ко всему, что происходило с его страной.

И здесь писатель характеризует атмосферу жизни через художественный мотив тумана: «Словно серым туманом затянуло прекрасные, пышные, сильные и изобильные

ландшафты родины моей. Нет, не туманом, а кошмарной снежной метелью... ненависть, чужая ненависть, как туманом, накрыла все величественные картины нашего исторического прошлого, искажала до неузнаваемости все пышные формы исторической традиции» [4, с. 16–17]. Образ тумана передаёт ощущение спутанности представлений, исторического тупика, утраты прежних ценностей.

Особую значимость имеют очерки и миниатюры Вс. Н. Иванова на темы русской истории. В очерке «Во что обошлась русская революция» воссоздаются драматические последствия Октября 1917 года, нашедшие отражение в огромных сдвигах в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни. Как учёный-историк, он оценивал события, опираясь на идею преемственности и непрерывности исторического развития [2, с. 243].

В конце 1919 года, в самом начале Великого сибирского ледяного похода армии Колчака на восток «обетованный», под Оханском Всеволодом Ивановым был написан сонет «Междоусобие». Надо сказать, что сонет, как стихотворный жанр, возник в XIII веке в Сицилии. Он продолжал своё развитие и в XX веке, в том числе в форме социально-политических сонетов, которые, как правило, существовали недолгое время, но проявляли свою востребованность в особо драматические периоды истории. Этот сонет писателя был опубликован в 1921 году во Владивостоке в литературно-художественном приложении к воскресному номеру газеты «Русский край». В нём перед читателями предстаёт картина упадка российского государства, «слышатся голоса» тех людей, которые погибли, сражаясь в огне Гражданской войны:

...Как капли дождика, всплывают голоса
В великой тишине, которой степь объята.
Дорогой неживой идут два разных брата.
И кровь, как зеркальце, в следах от колеса.
Один кривится весь усмешкой беспримечной,
Жестоко деловит в своей походке нервной
И пальцы в прорези жилета заложив [6, с. 123].

Без сомнения, революция изменила жизнь каждого человека, мировоззрение и взгляды на многие вещи. В стихотворении чувствуются послереволюционные настроения, которые остались в памяти его автора, активного свидетеля и участника тех грандиозных потрясений. Сонет проникнут ощущением трагичности эпохи, мотивом тоски и горечи.

В другом социально-политическом сонете с трагическим и натуралистическим названием «Трупы» запечатлены последствия раскола России на красных и белых. Он был опубликован в 1922 году во владивостокской газете «Русский край». В нём автор раскрывает философскую тему ценности жизни и её цены:

Их было несколько, погруженных в саних.
В раздробленном лице в крови белели зубы,
И рядом мёртвый снег садился прямо в губы,
И звёздами сиял на восковых деснах... [6, с. 129].

Эти жёсткие строки строгого сонета максимально точно передают состояние лирического героя, переживающего трагедию страны как свою личную. Только горькая и страшная правда, способная ошеломить, могла заставить людей остановиться, говорит своим современникам и потомкам Вс. Н. Иванов.

Необходимо отметить, что Всеволод Никанорович Иванов, как писатель и журналист, в своих произведениях делал акцент на события поистине исторического, глобального масштаба. Поэтому тема Октябрьской революции 1917 года и её последствий в его творчестве заняла особое место. В очерках, сонетах, поэтических произведениях высокого жанра писатель запечатлел и глубоко эмоционально передал не только исторические события, но и мироощущение людей, вовлечённых в братоубийственную войну, войну гражданскую. Всё это не даёт усомниться в глубоко личной причастности Вс. Н. Иванова к судьбе России. В своём богатом наследии он воплотил тип свободной, творческой личности гражданина, мыслящего масштабно и заботящегося о вечных ценностях для последующих поколений.

Список использованных источников

1. 10 важных фактов о трагедии семьи Романовых [Электронный ресурс] // Интерфакс. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/318826>.
2. Буяров, Д. В., Кузнецов, Д. В. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск — Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.). Выпуск 6 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2016. — 686 с.
3. Глебова, Е. Исход человека-лайнера / Всеволод Иванов [Электронный ресурс] // Иные берега : журн. о рус. культуре за рубежом. — 2009. — № 3. — Режим доступа: <http://www.inieberega.ru/node/181>.
4. Иванов, Вс. Н. Огни в тумане. Рерих — художник-мыслитель / Вс. Н. Иванов. — Москва : Совет. писатель, 1991. — 384 с.
5. Иванов Всеволод Никанорович [Электронный ресурс] // Культура и искусство. — Режим доступа: http://cult-and-art.net/prose/72867-ivanov_vsevolod_nikanorovich (опубликовано 5 декабря 2013 года).
6. Их дальний путь лежал в изгнание... : антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока / авт.-сост. С. И. Якимова, Е. С. Бабкина, Н. А.

НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

- Выхованец и др. ; под науч. ред. проф. С. И. Якимовой ; вступ. статья С. И. Якимовой. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. — 275 с.
7. Мемория. Всеволод Иванов [Электронный ресурс] // Полит. ру. — Режим доступа: <http://polit.ru/news/2016/09/19/ivanov>.
8. Хисамутдинов, А. А. Русское слово в стране иероглифов: к истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. — 302 с.

Материал поступил в редакцию 15.05.2017 г.

Сведения об авторах:

Мун Екатерина Владимировна, студентка 2-го курса кафедры «Журналистика» института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: rina.rina.moon@mail.ru; тел. 8-909-875-59-26.

Якимова Светлана Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Журналистика» института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: 005563@pnu.edu.ru; тел. 8-914-777-73-71.

ФОТОГРАФІЯ А.К.КУЗНЕЦОВА

АЛБОМЪ

ЭТНОГРАФІИ

СТРУК КРИСТИНА АНДРЕЕВНА

ФОТОДОКУМЕНТЫ ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ФОНДЕ РЕДКИХ И ЦЕННЫХ ИЗДАНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Статья написана по результатам изучения части коллекции фотоальбомов, хранящихся в Дальневосточной государственной научной библиотеке, в которых представлены этнографические фотоснимки народов Сибири и Дальнего Востока России. Рассматривается вопрос об этнографической фотографии как источнике информации. Даётся классификация, анализируются состав и содержание этнографических снимков фотоколлекции фонда редких и ценных изданий ДВГНБ.

Ключевые слова: этнографическая фотография, фотодокумент, этнография Сибири и Дальнего Востока России, дореволюционная фотография, фотоальбом, фотоколлекция, фонд редких и ценных изданий ДВГНБ.

Keywords: ethnographic photography, photographic documents, Ethnography of Siberia and the Russian Far East, pre-revolutionary photo, photo album, photo collection, collection of the rare books department of the Far Eastern State Research Library.

Изучение истории и культуры коренных народов Сибири и Дальнего Востока России сейчас весьма актуально. В условиях современного мира, происходящего процесса глобализации этническая культура утрачивает аутентичность.

Многие традиции, обычаи, бытовые элементы коренных народов постепенно теряют свою важность и со временем угасают. В связи с этим особую ценность приобретают фотографические источники по этнографии, так как они воссоздают в зрительных образах утраченные предметы материальной и духовной культуры.

Фотографию как источник информации в России стали изучать сравнительно недавно. Сейчас фотоколлекции музеев и библиотек всё чаще становятся объектом исследования, но пока ещё не существует устоявшейся методологии изучения фотографического источника.

Этнографическая фотография должна рассматриваться на стыке двух наук — этнографии и источниковедения. В отечественном источниковедении на сегодняшний день немного работ, посвящённых изучению этнографических фотоколлекций. Проблема атрибуции и классификации подобных источников занимались сотрудники Российского этнографического музея — А. А. Чувьуров, А. С. Морозова, а также специалисты Музея археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — А. М. Решетова, В. А. Прищепова, Е. Б. Толмачёва. Исследователи сходятся на мысли, что «этнографическая фотография, объединённая с архивной и музейной документацией, способна служить достоверным источником при реконструкции отдельных элементов традиционной культуры» [16, с. 126]. Действительно, в отличие от других источников информации, например, рисунков, которые активно применялись в научных экспедициях до появления фотографического аппарата, фотография более достоверно передаёт факты. Но нельзя забывать, что её создаёт фотограф со своим видением и своей интерпретацией происходящего. Поэтому «эпизод на снимке рассматривается не как факт, а как “высказывание о фактах”» [16, с. 126]. При анализе фотоснимка необходимо учитывать обстоятельства его создания и личность фотографа.

На сегодняшний день остаётся нерешённым круг вопросов, касающихся этнографической фотографии. Не разработано универсальное определение этого термина, не существует устоявшихся принципов классификации такого рода источников. Неясны способы выявления этнографических фотографий среди других фотоисточников, отсутствуют критерии их анализа.

Особый интерес в плане изучения этнографических фотографий представляет коллекция фотодокументов,

хранящихся в отделе редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки (далее — ДВГНБ), так как она является целостным, уникальным по своему составу и содержанию собранием фотодокументов по истории и культуре России, а также зарубежных стран.

С 2014 года в ДВГНБ ведётся работа по систематическому изучению коллекции фотоальбомов. В рамках фундаментального научного исследования «Книга как социокультурный феномен в контексте исторического развития Дальнего Востока» (направление «Дальний Восток России на фотографиях конца XIX – начала XX века: по фотоальбомам из фонда Дальневосточной государственной научной библиотеки») была выделена часть фонда, которая содержит фотоальбомы с видами Дальнего Востока России этого периода. Разработана форма научного описания, описан альбом «Охотско-Камчатский край» со снимками А. П. Сильницкого. В 2015 году предметом изучения стали фотографии города Хабаровска в фонде отдела редких и ценных изданий ДВГНБ, а в 2016 году было решено обратиться к исследованию этнографических фотоисточников по истории и культуре народов Сибири и Дальнего Востока России¹.

Этнографические фотоисточники ДВГНБ не имеют особого грифа. Они не выделялись в отдельный раздел. Фотографическая коллекция расставлена по географическому признаку. Отдельно стоит краеведческая часть коллекции, разделённая также по географическому признаку. Поэтому необходимо было из всего имеющегося массива фотоальбомов выделить фотографии, которые могут считаться этнографическим источником по изучению народов Сибири и Дальнего Востока.

В ходе работы было отобрано 26 фотоальбомов и папок с планшетами. В них обнаружено 447 фотографий, которые по тем или иным признакам можно назвать этнографическими. Коллекция включает снимки по этнографии нивхов, нанайцев, негидальцев, эвенков, коряков, камчадалов, айнов, орочей, якутов, бурятов и других.

В процессе работы создавался реестр этнографических фотоснимков, в котором отражены сведения о расположении снимка, его авторе, месте и времени создания, размере,

¹ К изучению этнографических фотографий сотрудники ДВГНБ уже обращались. В 2010 году отделом краеведческой литературы был разработан уникальный проект — передвижная историко-краеведческая фотоэкспозиция «Аборигены Амура и Охотоморья». Каждая фотография, представленная на выставке, снабжена комментариями исследователей-современников о названии народа, языке, об основных занятиях, одежде, о жилище и других особенностях культуры коренных народов Дальнего Востока. Сейчас эта фотоэкспозиция украшает холл третьего этажа основного здания ДВГНБ.

внешних особенностях и сохранности. Реестр содержит основную поисковую информацию и факты о бытовании фотографий.

Прежде чем классифицировать и анализировать отобранный материал, нужно разобраться, какие фотодокументы можно считать этнографическими.

Что такое этнографическая фотография?

Изучением проблемы определения этнографической фотографии занималась Екатерина Борисовна Толмачёва, заведующий лабораторией аудиовизуальной антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В её кандидатской диссертации первая глава посвящена этому: «Не вызывает сомнений, что этнографическая фотография должна предоставлять информацию о традиционных особенностях народов мира, о разных сторонах культуры, о бытовании явлений и реалий» [20, с. 33]. Далее исследователь отмечает: «Процесс выработки универсального определения предмета и объекта этнографии, этнографического визуального источника не завершён. Имеющиеся определения неполны, появляется множество исключений» [20, с. 35].

В одном из источников сети Интернет говорится, что этнографическая фотография — это «жанр научной фотографии, фиксирующий и сохраняющий особенности этнической культуры, быта, костюмов, обычаев, среды обитания и внешний облик различных народов. Фотография этнографическая сложилась во второй половине XIX века под влиянием традиций этнографических рисунков и гравюр. Её главные качества — научная содержательность, аутентичность, объективность, возможность так называемого отсроченного наблюдения» [22].

Сомнительным представляется указанное в этом определении такое качество этнографической фотографии, как объективность, ибо всегда на содержание и вид полученного изображения влияет личность фотографа. Этот фактор надо учитывать при изучении любой фотографии.

В работе научного сотрудника Казанского федерального университета М. В. Вятчиной «Визуализация этничности в фотоматериалах конца XIX – начала XX веков (на примере фотографий Этнографического музея Казанского университета)» этнографическая фотография отождествляется с антропологической и включает в себя «снимки, запечатлевшие этнокультурное многообразие региона» [3]. В своей статье М. В. Вятчина анализирует методические рекомендации к этнографической съёмке, напечатанные в Известиях Импе-

раторского Русского географического общества в 1872 году. Это перевод немецкой статьи «Наставления для желающих изготовлять фотографические снимки на пользу антропологии». В антропологической фотографии «выделяется два типа снимков: физиогномические и этнографические. Первая группа должна была отображать физические особенности народов» для проведения антропометрических исследований. «Особо рекомендовалось делать лицевой (с фаса) и боковой (в профиль) виды головы» [3]. Создавая снимки для второй группы, фотограф должен был уделить особое внимание «костюму, утвари, оружию, жилищу. То есть можно сделать заключение, что именно элементы традиционной материальной культуры, видимой и осязаемой, для человека середины XIX века были признаком “этнографичности”» [3].

Этнографическая фотография должна отвечать требованиям науки, она призвана запечатлевать элементы повседневной культуры и быта народов, фиксировать этнические особенности и своеобразие этносов.

С точки зрения выбора объектов исследования, в русской этнографии на рубеже XIX–XX веков преобладал в основном краеведческий подход. «В собирательской этнографической работе конца XIX и начала XX в. всё более преобладало краеведческое направление. На местах росли кадры любителей и специалистов-этнографов, изучавших быт местного населения; рос и количественно и качественно собираемый ими материал. В их числе были лица, специально подготовленные, научные работники, были самоучки-любители, люди разных социальных положений и разных политических взглядов: учителя, земские деятели, сельское духовенство, мелкие чиновники, захудалые помещики» [17, с. 520]. Политические ссыльные тоже могли работать над изучением истории, географии, этнографии областей, в которых оказались, выступать как собиратели этнографической информации. Яркий пример тому — деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова, краеведа и фотографа, работавшего в Забайкалье в 80-х годах XIX века.

Становление и развитие фотографии на Дальнем Востоке связано с началом исследования его территорий. В это время идёт активное изучение дальневосточных окраин. «Этнография как наука бурно развивалась в тот период, когда фотография делала первые успешные шаги, поэтому учёные сразу же постарались сделать фотоаппарат инструментом научного познания» [20, с. 4]. Приамурский отдел Императорского Русского географического общества, который приобрёл свой официальный статус в мае 1894 года, активно отправляет своих специалистов в экспедиции [21, с. 18]. Одним из основных направлений деятельности отдела стало «собираение сведений о крае и сопредельных иностранных государствах и опубликование их или путём

печати, или в виде рефератов в общих собраниях отдела...» [12, с. 5]. Приамурский край представлял интерес в географическом, этнографическом и статистическом отношениях. Жизнь коренных народов Дальнего Востока изучали И. П. Надаров, Н. Л. Гондатти, П. П. Шимкевич, А. П. Сильницкий, А. Г. Рождественский, В. П. Маргаритов.

Собиранием сведений по этнографии Дальнего Востока также занималось Общество изучения Амурского края, основанное в 1884 году. «Известные на Дальнем Востоке своими этнографическими исследованиями Н. А. Пальчевский, Ф. Ф. Буссе, К. Д. Логиновский, С. Н. Браиловский, Б. О. Пилсудский, В. К. Арсеньев и другие положили начало систематическим исследованиям аборигенных народов Приамурья. В поле их зрения попали немногочисленные дальневосточные племена: орочи, ольчи, нивхи, гольды, тазы, самагиры, гиляки, негидальцы и др. Был изучен их быт, языки, культура, религия, собраны ценнейшие музейные коллекции и статистические материалы» [9, с. 140]. Отправляясь в экспедиции, учёные брали с собой фотоаппарат или нанимали фотографа и фиксировали важные для науки явления на плёнке.

В это же время на Дальнем Востоке появляются первые фотоателье, которые развивают фотодело для коммерческих целей. Фотографы-коммерсанты не только создают снимки на заказ, но и ездят по неизведанным местам в поисках экзотики.

Подавляющее большинство этнографических фотоснимков фонда редких и ценных изданий ДВГНБ либо сделано в экспедициях, либо с коммерческой целью. От этого и зависит смысловая нагрузка фотографии.

Классификация этнографических фотодокументов ДВГНБ

Чтобы систематизировать отобранный фотографический материал, решено было воспользоваться классификацией, разработанной Е. Б. Толмачёвой. В качестве основных критериев исследователь выделяет: 1) конечную цель, которой руководствовался автор при создании материала; 2) род деятельности автора [20, с. 58]. Взяв за основу эти критерии, Екатерина Борисовна делит весь фотоматериал МАЭ² на три группы.

1. Материалы, созданные специально для этнографической науки: научная этнографическая фотография.

2. Материалы, создававшиеся для смежных с этно-

графией социогуманитарных наук: научная фотография гуманитарных наук.

3. «Околонаучный» материал, который при определённых условиях также может стать этнографическим источником: фотографии с этнографическим сюжетом [20, с. 58–59].

Распределим выделенные фотоальбомы ДВГНБ по данной классификации.

К первой группе отнесём материалы, создававшиеся с целью изучения Дальневосточного края. В основном это будут фотографии, полученные в экспедициях. Создаются такие снимки в сугубо научных целях, при фиксации действительности фотограф не отвлекается на экзотику, а стремится запечатлеть жизнь исследуемого народа с позиций повседневности. Фотограф при этом старается быть объективным, насколько это возможно.

К такому типу источников относятся фотоальбомы ДВГНБ «Камчатка», «Анадырский край», «Поселения на берегах Охотского моря», «Типы и виды Охотского уезда Приморской Области. 1897 г.», «Охотско-Камчатский край», два альбома с одинаковым названием «Сахалин. 1894 год».

Фотоальбом «Камчатка» создавался в экспедиции 1897 года, предпринятой исследователем В. П. Маргаритовым с целью изучения Камчатки, её истории, географии и населения. К экспедиции присоединились два врача: «петропавловский окружной врач, В. Н. Тюшев и врач парохода «Хабаровск», Ю. К. Шиманский. Первый воспользовался случаем для объезда своей округи, а второй, с согласия генерал-губернатора, изъявил готовность усилить состав экспедиции, с специальною целью ознакомиться с камчатскою проказою и сифилисом... Прикомандированный специалист фотограф из ссыльно-каторжных и туземец-казак, как прислуга, сопровождали нас на всем пути» [8, с. I].

В экспедиции было сделано более двухсот фотографий «и в таких местах, где фотографический аппарат впервые был виден...» [8, с. II]. В объектив фотокамеры попали камчадалы и коряки. В фотоальбоме «Камчатка» запечатлено селение, где проживали камчадалы, даны портреты представителей этого народа в национальных костюмах, снято жилище на сваях и жилище бедняка-камчадала, зафиксирована даже основная пища народа, так называемый «камчатский хлеб» — рыба. Коряки сняты в национальных костюмах, на фотографиях представители мужского и женского населения. Корякская шаманка запечатлена по методам антропологической съёмки — вид спереди (фас) и вид сзади.

В фотоальбоме под каждой фотографией к альбомному листу приклеено название на тонкой полоске бумаги. Не совсем корректно сформулировано название «Летнее жилище камчадалов», так как на снимке изображено жилище бедного камчадала.

² Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Летнее жилище камчадалов. Фотография из экспедиции на Камчатку в 1897 г. В. П. Маргаритова. Фотоальбом «Камчатка».

Этот снимок описывает В. П. Маргаритов в сочинении «Камчатка и её обитатели»: «На прилагаемой фотографии изображено жилище современного бедного камчадала, которое, очевидно, является переходною ступенью от древних земляных юрт с одним лишь верхним отверстием к современным бревенчатым избам и которое теперь попадаетея весьма редко, только у самых бедных жителей Камчатки. Рядом с ним сооружен, так называемый балаган, устраиваемый по одному типу у всех северных инородцев, живущих рыбною ловлею, и служащих летним помещением для хозяина и зимним хранилищем заготовленной рыбы и вообще всех продуктов. Устройство балагана на высоких стойках вызвано во-первых тем, что, под ним, как под навесом, образуется крытое помещение для просушки рыбы (юколы), во-вторых тем, что, благодаря высоте стоек, балаган, как хранилище припасов является недоступным для собак, лис и других животных, и в-третьих тем, что при таком устройстве, летнее жильё в нём является убежищем от излишней сырости и особенно от комаров и вообще от гнуса» [8, с. 112].

Благодаря работе фотографа сегодня можно увидеть, как жили камчадалы и коряки на Камчатке в конце XIX века.

О жизни острова Сахалин помогут узнать два фотоальбома «Сахалин. 1894 год». Они содержат интересный этнографический материал. Почти все снимки из отобранных рассказывают о жизни гиляков³, и на единственной фотографии запечатлены айны.

Удалось установить авторство лишь четырёх фотоснимков нивхов. Фамилия автора была подписана на негативе, поэтому при печати фотографии она сохранилась. Судя по надписи, автором этих снимков был Алексей Александрович фон-Фрикен.

Краткие сведения о фон-Фрикене даны в комментариях

к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Изучением истории рода фон-Фрикенов в России занимался В. Н. Рыхляков — российский генеалог и библиограф. У него есть статья, посвящённая Алексею Александровичу. А. А. фон-Фрикен родился в 1858 году, окончил Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. В 1888 году он был назначен инспектором сельского хозяйства на Сахалине. В те годы остров был местом ссылки и каторги, поэтому население Сахалина большей частью состояло из ссыльных. Коренными жителями острова были айны и гиляки. Ввиду недостаточной изученности края, Алексей Александрович приступает к исследованию его природы. Он стал едва ли не первым профессиональным фотографом Сахалина, открыв в Александровске собственную фотографию [14, с. 8]. В своих работах Алексей Александрович запечатлел виды Сахалина и его жителей. Как говорилось выше, в фотоальбоме «Сахалин. 1894 год» четыре этнографических фотографии за авторством фон-Фрикена: два групповых портрета нивхов и два снимка нивхов-надзирателей. На Сахалине в конце XIX века нивхов принимали в надзиратели для поимки беглых каторжников как людей, хорошо знакомых с местностью. По этим фотографиям можно судить о национальном своеобразии народа, их внешности, одежде, занятиях.

На одном снимке из «сахалинских альбомов» тиснение: «Павловский». Иннокентий Игнатьевич Павловский, управляющий телеграфной станцией в селе Дуэ⁴, профессионально увлёкся фотографией и достиг в этом искусстве больших успехов. И. И. Павловский ездил по Сахалину и фотографировал места, природу, людей. В объектив его камеры попали представители коренного населения острова. На фотоснимке Иннокентия Игнатьевича — летнее жилище нивхов с двускатной крышей, которое располагается на сваях. Вот его описание в одном из источников конца XIX века: «Жилища гиляки строят себе из бревен, видом несколько похожие на русскую избу» [11, с. 27].

Большинство фотоснимков из «сахалинских альбомов», не касающихся этнографии, так и остались не атрибутированы, но работа по их изучению будет продолжена.

Содержание следующего фотоальбома — «Анадырский край» — относится к экспедиционной съёмке. К сожалению, автора не удалось установить.

Летом 1888 года в составе Гижигинского уезда была выделена Анадырская округа. Первым её начальником стал Леонид Францевич Гриневецкий. В 1889 году он основал на берегу Анадырского лимана пост Ново-Мариинск (ныне — город Анадырь). Л. Ф. Гриневецкий изучал анадырских чукчей, которые, по его наблюдениям, делятся на «оленных»,

3 Устаревшее название народа, ныне — нивхи.

4 Село в Сахалинской области России.

сидячих и жителей селения Марково. Он отмечал, что все инородцы настолько обрусели, что забыли родной язык.

В июле 1891 года Леонид Францевич умер в Ново-Мариинске. Над его могилой был поставлен деревянный крест. Фотографии этого креста помещены в альбом «Анадырский край». Через три года здесь был установлен гранитный памятник, присланный матерью Л. Ф. Гриневецкого, с надписью: «Потрудившемуся на пользу науки». На последней фотографии альбома как раз запечатлён тот самый памятник. Исходя из данной информации, можно установить крайние даты съёмки: 1891–1894 годы. О том, что фотографии были созданы во время экспедиции, свидетельствует наличие снимков, иллюстрирующих некоторые моменты походной жизни: «Низовья Анадыра — передвижение казённого груза из Ново-Мариинского поста в Марково», «Роздых близ Маркова», «Бивуак в верхнем течении Анадыра близ Еропола⁵». На других фотографиях этого альбома запечатлены виды Анадырского лимана, тундры. Немало портретов людей, проживающих там: сидячие и оленные чукчи, ламуты⁶ в национальных костюмах. Представители коренных народов Анадыря размещены возле своих жилищ. Это позволяет увидеть особенности и отличия внешности, одежды и жилища каждого народа. Все фотографии сделаны на местности, видно, что у фотографа не было стремления приукрасить действительность, цель его заключалась в точной, достоверной фиксации фактов, интересных для науки.

Этой же цели придерживался и Антон Петрович Сильницкий, который посетил Камчатку и Охотский край в 1901 году. Из экспедиции он привёз фотоснимки видов города Петропавловска-Камчатского, его окрестностей, посёлка Охотска и близлежащих населённых пунктов. Фотоснимки были помещены в альбом «Охотско-Камчатский край». Среди прочих снимков в альбоме находятся этнографические фотографии камчадалов, коряков, якутов, снятых в большинстве своём в естественных условиях проживания.

Таким образом, научная этнографическая фотография включает в себя материалы, созданные в экспедициях. Фотографами чаще всего выступали либо сами учёные, либо нанятые люди, умеющие пользоваться фотоаппаратом. Научные снимки не претендуют на художественность, они призваны фиксировать этнографические реалии в естественной среде.

Ко второй группе источников относятся материалы, создававшиеся для смежных с этнографией гуманитарных наук. В коллекции альбомов ДВГНБ среди фотографий,

посвящённых истории Сибири и Дальнего Востока России, таких материалов нет. Поэтому во вторую группу вошли фотоисточники, относящиеся к другим отраслям знания. В некоторых фотоальбомах содержатся 1–2 фотографии с этнографическим содержанием, сами же альбомы посвящены совсем иным явлениям: строительству путей сообщения, золотодобывающей промышленности на Дальнем Востоке России. К таким источникам относятся: «Фотография А. П. Динесс⁷ на Амуре. Снимки Зейской тайги», «Фотография А. П. Динесс на Амуре. [Уссурийская железная дорога]», «Северный участок Уссурийской железной дороги 1897 г.», «Золотые прииски Нижнего Амура. Прииски Амгуньской компании», «Амурский губернский отдел коммунального хозяйства 1923 г. Фотографические виды дорог Амурской губернии».

К этой группе было отнесено всего шесть фотоснимков. Два из них — «Поисковая партия, состоящая из служащего, нескольких рабочих и 2-х орочен вожаков» и «Вожак [орочены] золотопри[?]телей». Орочен, или орочен, были хорошими вожаками благодаря своим знаниям. Этот кочевой народ исходил всю округу и знал, в каких местах можно найти золото.

Поисковая партия, состоящая из служащего, нескольких рабочих и 2-х орочен вожаков. Фотограф А. П. Динесс. Фотоальбом «Фотография А. П. Динесс на Амуре. Снимки Зейской тайги».

В центре первой фотографии — летняя юрта орочен, рядом с жилищем стоят олени и люди. Снимок сделан на фоне зейской тайги. Кадр постановочный, персонажи съёмки смотрят в камеру, видно, что они позируют фотографу.

Фотография не в полной мере передаёт национальные особенности орочен. Они одеты как русские золотоискатели. Снимок относится больше к истории золотопромышленности на Дальнем Востоке, чем к этнографической науке.

⁵ Еропол — река на Дальнем Востоке России, один из притоков р. Анадырь.

⁶ Устаревшее название народа. Ныне — эвены.

⁷ В этом альбоме помещены снимки, созданные женщиной-фотографом Агнесой Павловной Динесс.

Вторая фотография с этнографическим содержанием — «Вожак [орочены] золотопри[?]телей» — находится в другом фотоальбоме Агнессы Павловны Динесс. Название подписано неразборчиво, поэтому информация, сформулированная библиотекарями, заключена в квадратные скобки. Как и на первой фотографии, одежда орочен не отражает национальных особенностей. По этим снимкам мы не можем судить о национальном своеобразии народа, главное, что они передают информацию о занятиях орочен.

Нельзя обойти вниманием фотоснимки, отобранные ко второй группе, которые созданы Эмилем Францевичем Нино — знаменитым фотографом-французом, работавшим на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века. Снимки называются: «Река Керби в 1,5 вер. от пр. Иннокентиевск» и «Тунгусы⁸ на р. Керби в большую воду». Фотографии приклеены на фирменных планшетах Э. Нино. Помещены они в папку «Золотые прииски Нижнего Амура. Прииски Амгуньской компании», посвящённую истории золотодобычи на Дальнем Востоке. На обеих фотографиях в центре кадра — жилище эвенков, мужчины и женщины сидят рядом с чумом. На снимках зафиксированы некоторые элементы быта эвенков: рыболовные сети, лодка, люлька младенца. Такие фотографии дают исследователю очень ценный этнографический материал.

Тунгусы на р. Керби в большую воду. Фотограф Э. Нино. Фотоальбом «Золотые прииски Нижнего Амура. Прииски Амгуньской компании».

Ещё два фотоснимка из второй группы связаны с историей строительства путей сообщения на Дальнем Востоке: «Гольды» и «Орочоны везут провизию на оленях по тропе». На снимке «Гольды» из альбома «Северный участок Уссу-

рийской железной дороги 1897 г.» нанайцы с собаками везут что-то на санях по снегу. Они смотрят в камеру, но снимок не выглядит постановочным. Их как будто застали врасплох во время выполнения определённого действия. Автор этой фотографии — владивостокский фотограф В. В. Мацкевич.

В фотоальбоме «Фотографические виды дорог Амурской губернии» помещены снимки дорог, среди которых фотография «Орочоны везут провизию на оленях по тропе». На ней орочоны запечатлены в естественных условиях и на фотографа не обращают никакого внимания.

Все эти фотоальбомы создавались с целями, отличными от этнографических. Представители этносов запечатлены в связи с какими-либо событиями. Такого рода фотографии как бы дополняют общую картину жизни и развития дальневосточной окраины.

К третьей группе — «фотографии с этнографическим сюжетом» — относятся источники, которые создавались не для научных целей, но при определённых условиях могут стать ценным этнографическим материалом. Это фотографии, фиксирующие экзотику (то есть предметы и явления, которые характерны для определённого народа и необычны для других), коммерческая съёмка, портретное фотографирование. Такие снимки направлены на визуальную презентацию народа, культуры, ознакомление с разнообразием мира [20, с. 61].

В фонде редких и ценных изданий фотографии с этнографическим сюжетом содержат следующие фотоальбомы: «Народности Дальнего Востока», «Народности», «Амур. От р. Амгуни до ст. Покровской», «Николаевск. 1888 г.», «Амурская область», «Приморская область», «Путешествие наследника цесаревича по Забайкальской области», «[Япония. Этнографический альбом]», «[Этнографический альбом малых народностей Сибири и Дальнего Востока]», «Забайкальская область», «Верхнеудинск», «Виды Забайкалья», «Альбом Забайкальской области», «Альбом этнографии».

К этой группе относятся снимки таких известных фотографов, как Эмиль Францевич Нино, Руфин Самойлович Пророков, Алексей Кириллович Кузнецов и Николай Аполлонович Чарушин.

Эмиль Нино много ездил по Дальнему Востоку, и в результате этих поездок была создана целая серия этнографических фотографий. Он снимал аборигенов как в естественной среде обитания, так и у себя в студии, где собрал большое количество предметов быта коренного населения Дальнего Востока. Фотографом было создано много снимков, которые могут считаться настоящими произведениями искусства.

Рассмотрим фотоснимок «Гольд» из фотоальбома «Приморская область». На нём запечатлён нанайец в тра-

⁸ Устаревшее название народа. Ныне — эвенки.

АРТЕФАКТ

диционной одежде охотника. Фотография постановочная, персонаж позирует на готовом студийном фоне. Он одет в халат, штаны, сапоги, специальный зимний охотничий головной убор. Слева от него стоят лыжи, он держит в одной руке копье и лук, а в другой — нож. Все эти атрибуты указывают на род занятий аборигена. Он снят в искусственной обстановке, ему приходится позировать на камеру.

Гольд. Фотограф Э. Нино. Фотоальбом «Приморская область».

Ещё один фотоснимок Эмиля Нино — «Тип гиялков около г. Николаевска». Фотография постановочная, сделана в студии. Это групповой портрет, на котором запечатлены нивхи: пожилой и молодой мужчины, женщина и ребёнок. Пожилой человек сидит прямо, лицо в фас, смотрит в камеру. Молодой располагается боком к фотографу, такое положение позволяет увидеть лицо нивха в профиль. Женщина с ребёнком сидят вполборота. Каждый персонаж фотоснимка (кроме ребёнка) держит в руках курительную трубку. Данный фотоснимок представляет ценный этнографический материал. Он содержит сведения о типе внешности нивхов, важные для антропологии. Фотография несёт информацию о повседневной одежде этого народа. Наличие в руках у нивхов курительных трубок указывает на пристрастие представителей обоего пола к табаку.

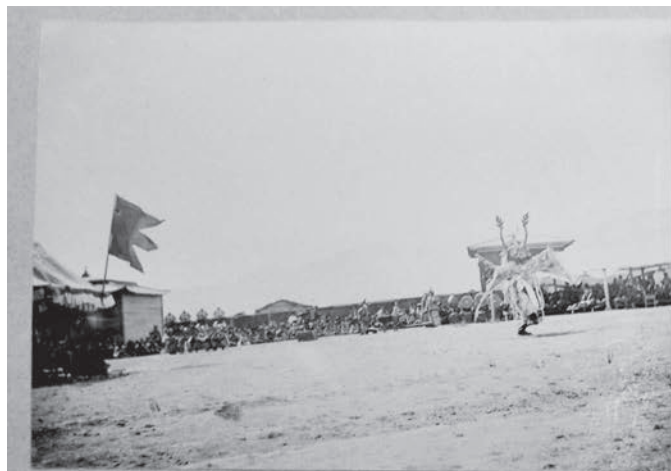

Тип гиялков около г. Николаевска. Фотограф Э. Нино. Папка с планшетами «Народности Дальнего Востока».

Ценные снимки были сделаны Руфином Самойловичем Прокоповым в 1891 году. В папке с планшетами «Путешествие наследника цесаревича по Забайкальской области» хранятся 16 фотографий, касающихся этнографии народов Забайкалья, — бурятов, ороченов и эвенков.

Встреча цесаревича с представителями коренного населения Восточной Сибири так описана в книге «Посещение Забайкалья Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем в 1891 году»: «В Князе-урульге встретили Августейшего Путешественника тунгусы; заехав в миссионерскую церковь, Наследник Цесаревич направился затем к дому временно управляющего тунгузскими родами, встретившего по русскому обычаю хлебом-солью во главе всех родоначальников. На дворе были раскинута юрты для свиты, здесь же стояла ороченская юрта со всей утварью. Присутствовавшие тут же ороченны осчастливлены исполнением их просьбы — посещением юрты. Завтрак, во время которого подавали и тунгузские блюда, происходил в особо устроенном шатре... Затем двое шаманов язычников, в своих одеяниях, исполнили молитву за Наследника Цесаревича» [13, с. 40–41].

Снимки из папки «Путешествие наследника цесаревича по Забайкальской области» обладают некоторой долей постановочности, ведь всё, что было сделано для цесаревича Николая Александровича, делалось напоказ и в лучшем виде. Подаренную юрту красиво обставили, здесь не приходится говорить о настоящем жилище орочен. Всё преподносилось как экзотика. Такой материал нельзя рассматривать как собственно этнографический, потому что он не будет обладать достаточной степенью достоверности.

Маска Тайгунда.

Маска ветвь ласокь.

Общий вид храма во время маски Тайгунда.

Лист из «[Этнографического альбома малых народностей Восточной Сибири и Дальнего Востока]» А. К. Кузнецова.

Фотоснимки в другом альбоме под названием «Амурская область» предположительно сделаны Руфином Самойловичем Пророковым. В альбоме помещаются фотографии видов и зданий г. Благовещенска в 1899 году. На снимках встречается сухой штампель: «Р. Пророков». К четырём этнографическим фотографиям, помещённым в этом альбоме, нет никаких указаний на авторство и датировку. На первом снимке запечатлены эвенки, это групповой портрет, сделанный на природе. Три следующих фотографии имеют одинаковые подписи: «Миссионер у тунгусов». Данные снимки отражают деятельность духовной миссии среди аборигенного населения Дальнего Востока.

Другим фотографом, создавшим целый ряд этногра-

фических снимков, стал Алексей Кириллович Кузнецов — политический ссыльный. Оказавшись в Забайкалье, он начал изучать культуру и особенности края. Проживая в Нерчинске, А. К. Кузнецов занялся фотографией и краеведческой деятельностью. Позднее, перебравшись в Читу, он продолжил любимое занятие. Алексей Кириллович провёл большую работу по созданию краеведческого музея в Чите. «Фотографирование производилось А. К. Кузнецовым в целях наилучшего освещения природы Забайкалья и жизни его обитателей, экономических условий края и, наконец, для иллюстрирования материалов, содержащихся в коллекциях музея» [10, с. 20]. В результате этой работы был составлен целый ряд фотоальбомов по истории и культуре края. В их число входит «[Этнографический альбом малых народностей

Восточной Сибири и Дальнего Востока]». Название этого фотоальбома было когда-то сформулировано библиотекарями ДВГНБ. Альбом посвящён этнографии народов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Он включает в себя снимки бурятских дацанов⁹, сумэ¹⁰, бурханов¹¹, фотографии из жизни лам. Со страниц альбома на зрителя смотрят буряты и бурятки в национальных костюмах, шаманы и шаманки. Довольно много фотоснимков запечатлели мистерию Цам и её персонажей: Джамсарана, Гонгара, Намсрая, Лайхана и других. «Цам (Чам — тибетский танец) — торжественная религиозная мистерия буддистов Центральной Азии (тибетцы, монголы, буряты, тувинцы), совершаемая ежегодно на открытом воздухе в буддийских монастырях и привлекающая толпы верующих... Внешняя цель его — показать присутствие будды на земле и отдалить злых духов от его последователей» [1, с. 72]. По словам российского востоковеда профессора А. М. Позднеева, «обряд состоит в пляске-пантомиме, исполняемой ламами, которые маскируются докшитами (гении-хранители учения), т. е. надевают маски из папье-маше, изображающие того или другого докшита, и вместе с шанаксами (ламами-созерцателями), выступающими без масок, но в соответствующем одеянии, совершают по намеченному кругу религиозный танец, жестикулируя руками» [цит. по 1, с. 72].

Этот фотоальбом представляет большую ценность для исследователя, так как многие дацаны вследствие гонений на буддизм не сохранились, они были разрушены в 20–30-х годах XX века. В это же время были утрачены многие элементы культовых практик, в том числе мистерия Цам. Некоторое время элементы мистерии существовали в качестве театрализованных постановок [1, с. 4], и только сейчас наблюдаются попытки возродить мистирию в Монголии и Бурятии.

Поскольку фотоальбом богат изображениями мистерии, он может помочь в реконструкции этого культурного феномена на территории России.

Несколько фотографий, посвящённых мистерии Цам, помещены в фотоальбом под названием «Альбом этнографии. Фотография А. К. Кузнецова». Здесь содержатся не только работы Алексея Кирилловича, но и его ученика — Николая Аполлоновича Чарушина. Они познакомились в Нерчинске, где у Кузнецова было своё фотоателье. Некоторое время Н. А. Чарушин помогал А. К. Кузнецову в ателье, а затем сам увлёкся фотографическим делом и стал профессиональным фотографом.

⁹ Дацан — буддийский храм, монастырь-университет у российских бурят.

¹⁰ Сумэ — небольшой храм, кумирня.

¹¹ Бурхан — буддийский идол.

Гусиноозерский дацан. Маски богов. Фотограф Н. А. Чарушин. «Альбом этнографии. Фотография А. К. Кузнецова».

[Персонажи мистерии Цам]. Фотограф Н. А. Чарушин. «Альбом этнографии. Фотография А. К. Кузнецова».

Н. А. Чарушину принадлежат снимки: «Гусиноозерский дацан. Маски богов», «[Гусиноозерский дацан. Колесница бога Майдари]», «[Персонажи мистерии Цам]» и другие.

Помимо фотографий, связанных с мистерией Цам, в альбом помещены изображения Агинского и Цугальского дацанов, антропометрические и постановочные снимки бурят в национальных костюмах, сделанные в студии.

В фонде ДВГНБ есть также несколько фотографий представителей одного из самых малочисленных народов России — айнов. Некогда айны заселяли Японские острова, Сахалин, Камчатку и Хабаровский край. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, количество айнов, проживающих в России, составляет 109 человек. Зарегистрированы они на территории Сахалинской области. В фотоальбоме «[Япония. Этнографический альбом]», принадлежавшем когда-то Василию Фёдоровичу Плюснину,

[Представитель народа айны]. Фотограф не установлен.
Фотоальбом «[Япония. Этнографический альбом]».
Снимок раскрашен вручную.

айны представлены в национальной одежде. Снимки сделаны в студии на светлом фоне. Портреты — по пояс. Как и все другие фотографии в японском альбоме, эти снимки были раскрашены вручную.

Все фотоснимки с этнографическим сюжетом призваны заинтересовать зрителя. Их отличают яркость, притягательность образов. Чаще всего это постановочная съёмка в студии на готовом фоне. Модель одевают в национальную одежду, придают ей красивую позу, окружают предметами быта. Так обеспечивается внешняя красота фотоснимка. Фотограф идеализирует этнографические реалии и не даёт объективной картины жизни народов.

Работа по атрибуции этнографических фотографий, хранящихся в ДВГНБ, будет продолжена. Классификация фотоисточников по этнографии Сибири и Дальнего Востока России позволила их упорядочить для более эффективного использования в научных целях. Прделанное исследование способствует расширению круга сведений о коллекции фотоальбомов фонда редких и ценных изданий ДВГНБ и введению в научный оборот новой информации о фотографических источниках.

Список использованных источников

1. Бальжанов, Ц. Д. Мистерия Цам как буддийский философский текст и ритуальное действо : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 : [защищена в 2002 г.] / Ц. Д. Бальжанов ; [Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации]. — Москва, 2002. — 142 с. — Библиогр.: с. 129–142.
2. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва : Наука, 2004. — 633 с. — (Народы и культуры).
3. Вятчина, М. В. Визуализация этничности в фотоматериалах конца XIX – начала XX веков (на примере фотографий Этнографического музея Казанского университета) [Электронный ресурс] / М. В. Вятчина // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым». — Электрон. дан. — [Москва, 2011]. — Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1358-vizualizatsiya-etnichnosti-v-fotomaterialakh-kontsa-xix-nachala-xx-vekov-na-primere-fotografij-etnograficheskogo-muzeya-kazanskogo-universiteta>.
4. Глебова, Е. В. Становление этнографических исследований коренных народов на Дальнем Востоке России в XVIII – начале XX века / Е. В. Глебова // История и культура Приамурья. — 2011. — № 2 (10). — С. 40–53.
5. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти / Н. И. Дубинина. — Хабаровск : Приамур. геог. о-во, 1997. — 208 с.
6. Жамсуева, Д. С. Агинские дацаны как памятники истории культуры / Д. С. Жамсуева. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. — 2001. — 170 с.
7. Культурология. XX век : Энциклопедия. Т. 2. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — 447 с.
8. Маргаритов, В. П. Камчатка и ее обитатели : с рисунками, исполненными по способу ферротипии, с картой Камчатки и планом укрепления Петропавловска в 1854 г. / В. П. Маргаритов. — Хабаровск : Тип. Канцелярии приамур. генерал-губернатора. — 1899. — [2], IV, 141, [3] с., [23] л. ил. — (Записки Приамурского отдела ИРГО ; Т. 5, вып. 1).
9. Масло, О. А. Первое научное общество на Дальнем Востоке России (о деятельности Общества изучения Амурского края в конце XIX – начале XX вв.) / О. А. Масло // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2007. — № 32. — С. 138–144.
10. Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и Краевого музея имени А. К. Кузнецова за тридцать лет 1894–1924 / под ред. правителя дел отдела и ученого секретаря музея А. В. Харчевникова. — Чита : [Гостип.], 1924. — [4], 90, [2] с.
11. От Владивостока до Уральска : путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича / сост. Центр. Стат. Ком. М. В. Д. — Санкт-Петербург : [Типо-хромолитограф. т-ва А. Траншель]. — 1891. — [4], XI, [1], 60, 44, 58, 44, 34, 36, 32, 38, 50, 12, 24, 32 с., [32] л. ил., к., планов.
12. Отчёт о деятельности Приамурского отдела И. Р. Г. О. с 1-го января 1896 г. по 1-е мая 1897 г. — Хабаровск : Тип. Канцелярии приамур. генерал-губернатора, 1897. — 33, [1], XXX с.
13. Посещение Забайкалья Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем в 1891 году. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина. — 1892. — [2], 98 с., [1] л. портр.

14. Рыхляков, В. Н. Алексей Александрович фон-Фрикен / В. Н. Рыхляков // Краевед. бюл. — 1991. — № 4. — С. 3–14.
15. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [В 3-х т.]. Т. 1 / С. Патканов. — Санкт-Петербург : [б. и.]. — 1912. — [2], VIII, 174, II с. — (Записки ИРГО по отделению статистики ; Т. 11, вып. 1 / изд. под ред. В. В. Морачевского).
16. Степанова, Л. Б. Авторская художественная и этнографическая фотография Якутской области в конце XIX – начале XX века (из фондов ЯГОМиКПС им. Е. Ярославского) / Л. Б. Степанова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2008. — № 85. — С. 126–128.
17. Токарев, С. А. История русской этнографии / С. А. Токарев ; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2015. — 656 с.
18. Толмачёва, Е. Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием / Е. Б. Толмачева // Фотография. Изображение. Документ. — 2010. — Вып. 1 (1). — С. 38–42.
19. Толмачёва, Е. Б. Портретно-антропологическая фотография : к истории развития методов съёмки и формирования коллекций / Е. Б. Толмачева // Фотография. Изображение. Документ. — 2014. — Вып. 5 (5). — С. 12–18.
20. Толмачёва, Е. Б. Фотография как этнографический источник (по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 : [защита 26.12.11] / Е. Б. Толмачева ; Кафедра этнографии и антропологии ист. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та. — Санкт-Петербург, 2011. — 246 с. — Библиогр.: с. 187–201.
21. Филонов, А. М. Продолжая славные традиции / А. М. Филонов // История и культура Приамурья. — 2014. — № 2 (16). — С. 18–27.
22. Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс] / Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук ; Чувашское кн. изд-во. — Электрон. дан. — [Чебоксары, 2009]. — Режим доступа: <http://enc.csp.ru/>.

Фотографии из фондов ДВГНБ.
Материал поступил в редакцию 10.01.2017 г.

Сведения об авторе: Струк Кристина Андреевна, библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: struk_christina@mail.ru; тел. 8-924-918-24-60.

ДАВЫДОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ

История освоения Дальнего Востока, сведения о его культуре и природе отображались не только в научной, но и в художественной литературе — фольклоре, очерках, исторических романах. О регионе писали как отечественные авторы, так и зарубежные.

В начале XX века сформировалось особое направление, представленное творчеством авторов, принадлежащих к коренным народностям, проживающим в регионе, — дальневосточная литература.

В статье даётся краткий обзор литературных произведений, посвящённых Дальнему Востоку России.

Ключевые слова: Дальний Восток, писатели, литература, дальневосточная литература, литература коренных народов Дальнего Востока.

Keywords: Far East, writers, literature, Far Eastern literature, literature of the indigenous peoples of the Far East.

От моря Каспийского до Балтийского, от Чёрного до Ледовитого, за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь, известных грекам и римлянам более по сказкам баснословия, нежели по верным описаниям очевидцев. Провидению угодно было составить из сих разнородных племён обширнейшее государство в мире.

Н. М. Карамзин. «Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях»

Наша малая родина — Дальний Восток. Эти слова с детства знакомы каждому, кто родился на территории, протянувшейся от Амурской области до Камчатки и Сахалина. Для всего мира она оставалась terra incognita вплоть до XVII века. Представления об этих землях основывались на рассказах мореходов, больше похожих на сказки. Дальний Восток после открытия его русскими первопроходцами и до XIX века был малоизвестным, малонаселённым краем. Приехать сюда из столицы было непросто: поезда шли только до Байкала, потом приходилось добираться по суше на лошадях, а по воде — на лодках и плотках. Нередко такие путешествия затягивались на месяцы и годы. Путешественники терпели лишения и рисковали жизнью. Но и окончание пути не избавляло их от тягот. Дальневосточная земля встречала гостей суровыми условиями жизни.

Что же влекло их сюда? О великолепии первозданной природы, плодородности земли и богатстве края, ныне называемого российским Дальним Востоком, ещё с древних времён слагались легенды. Они будоражили фантазию и толкали людей на труднейшие плавания и походы.

Упоминания о загадочных землях и людях, их населяющих, можно найти ещё в античных источниках, где Дальний Восток и Сибирь (тогда они представлялись единым целым) описывались как фантастические просторы с необыкновенной растительностью и чудесными животными.

Пантагрюэль — герой романа, созданного Франсуа Рабле в XVI веке, путешествовал, по мнению некоторых исследователей, вдоль побережья Сибири, недалеко от северной части Китая. Именно здесь он стал хозяином загадочного зверя таранда, купленного у скифа из «Страны Стужи».

Сведения об этом существе французский писатель мог почерпнуть из трудов античных авторов. Вот что говорит о тарандах «Мифологическая энциклопедия»: «Великий древнегреческий учёный Аристотель (IV век до н. э.) в пятой книге сочинения «О чудесных слухах» сообщает: «Рассказывают, что у скифов водится очень редкое животное, которое называется Тарандом. Говорят, что оно меняет цвет

шерсти смотря по месту, где находится, поэтому трудно ловить его, так как окраска Таранда уподобляется цвету деревьев, местности и вообще всего, что его окружает. С виду же это животное сходно с быком, а голова похожа на оленью». «Только шире, так что она как бы сложена из двух оленьих морд, — добавляет ученик Аристотеля Теофраст, живший в Афинах в III веке до н. э. и описавший таранда подробнее и увереннее, чем учитель. — Животное это парнокопытное и рогатое. Рога имеют отростки, как олени, и покрыты шерстью... Перемена окраски Таранда удивительна и почти невероятна, особенно если иметь в виду многообразие цветов» [13].

Судя по описанию, герой Рабле стал обладателем одного из северных оленей, которые до сих пор служат людям, населяющим территории Дальнего Востока и Сибири.

В XVII веке был открыт торговый караванный путь от Москвы до Китая, пролежавший через Сибирь. С тех пор упоминания об этих землях стали появляться всё чаще. О них заговорили на разных языках. А в 1768 году произведение С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» было переведено на французский.

И даже герой Даниэля Дефо, всем известный Робинзон Крузо, решив спустя несколько десятилетий посетить свой остров, возвращался домой через Дальний Восток (эту часть биографии своего персонажа Дефо описал в романе «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо»).

Находясь в Пекине, Робинзон узнал, что в Архангельске останавливаются английские корабли. Он решил отправиться в путешествие через Дальний Восток и Сибирь, чтобы попасть на корабль, который может доставить его на родину. Приключения героя, его географические и антропологические наблюдения, почерпнутые Дефо из скудных источников (а гораздо чаще — из красочных рассказов мореходов), не лишены фантастичности, хотя писатель и старался придать своему рассказу достоверность. «Все реки здесь текут на восток и впадают в большую реку, которая называется Амур и впадает в Восточное море, или Китайский океан. Дальше реки текут на север и впадают в большую реку Татар, называемую так по имени татар-монголов, самого северного племени этого народа, от которого, по словам китайцев, произошли все вообще татары: это самое племя, по утверждению наших географов, упоминается в священном писании под именем Гогов и Магогов» [4, с. 442].

Как видно из цитаты, интерес к дальневосточным землям волновал умы ещё с библейских времён.

С XIX века иностранные авторы в описаниях северо-востока России всё чаще прибегали к этнографическим исследованиям. Так, например, не потеряла актуальности и по сей день книга Адельберта фон Шамиссо «Путеше-

ствие вокруг света», изданная в Германии в первой трети XIX века. Автор, в качестве ботаника участвовавший в трёхгодичной экспедиции на российском корабле «Рюрик», изложил свои наблюдения за флорой и фауной северных районов Тихого океана. Также его перу принадлежит ряд ярких портретов русских людей, живших в этих землях, а главное — аборигенов, населявших Камчатку, Алеутские острова, Аляску, Сибирь.

С Дальним Востоком связана и литературная деятельность Джека Лондона, в юности ходившего матросом к берегам Японии, Камчатки и Чукотки. За ходом Русско-японской войны 1904–1905 годов он наблюдал из Кореи. Репортажи тех лет послужили началом становления Лондона-писателя.

Все рассказы «заморских гостей» о российском Дальнем Востоке больше походили на мифы или сказки — настолько они были приукрашены. Первыми же краеведами, оставившими объективные описания региона, стали российские офицеры и казаки, исследовавшие тогда ещё заповедные дальневосточные земли. Об истории их освоения создано множество книг, начиная с путевых заметок путешественников и заканчивая трудами историков, уже в наши дни с научной точки зрения описывавших регион. Позже появились и художественные произведения.

Собственно, дальневосточная литература достаточно молода, она начала зарождаться к концу XIX века, со времени активного освоения региона.

Крестьяне-переселенцы, казаки и солдаты, отправлявшиеся в путь в поисках богатых земель, мечтали найти обетованный край, в котором была бы устроена жизнь свободная и справедливая. Свои мечты они выражали в фольклоре — песнях, сказах. Политическое и экономическое освоение столь обширной территории отразилось прежде всего в очерковой литературе, а также в мемуарах. Их авторами были военные, политики, путешественники, географы, ехавшие сюда в составе экспедиций. Свои наблюдения и впечатления о новых местах они увековечили на бумаге. В этих записках отразился взгляд людей, прибывших издалека.

В сущности, Дальний Восток стал для многих не только источником вдохновения, но и второй родиной. Всем известны имена таких авторов, как С. В. Максимов, В. М. Ефименко, В. Н. Ажаев.

Сергей Васильевич Максимов — писатель-этнограф, в середине XIX века по поручению Морского ведомства исследовал только что приобретённую Российской империей Амурскую область. Результатом путешествия стал ряд статей в «Морском сборнике» и «Отечественных записках». Позже они вошли в книгу «На Восток, поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания» (Санкт-Петербург, 1864; 2-е изд., 1871).

Василий Михайлович Ефименко жил через столетие после С. В. Максимова, он фронтовик, участник Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и освобождения Северо-Восточного Китая, создал ряд книг о судьбах людей, обожжённых Советско-японской войной.

Василий Николаевич Ажаев в романе «Далеко от Москвы» рассказал о прокладке стратегического нефтепровода в глухой тайге в годы Великой Отечественной войны.

Список фамилий авторов, в разные годы посетивших или обживавших Дальний Восток и оставивших яркие страницы воспоминаний о нём, весьма обширен. Для юных дальневосточников писал Н. Д. Наволочкин. История региона представлена на страницах прозы Н. П. Задорнова и поэзии В. С. Еращенко. Поэтическую летопись дальневосточной жизни представляют стихи П. С. Комарова, Л. И. Миланич.

Малочисленные народы Дальнего Востока, до XX века не имевшие письменности, в течение многих веков создавали шедевры устного народного творчества. В песнях, сказках и легендах они передавали свои представления о происхождении Земли и всего существующего на ней, свой опыт наблюдения за природой. В фольклоре отражался труд и быт людей в суровых дальневосточных условиях и любовь к родной земле.

Упоминания об этом фольклоре встречаются в записках русских и иностранных путешественников ещё с XVIII века: С. П. Крашенинникова, Г. Штеллера, П. С. Палласа, М. А. Кастрена, С. К. Патканова и других. С XIX века фольклорные произведения этносов Дальнего Востока начали записывать, изучать и публиковать политические ссыльные, ставшие позже крупными учёными (В. Г. Богораз (Тан), В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг). Так появились сборники фольклора чукчей, юкагиров, гиляков (нивхи) и других аборигенов.

Особое значение имеет литература коренных народов Дальнего Востока, проживавших в регионе с древних времён. Творчество каждого этноса по-своему уникально и самобытно. Природа, этнические и культурные особенности места проживания авторов породили эти отличия. Общим началом для национальных литератур была их тесная связь с фольклором. Владимир Санги так говорил о традициях литературной культуры малочисленных народов: «У поэтов народов Севера, надо полагать, два основных родителя: фольклор и родная природа... Тесное единение с природой, глубочайшее проникновение в самое сокровенное окружающего мира приводит поэтов к творческим находкам, удивительным своей простотой и естественностью и в то же время поразительным своим изяществом. Истинный северный человек во все времена обращался к природе, как равный к равному, как к собеседнику, другу, как соучаст-

нику человеческой повседневности. С природой северный человек делится своим сокровенным, обращается к ней в дни печали или радости, ищет и находит в ней надежного друга-помощника» [10, с. 240, 243].

Исследователь Татьяна Комиссарова в своей рецензии на сборник сказок народностей Севера «Северное сияние» формулирует особенности этой литературы следующим образом: «Герой сказок тоже действует в основном в природе и на равных с другими ее объектами. Характер их отношений определяет, прежде всего, нравственность как некая норма жизни в природе. И это непреходящее условие жизни самой природы. Можно по-разному относиться к миропониманию народов Севера. Но, думается, в нем много интересного, поучительного, злободневного в части отношений человека с природой. И писатели-северяне, открывая художественным словом особенности бытия своих народов, ищут место их культурам в современном мире — это одна из главных художественных задач их произведений» [12].

Любой край гордится тем, что взрастил авторов, интересных не только за его пределами, но даже в масштабах страны и мира. XX век открыл множество талантливых национальных писателей и поэтов среди малочисленных народностей Дальнего Востока — нанайцев, чукчей, удэгейцев, нивхов... Произведения, созданные ими, дают возможность жителям регионов России и зарубежных государств узнать больше о нашем крае, заочно полюбить его.

Многие писатели из коренных народов стояли у истоков не только национальной литературы, но и национальной азбуки. Так, например, основоположником чукотской литературы был Юрий Сергеевич Рытхэу (1930–2008), советский, российский и чукотский писатель. Писал он на чукотском и русском языках.

Родился Юрий Сергеевич в чукотском посёлке Уэллен. Учился в Анадырском педагогическом училище. Первые стихи и очерки печатал в газете «Советская Чукотка». В 1949 году уехал в Ленинград, где учился на филологическом факультете ЛГУ имени А. А. Жданова. Рассказы Юрия Рытхэу печатались во многих центральных журналах.

В 1953 году вышел первый сборник писателя «Люди нашего берега», а его «Чукотская сага» прославила автора не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Все книги Юрия Рытхэу связаны с жизнью представителей его народа — чукчей. В своих романах и рассказах писатель использовал чукотские мифы и легенды. Разрабатывая исторические и собственные сюжеты, он показывал многовековую жизнь чукчей, эскимосов и других народов Севера в суровых природных условиях Арктики.

Юрий Рытхэу много путешествовал. В качестве приглашённого лектора читал лекции в университетах США. Его

произведения переведены на многие иностранные языки. Читатели Франции, Германии, Финляндии, Италии, Японии и других стран знакомы с творчеством писателя, родившегося в маленьком чукотском посёлке.

Благодаря таланту переводчика и литератора Юрия Рытхэу, жители Чукотки смогли познакомиться с творчеством А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Горького, произведения которых он переводил на чукотский язык.

Чукотская поэтесса Антонина Александровна Кымытваль (1938–2015) родилась в селе Мухоморное Анадырского района в семье оленевода. При рождении получила имя Руть-тынэ, но в младенчестве, после смерти брата-близнеца, её переименовали в Кымытваль (по-чукотски «червячок»). Согласно верованиям, новое имя должно было отпугивать злых духов. Рано осиротев, девочка воспитывалась в интернате, где ей дали русское имя, чукотское же стало фамилией.

Стихи Антонины Кымытваль начала писать с десяти лет. Публиковаться также начала рано — ко времени окончания педагогического училища в Анадыре её стихи издавались в дальневосточных журналах, а также в областной периодике.

Первый сборник лирики Кымытваль «Песни сердца» (1960) вышел на чукотском языке, а спустя год был переиздан на русском. В 1970-е годы поэтесса много писала для детей — стихи, пьесы, созданные по мотивам чукотского фольклора.

Было издано 20 сборников Антонины Кымытваль. Её стихи известны в Европе, странах Азии и Африки. В 1990 году за книгу «Как построить ярангу» (1987) Международный совет по книгам для молодёжи при ЮНЕСКО присудил Антонине Александровне почётный диплом имени Х.-К. Андерсена.

Основателем нивхской литературы называют Владимира Михайловича Санги. Владимир Санги — один из авторов реформы нивхского алфавита, учебника нивхского языка, книг для чтения на родном языке, издатель произведений русских классиков в переводе на нивхский язык.

Сын известного охотника и рыбака, Владимир Михайлович родился 18 марта 1935 года в стойбище Набилы на восточном побережье Сахалина. Окончил два факультета Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена — географический и спортивный. Вернувшись в 1959 году на Сахалин, работал учителем географии и физкультуры, инспектором по делам народов Севера Ногликского райисполкома. По роду деятельности посещая отдалённые стойбища, записывал местные легенды и предания, составившие его книгу «Нивхские легенды» (1961).

Владимир Санги — автор сборников стихов, сказок и повестей. В его творчестве, как и в мифах нивхов, сохранена связь человека с природой, миром животных и даже

миром духов. В 1962 году В. Санги был принят в члены Союза писателей, учился на Высших литературных курсах в Москве. С середины 70-х годов постоянно жил в Москве. В конце 1990-х вернулся на Сахалин и был избран вождём рода Кетнивгун.

Писатель и общественный деятель, Владимир Санги выступает с инициативой благоразумной эксплуатации недр. Ему принадлежит идея этнокультурного проекта «Нивхское стойбище “Жилое”». Проект предполагает создание своеобразных резерваций для нивхов в нескольких районах Сахалина, которые позволят им жить в естественной среде обитания и сохранить свою самобытность.

Владимир Санги — лауреат Государственной премии России им. Максима Горького, член Международной лиги защиты прав и свобод человека при экономическом и социальном Совете ООН, ему вручён памятный знак «Почётный президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

К одному из самых малочисленных этносов Дальнего Востока принадлежал писатель Джанси Батович Кимонко (1905–1949). Он был первым из удэге, получившим систематическое образование и написавшим книгу о своём народе.

Родился Джанси Батович в селе Гвасюги района имени Лазо Хабаровского края в семье кочевого охотника. Отец с трудом содержал большую семью. С тринадцати лет Джанси начал самостоятельно охотиться. Скитания по тайге, голод, холод, болезни, зависимость от купцов и шаманов с детства окружали будущего писателя. В Гражданскую войну он был проводником у красных партизан.

Грамоте обучился только к двадцати двум годам, во время учёбы в Хабаровском техникуме народов Севера. Окончив его, Джанси вернулся домой, участвовал в создании колхоза в родном селе. В 1934–1936 годах он продолжил учёбу в ленинградском Институте народов Севера, затем на Центральных курсах советского строительства. Вернувшись на родину, был избран председателем сельского совета. Для маленького народа удэге, веками проживавшего в глухой тайге, председатель стал советчиком, учителем, нитью, связующей охотников и рыболовов с постоянно меняющимся миром.

Такую же роль играли и произведения Джанси Кимонко. Ещё в институте он начал слагать стихи и песни на родном языке. Впоследствии многие из них стали народными. В студенческие годы Кимонко написал свой первый рассказ «Бата» о судьбе удэгейского мальчика.

Главное произведение писателя — повесть «Там, где бежит Сукпай» (1950) — переведена писательницей Юлией Шестаковой на русский язык. Она написана в форме семейной хроники. Кимонко рассказал о жизни удэгей-

цев, через историю одной семьи раскрыв судьбу целого народа.

Писатель показал мир первобытных охотников, их жизнь — и повседневную, заполненную заботами о выживании, и духовную. Повесть тесно связана с национальным фольклором: сказки, песни и верования маленького народа, с которыми автор был так хорошо знаком, являются неотъемлемой частью повествования.

Джанси Кимонко не успел закончить своё произведение, трагически погиб на охоте. Но и две части из задуманных трёх стали заметным явлением в культурной жизни народов Амура и нашей страны в целом. Повесть «Там, где бежит Сукпай» неоднократно издавалась в России и за рубежом.

Нанайские поэты Аким Дмитриевич Самар (1916–1943) и Андрей Александрович Пассар (1925–2013) — участники Великой Отечественной войны.

Акима Дмитриевича называют зачинателем нанайской литературы. Он преподавал в школе и на курсах ликвидации неграмотности. Переводил на нанайский язык произведения русских и зарубежных классиков, участвовал в составлении и издании учебной литературы для нанайских школ. В стихах и прозе Акима Самара отразились не только мотивы нанайского фольклора, но и перемены в укладе жизни людей, происходившие в начале XX века.

Андрей Пассар родился в стойбище Муха Нанайского района в семье рыбака. Окончил Литературный институт им. Горького и Высшие литературные курсы. О своих первых стихах он рассказывал так: «Я никогда не помышлял стать поэтом, но, увидев до смерти израненный город-герой Ленинград, моя душа запела со слезами, и начал писать от души свои нанайские стихи» [14].

Между подражаниями нанайским преданиям и антифашистской поэмой «Бичэхэ Европачи. Письмо в Европу» — последним произведением Пассара — пролёг сложный жизненный и литературный путь. Поэт переводил стихи классиков на нанайский язык. Многие его переводы впоследствии вошли в национальные учебники. В произведениях Пассара отразились и нанайские сказания, и воспоминания автора о военных годах, и описания родной дальневосточной природы.

Нанайский писатель Константин Мактович Бельды родился 21 июня 1934 года в селе Дада Нанайского района в семье одного из самых лучших охотников Приамурья — Макто Бельды. Надолго уходя в тайгу, отец брал его с собой, обучал охотничьим премудростям, рассказывал легенды и сказки. В 1926 году он стал проводником Владимира Арсеньева, вёл знаменитого путешественника до устья Анюя. Славился отец и как знаток нанайской культуры. К нему частенько приезжали питерские учёные-лингвисты М. А. Каплан, А. И. Путинцева, В. А. Аврорин.

Константин Мактович начал заниматься литературным творчеством с 1969 года, пишет на нанайском и русском языках. В своих произведениях признаётся в любви к нанайскому народу, преклоняется перед его культурой, традициями и обрядами. Подборки его стихов в переводах В. Шульжика, М. Асламова, Л. Миланич печатались в журналах «Дальний Восток», «Полярная звезда», «Нева». К. М. Бельды — автор поэтического сборника «Лунный бубен» (1999), книги «Водоворот. Тайны древнего Амура» (2005). В сборник «Предания земли нани», изданный в 2007 году, вошли повесть «Бесстопый шаман», рассказы, легенды, были, топонимические исследования, посвящённые малой родине — Нанайскому району. Дальневосточный писатель В. П. Сысоев так отзывался о повести: «С интересом прочитал рукопись повести “Бесстопый шаман” Константина Бельды. Рукопись представляет собой художественное, детальное бытописание жизни аборигенов Приамурья, простых труженников — охотников, рыбаков, земледельцев. Написана с позиций гуманизма, языком чистым, образным, ярким. Глубоко раскрыт богатый духовный мир простых людей, их верования, обычаи. Взаимоотношения между людьми

строятся на принципах высокой нравственности. Особая значимость рукописи, с точки зрения этнографии, заключается в том, что, во-первых, в ней широко представлен нанайский язык, а во-вторых, подробно описана деятельность шамана, его влияние на жизнь соплеменников» [1, с. 5]. В сборнике «Бачигоапу — здравствуйте», изданном в 2014 году к 80-летию Нанайского района, Константин Бельды обращается к своим сородичам, ко всем живущим на родной земле людям, желая всем здоровья, долголетия, радостных встреч друг с другом, а также призывает к бережному отношению к нашей дальневосточной природе и окружающей среде, как к главным достояниям людей, живущих на земле.

Литература коренных народов российского Дальнего Востока, тесно связанная с фольклором, заняла достойное место и в мировой литературе. Неослабевающий интерес к творчеству писателей, рассказавших о своей малой родине, это подтверждает.

Российский Дальний Восток всегда был и остаётся притягательным для людей. Красота природы, его история привлекают гостей со всего мира и вдохновляют писателей на создание литературных произведений.

Список использованных источников

1. Бельды, К. М. Предания земли нани : повесть, рассказы, легенды, были, топонимические размышления. — Хабаровск : Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2007. — 400 с.
2. Власенко, А. Н. Юрий Рытхэу : лит. портр. / А. Н. Власенко. — Москва : Совет. Россия, 1988. — 157 с.
3. Вуколов, Л. И. Владимир Санги / Л. И. Вуколов. — Москва : Совет. Россия, 1990. — 150 с.
4. Дефо, Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо : роман // Собр. соч. : в 3 т. / пер. с англ. З. Журавской. — Москва, 1999. — Т. 1. — С. 309–459.
5. Избранная проза журнала «Дальний Восток» (1933–2008) : [прозаич. произведения писателей-дальневосточников за 75 лет : 1933–2008] / [авт. проекта и отв. за вып. В. В. Сукачёв ; под ред. Л. И. Миланич]. — Хабаровск : Дальний Восток, 2008. — 607, [1] с.
6. Крившенко, С. Ф. Берег отечества / С. Ф. Крившенко. — Москва : Современник, 1988. — 412 с.
7. Крившенко, С. Ф. Дорогами землепроходцев: героика освоения Дальнего Востока в очерково-мемуарной и исторической прозе / С. Ф. Крившенко. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. — 190 с.
8. Лерман, И. Н. По сердцу близкие друзья : из лит. краеведения / И. Н. Лерман. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. — 112 с.
9. Писатели Дальнего Востока : библиогр. справ. / сост. Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. — Вып. 2. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. — 381 с.
10. Санги, В. От исторических преданий до исторических романов / В. Санги // Дружба народов. — 1981. — № 4. — С. 236–250.
11. Чернявский, А. Г. Есть у памяти начало : очерки / А. Г. Чернявский. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. — 158 с.
12. Комиссарова, Т. Сыновья любовь к родной земле [Электронный ресурс] / Т. Комиссарова // Сайт Нац. б-ки Республики Саха (Якутия). Межрегион. информ. Центр док. культур. наследия народов Севера России. — Якутск, 2000. — Режим доступа: <http://biderz.ru/knigakan/literaturnaya-kartaa/nanajskaya-literatura/grigorij-gibivich-khodzher/o-tvorchestve/155-literaturnaya-karta/literaturovedenie.html>.
13. Мифологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://myfology.info/index.html>.
14. Никишина, Е. «Сумел оморочку на Пегаса обменять...». К 90-летию со дня рождения Андрея Пассара [Электронный ресурс] / Е. Никишина // Словесница Искусств. — Хабаровск, 2000. Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/1850>.

Материал поступил в редакцию 27.09.2016 г.

Сведения об авторе: Давыдова Екатерина Сергеевна, библиотекарь 1-й категории библиотеки Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

НАУМОВА РАИСА ВЯЧЕСЛАВОВНА

КНИЖНЫЙ МИР НА КРАЮ РОССИИ

Настоящий материал представляет библиографический обзор изданий краеведческой тематики, экспонированных в рамках V Краевой книжной выставки-ярмарки «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития» и переданных в дар Дальневосточной государственной научной библиотеке.

Ключевые слова: книгоиздание, Хабаровский край, ДВГНБ, Год экологии, краеведение.

Keywords: book publishing, Khabarovsk region, FESSL, Year of ecology, region study.

Книга на службе социально-экономического и культурного развития Хабаровского края. Под таким девизом 23–24 марта 2017 года в Хабаровске прошла юбилейная V Краевая книжная выставка-ярмарка «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития», посвящённая Году экологии в России. Организаторами выставочного проекта стали министерство культуры Хабаровского края и Дальневосточная государственная научная библиотека. В роли соорганизаторов выступили Тихоокеанский государственный университет и Хабаровский государственный университет экономики и права.

Цель выставки-ярмарки: презентация ведущих издательств и издающих организаций Хабаровского края и других субъектов Дальневосточного федерального округа, демонстрация и популяризация издательской продукции, выпущенной в 2014–2017 годах.

В числе экспонентов — издательства и издательские дома, научно-исследовательские институты, образовательные учреждения высшего и дополнительного профессионального образования, учреждения культуры, архивного дела и другие организации из Хабаровска, Магадана, Комсомольска-на-Амуре, Биробиджана, а также отдельные авторы, представившие свои издательские проекты. Всего 34 участника. В целом на выставке-ярмарке было продемонстрировано более 1 000 наименований печатной продукции.

Впервые в экспозиции были представлены издательские проекты Магаданской области, отличающиеся высоким полиграфическим исполнением и жанровым многообразием. Среди них особенно хотелось бы отметить уникальную книжную серию воспоминаний колымских геологов. По завершении работы выставки-ярмарки книжная экспозиция Магаданской области была передана на безвозмездной основе на вечное хранение в фонд Дальневосточной государственной научной библиотеки.

При поддержке правительства Хабаровского края были выпущены в свет издательские проекты, посвящённые духовному наследию коренных малочисленных народов Приамурья. Ярким событием в книжной культуре края последних лет стало новое издание «На краю России», иллюстрированное народным художником России Г. Д. Павлишиным.

Среди всего представленного на выставке репертуара регионального книгоиздания в настоящий обзор вошли лишь некоторые образцы печатной продукции Хабаровского края и Магаданской области.

Составленный аннотированный библиографический перечень новых краеведческих книг будет интересен исто-

рикам, этнологам и культурологам, а также широкому кругу читателей.

Издательские проекты Хабаровского края, отражающие духовное наследие коренных народов Приамурья

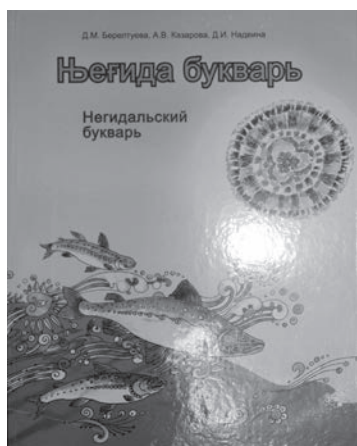
1. Кялундзюга, В. Т., Кимонко, Н. Е. Мир хозяина воды Лунгиэ / В. Т. Кялундзюга, Н. Е. Кимонко. — Хабаровск, 2016. — 92 с., ил.

Сборник материалов «Мир хозяина воды Лунгиэ» вышел при финансовой поддержке министерства природных ресурсов Хабаровского края и посвящён духовному наследию удэгейцев, одного из малочисленных народов Приамурья. Примечательно, что авторами сборника являются носители самой традиции, собравшие уникальный материал, отражающий опыт народа удэге, компактно проживающего в южной части Хабаровского края на правом берегу р. Уссури, преимущественно в бассейне р. Хор района имени Лазо. Данное издание — результат актуального исследования топонимической системы как части удэгейской культуры, которая позволяет показать изменение языковой ткани и выявить характерные особенности материальной и духовной культуры народа, присущие тому или иному периоду его развития. Различные географические объекты удэгейцы обозначали своими народными названиями. Главная цель нового сборника — познакомить читателя с семантикой гидронимов (наименований водных объектов и их притоков) района имени Лазо. В предисловии к изданию кандидат культурологии, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры Я. С. Крыжановская отмечает: «Гидронимы — это еще и знаки определенной семиотической сферы духовной культуры (мифологии, традиционных верований, шаманских практик), которые связаны с системой религиозных верова-

ний и моделью мира. Именно так авторы объясняют происхождение названия реки Малые Хулачи («красноватая вода») и в связи с этим приводят старинную легенду, записанную от Е. Б. Кимонко. Думаю, что очень многие читатели будут признательны авторам за возможность соприкосновения с уникальной культурой благодаря их самоотверженной собирательской и исследовательской работе по сохранению удэгейского фольклора».

2. Берелтуева, Д. М. Негидальский букварь : учеб. пособие для не владеющих негидальским языком 1-го года обучения / Д. М. Берелтуева, А. В. Казарова, Д. И. Надеина. — Хабаровск : Частная коллекция, 2016. — 112 с. : ил.

Впервые в Хабаровском крае издан негидальский букварь. Сложный издательский проект подготовлен коллективом талантливых авторов и хабаровским Издательским домом «Частная коллекция». Это единственное краевое издательство, вошедшее в число организаций, осуществляющих выпуск учебных пособий, которые допускаются к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования. Ответственный редактор учебного пособия — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН А. М. Певнов, рецензенты — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе ИГиПМНС СО РАН Т. Е. Андреева и кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» Е. А. Афанасьева. Издательский проект можно смело назвать международным, так как в художественном оформлении букваря принял участие молодой талантливый китайский художник Хао Шоумин.

В начале букваря опубликовано напутствие от авторов для начинающих изучать негидальский язык: «*Негидальский букварь* — это ваша первая книга на негидальском языке. Букварь поможет вам познакомиться с богатым и удивительным миром нашего языка. Это язык ваших дедушек и бабушек, мам и пап. Одним из знатоков негидальского языка можно назвать Анну Порфирьевну Надеину, которой в 2016 году исполнилось 100 лет. Букварь обогатит вас знаниями и поможет вам не забыть свои корни. Говорите чаще на негидальском языке с учителем, друг с другом, со своими родными».

На официальном сайте Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (www.raipon.info) представлена общая информация о негидальцах. «Негидальцы — небольшой тунгусо-маньчжурский народ Дальнего Востока. Говорят на негидальском языке тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской языковой группы. Между говорами (некоторые исследователи считают их диалектами) низовий Амгуни и ее среднего течения имеются определенные различия, обусловленные влиянием ульчского (в низовьях) и эвенкийского языков. В целом негидальский язык наиболее близок к эвенкийскому. Широко распространен русский язык. Часть негидальцев владеет эвенкийским и нивхским языками. По происхождению негидальцы — эвенки, смешавшиеся с нивхами, ульчами и нанайцами. Для них характерны многие черты эвенкийской таежно-охотничьей культуры. Весьма значительно и влияние нижеамурской культуры: собаководство, тип нарты, упряжка, дощатая плоскодонная лодка, охота на морского зверя, одежда из рыбьих кож и способы их обработки. В 2000 г. постановлением Правительства РФ наделены статусом коренного малочисленного народа. Они живут в Хабаровском крае преимущественно в Ульчском (163 чел.), им. П. Осипенко (131 чел.) и Николаевском (86 чел.) районах. Здесь они сконцентрированы в нескольких населенных пунктах, живут совместно с русскими, ульчами, нивхами и другими народами. По переписи 2002 г. общая численность негидальцев составила 567 человек. Негидальцы — исконные рыбаки и охотники. Рыболовство играло ведущую роль в низовьях Амгуни и на Амуре. У верховских негидальцев рыболовство и охота дополнялись оленеводством транспортного типа. У части негидальцев распространенной была охота на морского зверя в Амурском лимане и на Охотском побережье».

Издательский проект Хабаровского края, посвященный Году экологии в России

3. Комаров, П. С. На краю России / П. С. Комаров ; рис. Г. Павлишина. — Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2017. — 128 с. : ил. — (Образ речи).

В Год экологии России вышло в свет подарочное издание, художественно-поэтическая книга — своеобразный синтез рисунков выдающегося хабаровского книжного иллюстратора, народного художника России Геннадия Дмитриевича Павлишина и высокой поэзии знаменитого дальневосточного поэта Петра Степановича Комарова. Книга входит в разряд полиграфических отечественных шедевров и является произведением искусства, которое передаётся

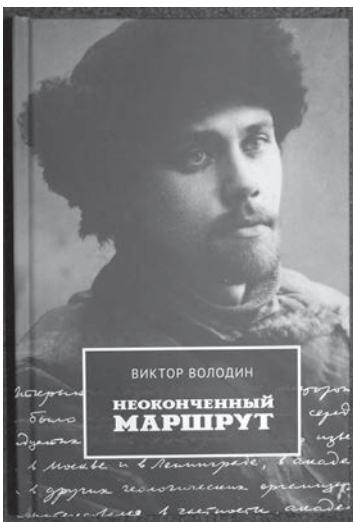
веками по наследству от поколения к поколению.

Пётр Степанович Комаров — поэт, оставивший яркий след в литературной истории дальневосточного края. Его простые, но необычайно музыкальные строки обладают удивительной способностью оживать перед глазами читателя и доносить до его сердца всю ту любовь и теплоту, с которыми автор

относился к родной стороне. «Небеса с колдовскими закатами», «запоздалая позолота берёз», «озёрных далей синее окно» — многогранная красота Приамурья раскрывается в каждом стихотворении. В эту книгу вошли стихи разных лет, а также поэма «Серебряный кубок». Рисунки, на которых озорно поглядывает на читателя дятел — «лихой телеграфист», на первую прогулку выходит оленёнок с «веснушками, как у девчонки» и во всём своём великолепии предстают «тайги хоромы вековые», принадлежат кисти Геннадия Павлишина, непревзойдённого и самобытного мастера книжной иллюстрации.

Издательские проекты Магаданской области. Книжная серия «Открывая Северо-Восток», посвящённая воспоминаниям колымских геологов

4. Володин, В. Д. Неоконченный маршрут : воспоминания о Колыме 30–40 годов / В. Д. Володин ; ред. П. Ю. Жданов. — Магадан : Охотник, 2014. — 374 с.

Эта книга — не записи геолога и не дневники. Это воспоминания о годах, прожитых на Колыме, о подвижничестве труде человека, прибывшего сюда на пароходе «Феликс Дзержинский» 30 октября 1938 года. Молодого человека, заключившего договор с трестом «Дальстрой» и проработавшего в геологоразведке четверть века на руднике имени Лазо, на печально известном Бутыгычаге, Берелехе, Колыме,

Игандже, в Усть-Омчуге, на Теньке, Кулу, Бохапче, открывшего месторождения олова и золота, занимавшегося поисками урана и тория. Его труд отмечен высочайшей наградой страны — орденом Ленина.

Книга воспоминаний — не просто мемуары геолога, это воспоминания, написанные языком, которому может позавидовать профессиональный литератор. Жизнь на Колыме предстаёт перед читателем в многообразии геологического бытия, в непростых человеческих взаимоотношениях, деталях обстановки, постоянном напряжении от существования в состоянии необъявленной войны с заключёнными... Десятки геологов: Борис Флеров, Валентин Цареградский, Алексей Васьковский, Сергей Смирнов, Евгений Машко, Израиль Драбкин, Николай Аникеев, Владимир Титов, горняки, прорабы, руководители и рабочие предстают перед нами в этой книге. И образы эти реальны, наделены человеческими чертами, ясны характеры этих людей, мотивы их поступков...

«Геологи знают, что полевые работы — это не только умственный, но и физический труд. Особенно на Севере, или, как принято называть, Крайнем Севере, в горных и высокогорных районах, при недостатке продовольствия, при отсутствии подходящей обуви и одежды. Особенно трудно, когда выпадает дождливое лето. Дождь день за днем шуршит по палатке, и трудно решиться выйти в такую погоду в маршрут. Трудно, но бывает нужно. Трудно решиться нырнуть в кусты и, продираясь сквозь их заросли, собирать всю воду своими плечами и спиной, по которым она течет холодными струями под одеждой. Приходится, добравшись до верхней границы растительности, остановиться, развести костер для просушки, а затем идти по водоразделу в тучах, опять мокнуть и дрожать от холода, с большим трудом укрываясь от дождя, делать записи в полевую книжку и отмечать на карте точки наблюдений», — так описывает автор тяжелейшую работу геологов-поисковиков на Крайнем Севере.

5. Березский, Д. А. Жизнь простого человека : воспоминания / Д. А. Березский ; ред. П. Ю. Жданов. — Магадан : Охотник, 2015. — 498 с.

«Жизнь простого человека» — своеобразная сага, история нескольких поколений одной семьи на протяжении бурных событий XIX–XX веков. Книга в жанре документальной прозы геолога Дмитрия Анастасьевича Березского — драматическая история всей страны и, конечно, освоения Колымы. Летопись, вместившая и коллективизацию, и голод, и студенчество, и гитлеровский плен, и колымские лагеря, и не менее жёсткую борьбу за существование после освобождения, и обретение семьи — семьи, продолжившей историю рода Березских. В начале книги — посвящение от автора: «Спецпоселенцам — бывшим военнопленным. Живым и сложившим свои головы “во глубине сибирских руд”».

Свою большую книгу жизни автор заканчивает словами: «Оставшись в живых в войне и освободившись из ссылки, я все последующие годы отдал освоению Колымского края. Вместе со своими коллегами-геологами мы разведали и передали в эксплуатацию много месторождений золота, пополнившего государственную казну и способствовавшего развитию страны. Здесь, безусловно, есть и моя заслуга».

6. Голота, Д. С. На планете «Дальстрой» : (колым. хроника жизни очевидца. 1941–1956 гг.) / Д. С. Голота ; ред. П. Ю. Жданов. — Магадан : Охотник, 2016. — 349 с.

Выпускник Киевского университета Даниил Голота, прибывший по контракту в «Дальстрой» в 1941 году, рассказывает о работе приисковых геологов Чай-Урынского геологоразведочного управления в годы войны, затем о работе геологов, занимающихся поиском золота, олова и урана на Колыме и Чукотке.

Автор повествует о жестоких условиях труда и жизни вольнонаёмных и эзков, о Магадане 40-х – середины 50-х годов прошлого века, учебном процессе в Магаданском горно-геологическом техникуме, в котором он преподавал несколько лет, о своей драматически сложившейся семейной жизни. В книге представлены подлинные фотографии и карты, составленные автором.

Довольно красноречивая картина рисуется нам уже на первых страницах книги: «На прииске работало более двух тысяч заключенных; в ту суровую зиму, когда морозы держались от -60 до -70 градусов, заключенные, бедные, гибли как мухи. Да и нам, «вольняшкам», приходилось нелегко. В десятиметровой клетушке рубленого барака нас было трое — все молодые специалисты, прибывшие одним и тем же рейсом. Спали одетые — в теплом белье, ватных брюках, полушубках и валенках, в шапках-ушанках; стоявшая посреди комнатки жестяная печка позволяла лишь кое-как вскипятить чайник. Ни дров, ни угля нам не

давали; приходилось добывать за полпайки хлеба вязанку мерзлой ольхи или лиственницы, которую разносили заключенные после работы. Так что если на улице, за стенами, было шестьдесят градусов ниже нуля, то внутри — не выше минус сорока; к утру шапка примерзала к стенке, а голова покрывалась инеем...»

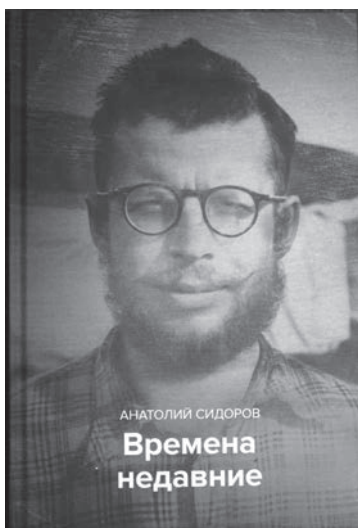
В истории о поиске золота в верховьях Аян-Юряха в районе горы Харан автор пишет: «За лето, короткое северное лето, по скалам, осыпям, тайге и болотам пройдено больше тысячи верст. Пройдено в одиночку, с тяжелым грузом — в зной и ливень, в снег и туман, с туго затянутым, всегда голодным животом, потому что идет война, не достает ни продуктов, ни рабочих рук. И человек выбился из сил, отощал. Вместо тела — скелет, обтянутый кожей. На лице лишь нос да скулы торчат — сухие, почерневшие. Глаза впали глубоко-глубоко и чуть светятся, как вода в заброшенном степном колодце...»

Вот и сегодня прошел-проковылял 22 километра по хмурым горам, в дожде и тумане, съев у ручья лишь кусочек хлеба с голубикой. Ноги уже не держат, сил нет... Человек опускается в изнеможении на холмик, сидит, сняв лямки с плеч, тяжело дышит». И перед читателями предстаёт портрет мужественного геолога-поисковика на пределе физических и психических возможностей. Такова история описанной в книге жизни, которая даёт потомкам интереснейший фактический материал, не лишённый местами романтического флёра.

«Несомненно, книга Д. С. Голоты «На планете «Дальстрой»» вносит свой вклад в написание истории освоения Колымы; читателю она доставит особое удовольствие, путешественника же побудит побывать в тех местах, где работал автор книги», — пишет в предисловии издатель Павел Жданов.

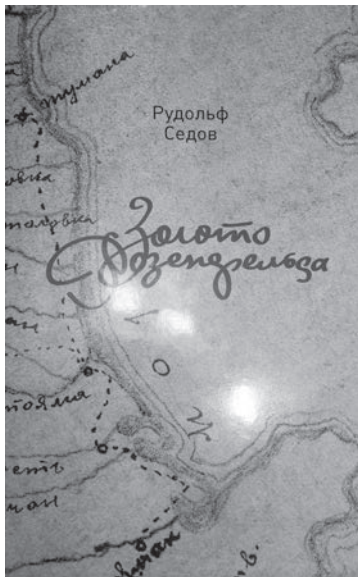
7. Сидоров, А. А. Времена недавние : от Дальстроя до нынешних времен (рассказы, эссе, научно-популярные статьи, воспоминания) / А. А. Сидоров ; ред. П. Ю. Жданов. — Магадан : Охотник, 2016. — 300 с.

Книга воспоминаний академика, директора СВКНИИ ДВ РАН Анатолия Алексеевича Сидорова захватывает большой отрезок времени, когда молодой геолог, выпускник Иркутского горно-металлургического института, оказался на Чукотке, до середины 90-х годов прошлого века, на которые пришлось крутые перемены, коснувшиеся не только геологии, но и науки в целом. В книгу вошли автобиографические рассказы, часть из которых составляют геологические курьёзы или анекдоты (в литературном смысле этого слова), эссе и научно-популярные статьи, публиковавшиеся в ряде журналов, и воспоминания о работе на Чукотке, в Магадане и Москве. В предисловии к книге издатель Павел Жданов

остающейся тайной за семью печатями, первооткрывателя россыпного золота омчаковской долины Дмитрия Павловича Асеева; о том, как воспринимался современниками открыватель уже рудного золота на Теньке Николай Ильич Чемоданов, послуживший для Олега Куваева прообразом Чинкова-Будды в романе «Территория»; о специфике работы полевых геологических партий во второй половине XX века».

8. Седов, Р. В. Золото Розенфельда : док. роман / Р. В. Седов. — Магадан : Охотник, 2017. — 484 с. — (Открывая Северо-Восток. Кн. 1)

Судьба Розенфельда — это настоящая историческая драма. Герой проложил несколько торговых путей с побережья Охотского моря в глубь материка, но они остались неиспользованными, искал золото, но не нашёл, пытался привлечь внимание к богатствам Колымы, но не был услышан, по абсурдному обвинению попал в лагерь и после освобождения умер насильственной смертью. Потрачены годы, пройдены тысячи тяжелейших северных километров, а результат не

пишет: «Книга состоит из четырех частей. В первую вошли литературные воспоминания о работе геологом, затем — начальником геологической партии на Чукотке. Это увлекательнейшие рассказы, которые дают необычайно точное представление о самобытнейших условиях работы и жизни в то время. Из этих рассказов мы узнаем о деятельности в послеколымский период, для многих

остающейся тайной за семью печатями, первооткрывателя россыпного золота омчаковской долины Дмитрия Павловича Асеева; о том, как воспринимался современниками открыватель уже рудного золота на Теньке Николай Ильич Чемоданов, послуживший для Олега Куваева прообразом Чинкова-Будды в романе «Территория»; о специфике работы полевых геологических партий во второй половине XX века».

Книга известного путешественника, писателя и журналиста Р. В. Седова «Золото Розенфельда» из серии «Открывая Северо-Восток» — документальный роман, повествующий о Ю. Я. Розенфельде, самоотверженном энтузиасте-естествоиспытателе, мечтателе-романтике, человеке, приведшем за собой первооткрывателей золота. Один из выдающихся колымских геологов Б. И. Вронский назвал его «возвестником золотой Ко-

лымы, у которого было много веры и слишком мало фактов». Золото Розенфельда — это настоящая историческая драма. Герой проложил несколько торговых путей с побережья Охотского моря в глубь материка, но они остались неиспользованными, искал золото, но не нашёл, пытался привлечь внимание к богатствам Колымы, но не был услышан, по абсурдному обвинению попал в лагерь и после освобождения умер насильственной смертью. Потрачены годы, пройдены тысячи тяжелейших северных километров, а результат не

достигнут. Но что же тогда привлекает читателя в жизни этого человека? В первую очередь это завораживающая одержимость, подвижничество, интуиция, фанатичная вера в то, что Север — истинная кладовая страны. Поэтому и понимать название книги Р. Седова можно не только буквально, но и метафорически: «золото» Розенфельда — это открытие в себе самом. Да и конечная цель достигнута: благодаря запискам Розенфельда на Колыму пришли геологи, которые и открыли месторождения золота. И книга «Золото Розенфельда» — своеобразный памятник людям, которые осваивали Север.

В книге дана краткая биографическая справка о главном герое повествования: «Юрий Янович Розенфельд родился 10 июля 1874 года в Везенбергском уезде Эстляндской губернии (ныне Эстония) в семье крестьянина. Окончил 4-классное уездное училище. С 18 лет работал в коммерческих фирмах Петербурга, был связан с сибирскими купцами Серебряковым, Шустовым. По делам фирм выезжал в Германию, Францию, Голландию, Италию.

В 1908 году выехал от [купца] Шустова в командировку на Колыму «исследовать природу и экономику Охотско-Колымского края», а также для выбора нового транспортного пути с охотского побережья на реку Колыму. После экспедиции предлагал организовать Колымскую геологоразведочную экспедицию. Революционные потрясения в России не позволили ее осуществить. В 1920 году он выехал в Китай. В 1924 г., приняв русское подданство, вернулся в СССР. Работал в Забайкалье на приисках. В 1933 г. руководство Дальстроя предлагает ему поехать на Колыму. Подозрение в утайке золота привело его в лагерь. После он работал директором краеведческого музея в Магадане. Вторично арестован в 1937 г. Освобожден в ноябре 1939 г. 14 апреля 1940 г. был найден убитым под Оротуканом. Убийцы и причины смерти не установлены».

Издательские проекты Магаданской области по искусству

9. Живописный Магадан : литературно-художественное издание. — Магадан : Охотник, 2014. — 154 с.

Иллюстрированный альбом в подарочном исполнении — своеобразный мозаичный портрет Магадана, составленный из почти 90 работ 24 колымских художников нескольких поколений. В издании собраны графика, пастель, гравюры, офорты, акварели и живопись с 30-х годов XX века до наших дней. Значительная часть работ представлена специально для данного издания Магаданским областным краеведческим музеем и публикуется впервые. Ряд картин — достояние частных коллекционеров или самих художников, большин-

ство из этих произведений до сих пор не выставлялось, не публиковалось или было известно лишь узкому кругу специалистов, а в «Живописном Магадане» впервые представлено широкой публике. «Живописный Магадан» — это книга-путешествие по уголкам ушедшего города; книга, дающая возможность окунуться в прошлое, посмотреть на

привычное глазами графиков и живописцев, увидеть, как менялись и форма, и содержание вместе с течением времени; книга, сопровождающаяся небольшими историческими рассказами, воспоминаниями художников или крошечными эссе. По словам коренной магаданки, филолога, профессора СВГУ Елены Гоголевой, главная особенность книги в том, что «перед нами не художественный облик мира, а художественный портрет одного-единственного города, особенного города, с пугающим многих россиян именем — Магадан... Это Город, лицо которого стало родным, узнаваемым, близким. Горькие страницы его истории не отменяют радости любви к нему».

10. Художник Валерий Цирценс. Чистота периферии : (живопись, графика). — Магадан : Охотник, 2014. — 100 с.

Художественный альбом талантливого магаданского художника Валерия Цирценса — это признание живописца в бесконечной любви к Северу, о чём свидетельствует и эпиграф: «Север — это какой-то зачарованный мир, где душа в языческом трепете и поклонении целуется со вселенной сутью.

Необъятные и девственные просторы. Волшебные поймы

рек, величавые и причудливые горы, цветущая и дурманящая Тундра. Море, то бешеное и до содрогания суровое, то ласковое и лукаво манящее. Это царство льдов и снежная бесконечность, где зыбко-призрачные туманы вытворяют невероятные миражирующие эффекты. Польшание цвета и света раскачивает душу то в неопишуемый восторг, то в светлую, все заполняющую грусть... и ты летишь!

Здесь просматриваются девственная колыбель человечества и вся наша людская сущность. Это мой дом, мое Отечество, мой теплый Север!»

Валерий Станиславович Цирценс — член Союза художников России с 1987 года. Живописец. Родился 15 февраля 1947 года в г. Комсомольске-на-Амуре. С 1972 года живёт в Магадане. Во вступительной статье искусствоведа Виталия Кандыбы отмечена оригинальность мастера: «Он едва ли не единственный художник, у которого не найдется общепринятой суровости в изображении Севера. Цирценс — человек не со стороны, как большинство живописцев Севера... У Цирценса иная модель художественного поведения. Такая могла быть, вероятно, у чукчи или эскимоса, стань они живописцами-профессионалами. Цирценс, как абориген, смотрит на Чукотку приветливым взглядом давнего знакомого. Обитает на ней как в родном доме, не ждет настороженного от нее коварства. Все для него здесь — вполне нормальная повседневность. Цирценс не знал гипноза «сурового севера», не тратил творческих сил на «белое безмолвие» в духе Джека Лондона.

Он пишет Чукотку главным образом летнюю, осиянную незаходящим солнцем. Все время вы видите вольный простор цветущей равнинной тундры с горами у самого горизонта. Среди нее виднеется мягко писанная яранга, рядом фигурки аборигенов. И хотя они всегда мелки в панорамных пейзажах Цирценса, легко заметить их занятия: рубятся для костра сучья, на треноге закипает котелок, мыкается по стану рассыпь лаек, к яранге притулены нарты, поставленные стоймя. Людской обиход здесь как бы намечен пунктиром, выглядит одной из вечных примет тундрового ландшафта, как еще и олени, горы, облака над ними. Время остановилось, идиллическая тишина. Природа и человек здесь вечно пребывают вне потока событий, слиты воедино и величаво, как в древнем эпосе».

11. Александр Пилипенко. Живопись, графика : альбом-каталог. — Магадан : Охотник, 2015. — 188 с.

Художественное издание «Александр Пилипенко. Живопись, графика» посвящено творчеству современного колымского художника. Выполненное в формате альбома-каталога, оно включает аналитическую статью об особенностях творческого почерка мастера, альбом репродукций, каталог произведений, созданных более чем за 40-летний период

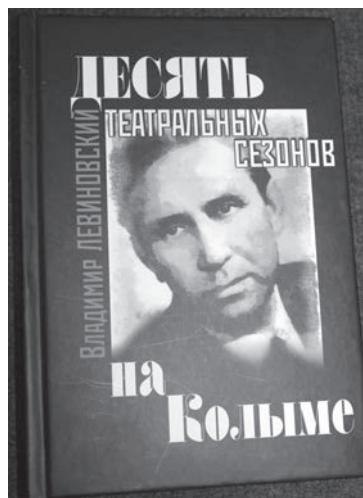

профессиональной деятельности. В общей сложности в книге представлено более 130 оригинальных произведений художника. Это первое издание в Магадане подобного жанра.

Альбом-каталог предназначен для специалистов — искусствоведов, культурологов, художников и широкого круга любителей изобразительного

искусства. В предисловии к альбому искусствовед Наталья Левданская отмечает: «Пилипенко-живописец и Пилипенко-график — две стороны одной богато одаренной, вечно ищущей творческой личности. В графике художник тяготеет к непосредственности восприятия природы, идет не от рассудка, а от собственной интуиции. Особенно это видно в этюдах обнаженной природы... В роли книжного графика Александр Пилипенко демонстрирует способность тонко чувствовать слово. Создаваемые им иллюстрации оригинальны, но при этом послушно следуют за мыслью, вербальными образами поэта или журналиста».

12. Левиновский, В. Я. Десять театральных сезонов на Колыме / В. Я. Левиновский. — Магадан : Кордис, 2014. — 174 с.

Книга в жанре документальной прозы посвящена 75-летию Магаданского музыкального и драматического театра. Её автор — Владимир Яковлевич Левиновский, в течение десяти сезонов возглавлял единственный в России Магаданский музыкально-драматический театр им. М. Горького. Издание содержит уникальные исторические факты создания

и становления театра: «Возникновение театра на Колыме — событие естественное для русской культуры. Но способ его создания был противоестественным. Его «художественное» руководство находилось за... кремлевской стеной. Там формировалась «труппа» будущего театра... Сначала к берегам бухты Нагаева причалили баржи, заполненные новыми обитателями ГУЛАГа. Затем возникли «культбригады» — прообраз будущего театра за колючей проволокой.

Искусство эзков — известных мастеров советского театра — невозможно было удержать в границах Маглага, их спектакли стали вывозить за пределы «зоны доступа». Затем к лагерному театру присоединились «вольнонаемные» творческие работники. Последнее и привело к основанию внелагерного Музыкально-драматического театра имени М. Горького весной 1938 года.

«Лагерное прошлое» магаданской сцены неразрывно связано с творчеством видных мастеров советского периода, таких как Георгий Жженев, Юрий Розенштраух (Кольцов), Александр Демич-Демидович, Леонид Варпаховский, Вадим Козин, Эдди Рознер, художник Василий Шухаев и других, творивших на сцене театрального Маглага. Это они подготовили базу для основания профессионального репертуарного театра».

13. Ханькан, К. А. [Повести и рассказы] / К. А. Ханькан. — Магадан : Охотник, 2014. Фото 12

Т. 1 : Кэлками. — 2014. — 283 [1] с. : ил.

Т. 2 : Долгий путь. — 2014. — 287 [1] с. : ил.

Творчество Константина Ханькана — это замечательное явление, ярчайшая звезда на небосводе современной литературы территории. Со времён Олега Куваева и Альберта Мифтахутдинова не было в магаданской прозе столь заметного писателя. Его повести и рассказы, представленные в этом двухтомнике, удивительно национальны, проза этнична по своей философии и пониманию жизни. Писатель естественен в изображении бытия своего народа, природы Севера и целого мира. Естественность, гармоничность — цель всего творчества многих литераторов, Константину Ханькану они дарованы свыше.

Современному человеку, выхолощенному цивилизацией, может показаться, что повести и рассказы Ханькана недостаточно динамичны, что в них много этнографических описаний, эпизодов, связанных с охотой, рыбалкой, бытом. Сцены разделки убитых животных могут даже шокировать

читателя своей натуральностью. Но именно это внимание к деталям, спокойная последовательность изображения течения жизни человека в природе и делают увлекательными произведения К. Ханькана. Для настоящего любителя литературы представленная проза — открытие новой вселенной.

Константин Алексеевич Ханькан родился в селе Камешки Северо-Эвенского района Магаданской области в семье оленевода-кочевника. Основная трудовая деятельность Константина Ханькана связана с оленеводством. Он ещё мало известен как литератор, хотя давно пишет отдельные рассказы, а его первая книга «Живой поток» вышла в Магадане в 2007 году. Константин Ханькан является дипломантом VII, IX, X Открытых литературных конкурсов имени Ю. С. Рытхэу. Надо сказать, что автор сам делает иллюстрации к своим рассказам, его рисунки использованы при оформлении его книг. В настоящее время писатель живёт в Магадане, занимается литературной деятельностью. В предисловии к первой книге Константина Ханькана, которое подготовлено кандидатом филологических наук доцентом М. А. Юриной, отмечена ценность его повестей и рассказов: «Начало нынешнего века не балует российского читателя яркими, значительными произведениями отечественной прозы, вступившей, к сожалению, в период глубокого и затяжного

кризиса. Тем более это касается северной национальной литературы, уже давно, десятилетиями не предлагавшей нам развернутых эпических полотен о Крайнем Северо-Востоке, его людях и природе. Поэтому появление книги повестей и рассказов, написанных эвенским писателем, до тонкостей знающим особенности жизни коренного населения Колымы и Чукотки, вселяет немалую надежду на возрождение северной национальной прозы.

Произведения сборника, несмотря на их некоторую художественную безыскусность, наделены каким-то особым очарованием, невольно трогают и захватывают воображение. Думается, что источник такого обаяния — в глубокой нравственной основе книги, почти целиком посвященной теме труда, проникнутой необыкновенным уважением к природе Севера, его людям, сумевшим в суровых условиях сберечь в себе высокие моральные качества. Ценность повестей и рассказов К. А. Ханькана в том, что они способствуют сохранению опыта, традиций и этических заповедей коренного населения края... Читатель узнает много нового и полезного о жизни эвенов (охотников и оленных кочевников) и юкагиров: об устройстве жилья, способах охоты, рационе, труде, обычаях и верованиях этих народов, опыт выживания которых в суровых условиях до сих пор недооценен».

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 03.04.2017 г.

Сведения об авторе: Наумова Раиса Вячеславовна, заместитель генерального директора Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: rnaumova@mail.ru; тел. (4212) 32-72-20.

Информация для авторов

Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикаций отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и списков.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии). Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух и более номерах журнала.

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание, на русском и английском языках.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. понятий, используемых в статье, на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество;
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- контактный телефон (рабочий, мобильный);
- e-mail.

Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточниками.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем внимание авторов на соблюдение ряда **требований при наборе текста**:

- Необходимость использования буквы ё.
- Правильное применения **дефиса** (-), тире (–) и длинного тире (—):

Дефис (-) — орфографический знак переноса, который разделяет части слова. Графически дефис короче тире. Он делит

слово на слоги при переносе на новую строку, а также делит части составных слов, например: юго-запад, Мамин-Сибиряк, Ростов-на-Дону. Также через дефис пишутся сокращения *о-во* (общество), *д-р* (доктор) и т. д. Дефис используется для присоединения некоторых приставок или частиц к слову: скажи-ка, по-английски. Через дефис пишутся частицы -то, -либо, кое-, -нибудь.

Дефис пишется слитно со словами как предшествующими ему, так и с последующими.

Тире (–) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре, а длинное тире (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ Alt +знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре.

Тире ставится между цифрами (без пробелов), например, 5–10; 2013–2014 годы, XIX–XX века. Пробелы ставятся в том случае, когда тире стоит между цифрой и словом, например: начало 2013 – конец 2014 года.

В остальных случаях ставится **длинное тире** (—), которое от окружающих слов отделяется пробелами.

При маркировании списка в тексте используются не дефисы, а только тире.

Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

- список помещается в конце статьи;
- в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;
- в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;
- далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);
- если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке также в алфавитном порядке;
- в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];
- нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Предпечатная подготовка и печать
ООО «Омега-Пресс».
Хабаровск, ул. Промышленная, 8б.
Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Заказ № 782.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.